

902.7 (421)

Д 14

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ДАГЕСТАН В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Махачкала
1998

N 110

902.7 (421)

Д 14

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ДАГЕСТАН В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

(ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ)

*Ответственный редактор
доктор исторических наук,
профессор М.А.Агларов*

Махачкала
1998

Исследования и издание осуществлены
при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект 96-01-00395

Рекомендовано к печати Ученым советом Института истории,
археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН.

Дагестан в эпоху Великого переселения народов (этногенетические исследования).

Ответств. ред. М. А. Агларов. Махачкала, 1998. — 164 с.

165218

Daghestan In The Great Migration Period (Ethnogenesis Studies).
Ed. by Prof. M. A. Aglarov. Makhachkala, 1998.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

© Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 1998

instituteofhistory.ru

ТЮРКСКИЙ “ПРЕССИНГ” НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

Великое переселение народов, как известно, явилось не только разрушительным “нашествием варваров на Рим”, но более эпохой создания новых великих империй, эпохой глобальной миграции народов, племен и культур. “Пассионарная вспышка тюркского мира” (Л. Н. Гумилев) имела особую значимость для “серединого мира”, именуемого все чаще Евразийским историко-культурным феноменом. “Империя” Аттилы, Тюркские, Хазарский, Аварский каганаты, Деист-и-Кипчак и другие племенные союзы и ранние сударственные образования кочевников, соседствуя и взаимозаменяя друг друга, на нескольких столетий покрыли огромные просторы Евразии, вызвав значительные политические и социально-экономические потрясения, движения народов, синтезируя народы и культуры в гигантском “правильном котле”.

Тюркский “прессинг” волнами накатывался и на Кавказ, особенно на его восточную часть, выступавшую не только основным “мостом”, соединявшим два континента, но и ареной борьбы, всесторонних контактов, столкновения интересов двух миров, двух цивилизаций: южной, оседло-земледельческой и северной, кочевническо-скотоводческой, развивавшейся в этот период под тюркским политическим господством. Несокрушимые укрепления Дербента, возведенные Сасанидами и сдерживавшие гунно-хазарские “волны”, впоследствии сами стали форпостом новой “пассионарной экспансии” — арабомусульманской цивилизации.

Почти на протяжении тысячи лет, начиная с гуннской эпохи, тюркский компонент активно влиял на этническую ситуацию на Кавказе, перекраивал кавказскую этнокарту. Этот период занимает особое место в этногенетических процессах и в этнической истории Северного и Восточного Кавказа. Это время становления и формирования известных тюркоязычных этносов Кавказа, тюркоязычных кавказцев — азербайджанцев, кумыков, балкарцев, карачаевцев. Тюркский “прессинг” сыграл значительную роль во взаимодействии кавказской и степной культур, выступив важной составляющей формирования в контактных зонах новых синтезных культурно-исторических областей и этнополитических образований.

Настоящий сборник статей касается лишь немногих эпизодов соприкосновения и контактов “гор и плоскости”, кавказских и тюркских этносов и их культур, и каждый сюжет углубляет и продвигает наши знания о той эпохе, интерес к которой особенно возрос в наши дни бурных социально-экономических и этнокультурных процессов.

Вместе с тем, авторы публикуемых исследований, соблюдая академический стиль и профессионализм, дистанцируют научное знание от заполонивших прессу псевдонаучных, наукообразных публикаций по проблеме происхождения и этнической истории тюркских (и других) народов, вызванных к жизни современной ситуацией. Для этих “исследований” характерны две основные взаимосвязанные тенденции, преследующие показать древность, “исконную” цивилизованность (со всеми ее признаками и, прежде всего, государственностью) и, как следствие, превосходство того или иного народа, его огромные роль и значение в древней и средневековой истории. Первая тенденция — возведение и/или включение в ареал древнетюркской культуры и ее носителей переднеазиатских и восточносредиземноморских цивилизаций, их идентификация. Вторая — попытки свести к тюркскому корню не только этногенез и раннюю этническую историю многих переднеазиатских и кавказских народов древности и современности, но и происхождение многих культурных институтов и атрибутов, вплоть до христианства. Дискуссии с авторами этих писаний, как правило, не являющимися профессиональными исследователями и специалистами в данной области научного знания, становятся зачастую сложными и трудными из-за того, что их рекламируемые, новые или возрождаемые, “этногенетические” и “историко-культурологические концепции” находятся вне поля науки и научной этики. Эти “исследования” и “исследователи” затушевывают и дискредитируют подлинно огромный вклад тюркской культуры и ее создателей в общемировую культуру, в становление современного мира.

Критика одной из таких “концепций” прозвучала на страницах первого сборника статей, посвященного вопросам раннего этапа этногенеза народов Дагестана (Алародия: этногенетические исследования. Махачкала, 1995). Предлагаемый сборник продолжает тему этногенеза и этнической истории дагестанских народов и в нем значительное место, как следовало ожидать, занимают статьи, посвященные или затрагивающие в той или иной степени тему тюркского влияния и компонента, проблему этногенеза и этнической истории кумыков. Примечательно, что по этим вопросам высказываются пред-

ставители различных научных дисциплин — историки, археологи, лингвисты, фольклорист, географ-топонимист (О. М. Давудов, Г. С. Федоров, Л. Б. Гмыря, Н. С. Джидалаев, А. М. Аджиев, Г. -Р. А. -К. Гусейнов, Х. Л. Ханмагомедов).

Не все положения, высказываемые авторами, бесспорны; ряд из них нуждается в дополнительном исследовании, аргументации. Так, требует более веского фактического обоснования отнесение Х. Л. Ханмагомедовым к булгаризмам (как это сделано Н. С. Джидалаевым) серии топонимов и ойконимов Дагестана. Он же, вслед за некоторыми исследователями, склонен видеть в ряде топонимов Табасарана отложение этнонима “гунны”. Хотя следует отметить, что данные топонимы образованы от табасаранского этнонимического наименования *гьуннар*, которым обозначают жителей ряда бывших союзов сельских обществ Верхнего (Горного) Табасарана, и этот этноним представляет собой, как считают исследователи табасаранского языка (Б. Г. -К. Ханмагомедов, К. К. Курбанов), производную, ассимилированную форму от исходного *гьурнар*, употребляемого параллельно с термином *гьуннар*.

Г. С. Федоров в своей статье, посвященной этногенезу кумыков, затрагивает вопрос этнической принадлежности казикумухских и таркинских шамхалов и считает их по происхождению кумыками — выходцами из Бойнака и Тарки, что представляется весьма спорным. Дело не только в том, что инородное происхождение правящих династий — явление достаточно распространенное (напр., Рюриковичи-норманны на Руси, Аршакиды-парфяне в Армении, Кавказской Албании и т. д.). Шамхалы, как это зафиксировано нарративными источниками, вели свое происхождение не от местных фамилий, тухумов, народов, а возводили к арабам, к священному роду самого посланника Мухаммеда, что явилось важным генеалогическим фактором, позволившим им стать на волне исламизации “валей Дагестана” и пользоваться огромным политическим авторитетом на всем Кавказе. К тому же, осознание единой конфессиональной принадлежности (в данном случае, исламской) в средневековье и в более ранние эпохи стояло значительно выше признака этнического, национального.

Другой блок статей, представленных в сборнике, посвящен различным аспектам этногенеза и этнической истории иных дагестанских народов. Это: весьма глубокое исследование М. С. Гаджиева, посвященное одному из этнополитических образований Восточного Кавказа античного и раннесредневекового времени и представляю-

шее важный вклад в албанистику; интересная статья М. М. Маммаева о происхождении названий известного средневекового художественного центра — Кубачи и самоназвания кубачинцев *узьбуг*; статья М. Р. Гасанова, представляющая своего рода “банк данных” о табасаранах; небольшая, носящая историографический характер, работа Б. Г. Алиева о происхождении кайтагских ушмиев, их титула и термина Кайтаг // Хайдак. В сборник включена обзорная статья известного венгерского ученого, проф. И. Эрдели, посвященная “классическим” аварам, которых некоторые исследователи необоснованно сопоставляли с аварцами (самоназвание *magIарулал*) — коренным народом Дагестана. Но не исключено (хотя веские доводы отсутствуют), что какая-то часть кочевников-авар проникла в VI в. в горы Дагестана, выступив военно-политической элитой государственного образования Серир, правитель которого, как сообщают источники, носил имя Авар.

Представляется, что настоящий сборник будет с интересом воспринят как исследователями, специалистами, так и широким кругом читателей, в поле зрения которых — история “Страны гор” и “Горы языков”.

ЛПИНИЯ

(исторические факты, локализация, этническая принадлежность).¹

Среди раннегосударственных, этнополитических образований Кавказа позднеантичного и раннесредневекового времени ряд греко-латинских и древнеармянских источников упоминают “страну Лпинию” (лат. *patria Lepon*; арм. *ашхарх Лпинк*; араб. *Либан* восстанавливается на основе топонима *Баб-Либан-шах*, приведенного у Хордадбеха: I, с. 15). Название свое эта историческая область получила от имени лпинов (лат. *Lipenii*, *Lipones*; греч. *λιφεννιοι*; арм. *лпинк*; араб. *лифинийун*, *либан*). Адекватность приведенных разноязычных этнонимов и этнотопонимов не вызывает разногласий среди исследователей, представляет *opinio communis* и подтверждается анализом и взаимосоответствием данных письменных источников,

Наиболее раннее упоминание лпинов содержится в труде Плиния Старшего (23-79 гг.) в пассаже, посвященном этнокарте Кавказа: “С другой стороны, [начиная] от границ Албании, по всему челу гор [обитают] дикие племена сльвов, а ниже лупенни, затем дидуры и соды” (Nat. Hist., VI, 29). Данные Плиния, как и других античных источников, о лпинах и иных малоизвестных племенах Кавказа восходят к I в. до н. э. и связаны с римскими походами в Закавказье (2, с. 11), хотя собственно авторы (Плутарх, Тацит, Дион Кассий и др.), сообщающие об этих кампаниях, не упоминают лпинов. Не исключено, что первое знакомство римлян с лпинами произошло в 65 г. до н. э., когда легионеры Помпея нанесли поражение многочисленному войску албанского царя Орода (Оройса), в составе которого могли находиться и лпины. Это тем более вероятно, что это период политической консолидации Кавказской Албании, судя по замечанию Страбона (Geogr., XI, 4, 6), восходящему, как и другие его данные об Албании, приведенные в главе 4 книги XI, к сообщениям участников похода Помпея. На это, возможно, указывает и высказывание Павла Оросия о “войске вождей (*praefectosque*) албанского царя Орода” (Hist., V, 4, 8). Оросий употребил термин “*praefectos*”, под которым могут скрываться не просто полководцы, а вожди — предводители различ-

ных племен, вошедших в Албанскую конфедерацию. Догадка об участии лпинов в составе войска Орода подкрепляется и тем, что решающая битва между римлянами и албанами произошла на левобережье Алазани² у подножья Кавказского хребта — на территории расселения лпинов, как это будет показано ниже. Важно отметить, что Плиний Старший, проявляющий хорошее знание этногеографии Кавказа, пользовался картами Кавказа, составленными на месте (*Nat. Hist.*, VI, 5, 40), как это следует из его реплики относительно местоположения Каспийских ворот. И, очевидно, в своем географическом описании и локализации кавказских народов он опирался на эти ситуационные карты.

В связи со сказанным, обращает внимание, что лпины фигурируют в форме *lupones* на Карте Певтингера (*Tab. Peut.*, XI, 5) и в названии *patia Lerop* у Равеннского Анонима (*Cosm.*, II, 12) — в источниках, восходящих к греко-римским итинерариям. Упоминание Равенским Анонимом “страны Лепон” наряду с Албанией и другими областями Кавказа может указывать на ее немаловажное значение в структуре этнополитических образований Кавказа.

На этом исчерпываются данные о лпинах и Лпинии в греко-римских источниках, если не считать упоминание Клавдием Птолемеем деревни Лубион (Λουβιον κομη) в Иберии на иберо-албанской границе (*Geogr.*, V, 10, 1), название которой сопоставлялось еще К. Миллером с этнонимом *lupones*, с топонимами *patia Lerop* и *Liponis* Равеннского Анонима и Лбниси в Ксанском ущелье (11, S. 624).

Опираясь на приведенные весьма скудные и отрывочные свидетельства греко-латинских источников, можно осторожно предположить, что лпины на рубеже н. э., очевидно, на правах значительной автономии входили в состав Албанского государства. Это заключение основывается на факте самостоятельного фигурирования этнонима лпины у Плиния вне границ собственно Албании и в особенности на упоминании “страны Лепон” наравне со “страной Албания” в “Космографии” Равеннского Анонима. Вместе в тем, как представляется, в античных источниках этноним “албаны” имеет не только конкретное этническое содержание, подразумевая собственно албан, но выступает собирательным, покрывая и другие близкородственные племена. И в числе 26 племен, вошедших в Албанский союз, следует видеть и лпинов.

В немалой степени это положение ретроспективно опирается на ценные, хотя эпизодические сведения о лпинах и Лпинии древнеар-

мянских авторов. По данным Агафангела, лпины в сер. III в. н. э. вместе с иберами, албанами, чилбами и каспами³ оказали помощь армянскому царю Хосрову в борьбе с Сасанидами (13, с. 17; 14, с. 32; 15, р. 115, 116). К этому же времени относится сообщение Зеноба Глака о царе лпинов Регэсе, который убил “во время войны” царя ченов (кушан, тохаров?) Тирана (Джеваншира) — мужа сестры Анака Сурена и отца Якова (Згона) — двоюродного брата Григория Проветителя (91, с. 71). На протяжении последующих двухсот лет о лпинах не сообщается в связи с теми или иными политическими событиями. Но можно, очевидно, не сомневаться, например, в том, что лпины приняли активное участие в событиях 330-х гг. на Восточном Кавказе, когда Сасанидский Иран к истечению срока Нисибинского договора (298 г.) и в связи со смертью армянского царя Трдата активизировал свою внешнеполитическую деятельность на Кавказе и инспирировал вооруженную борьбу за армянскую корону между сыном и преемником Трдата Хосровом и Санатруком Аршакидом (об этом см.: 16, с. 188-197; 17, с. 65-77; 18, с. 14). Хотя собственно лпины в связи с этими событиями не фигурируют, тем не менее косвенные доводы Бузанда (19, с. 15), Хоренаци (20, с. 149, 151), Каланкатваци (5, с. 33, 34, 38) позволяют считать, что они не остались в стороне и, как и многие албанские племена и нахарары, заняли проиранскую позицию.

Исключительное значение имеют сведения о стране лпинов — “апхарх Лпинк” вардапета Егишэ — очевидца и участника описанных им событий. Повествуя о подготовке Йездигерда II (439-457 гг.) к войне с кушанами (resp. эфталитами) в 440-х гг., Егишэ сообщает, что шаханшах направил послания в вассальные страны с предписанием о предоставлении и сборе войск в стране Апар (округ Нишапура): “... послание было получено в стране Армян, стране Иверов, и стране Албанов, и стране Лбинов, и стране Цавдеев, и стране Кордусов и стране Алдзник, и во многих других отдаленных местностях, которым в прежнее время не было положено следовать по этому пути” (4, с. 30). Судя по следующему замечанию Егишэ, войско Лпинии, как и Армении, Иберии, Албании, состояло из азатов, сыновей азатов (сепухов) и востаников из царского удела (4, с. 30), т.е. из различных представителей феодализирующейся знати. Эта информация Егишэ, вероятного участника кушанской кампании (21, с. 26), в некоторой степени раскрывает социальную структуру Лпинии, сходную с таковой соседних закавказских государственных образований. Во главе

лпинской аристократии стоял царь, брат которого по имени Вурк возглавлял дружину лпинов и погиб в 450 г. в битве при Халхале (4, с. 76; 5, с. 68-69; 22, с. 66). Из этого же свидетельства Егишэ, Парпеци и Каланкатваци ясно, что Лпиния как и Баласаган, заняла в период восстания 450-451 гг. открытую просасанидскую позицию. Для подавления восстания марзпан Васак набрал в различных областях Восточного Кавказа дополнительные военные силы и в их числе “войско лпинов и чилбов” (4, с. 92), которое приняло участие в Аварайрском сражении 451 г. Вслед за этим “страна лпинов и чилбов” и другие области Восточного Кавказа подверглись нашествию хонов-гуннов, которые разорили их “по уговору с армянами” и сюда были посланы войска под командованием иранского полководца Мушкана Нисалавурта (4, с. 117). Позднее, в нач. 460-х гг. лпины поддержали восставшего против сасанидского владычества албанского царя Ваче II, который, противопостав “войною полку Ариев”, “объединил одиннадцать царей горских” (4, с. 169-170; 5, с. 28). Хотя конкретно лпины не названы в этом сообщении Егишэ и Каланкатваци, тем не менее, как не раз указывали исследователи (16, с. 214; 23, с. 67; 24, с. 91-92), в “одиннадцати горских царях” следует видеть правителей и вождей тех самых одиннадцати племен, перечень которых приводит Егишэ при описании восстания 450-451 гг. и в котором фигурируют и лпины (4, с. 92).

Как видно, лпины были вовлечены в важнейшие военно-политические события на кавказской арене III-V вв. и принимали в них деятельное участие. Не осталась Лпиния и в стороне от ирано-византийских войн нач. VII в. и вторжений хазар 627-628 гг. Лпиния вместе с Албанией и Чором становится объектом территориальных претензий Западно-тюркского каганата в лице брата “царя севера”, джебу-кагана Мохо и его младшего сына Бури-шада (см. 25, с. 159; 26, с. 24), который рассматривает эти области уже как наследственные владения (5, с. 89). Позднее, в 681 г. в Лпинии размещаются войска гуннского князя Алп-Илитвера и сюда на переговоры к нему прибывает албанский католикос Елиазар, добившийся ухода гуннских орд с территории Албании (5, с. 120-121). Следом Лпинию и анонимный “город лпинов” посещают посольство епископа Израела, направленное в Варачан к Алп-Илитверу (5, с. 123).

Не менее заметной и существенной была роль Лпинии в религиозно-идеологической жизни Восточного Кавказа и, в особенности, в распространении христианства. На ее территории у границы с Ибе-

рией находились священная область и храм Анахиты-Селены, верховный жрец которых занимал высокое положение в иерархии Албании (Strabo. Geogr., XI, 4, 7). По данным Егишэ и Каланкатваци, Лпиния предстает одной из раннехристианских стран и оплотом христианства на Кавказе вместе с Арменией, Албанией и Иберией. Албанский историк приводит легендарные сведения о проповеднической деятельности на Кавказе ученика апостола Фаддея — св. Елисея (Елишай, Егишэ), который явился “просветителем трех стран: Чога, Лпинии и Албании, где и кончил свою жизнь мученичеством” (5, с. 170)⁴. Несмотря на легендарный характер рассказа Каланкатваци о миссии Елисея (5, с. 26), нельзя не заметить отраженный в нем реальный факт раннего распространения христианства и его сильных позиций в Лпинии, что находит подтверждение и в многочисленных ранне-средневековых христианских памятниках Алазанской долины — территории исторической Лпинии (см., напр., 27). В связи с именем св. Елисея интересно отметить, что оно, очевидно, отложилось в названиях исторической области Элисени (примерно совр. Белоканский, Закатальский и Кахский районы Азербайджана: 7, с. 115, 117) — южной части Эрети-Лпинии (о тождестве этих названий см. ниже) и населенного пункта Елису, расположенного в этой зоне⁵. В повествовании Каланкатваци о св. Елисее, впрочем как и в рассказе о посольстве Елиазара в Лпинию к Алп-Илитверу, важно отметить, что автор воспринимает Лпинию и Чор, как “северную часть нашего Востока”, т.е. как исторические области Кавказской Албании.

Очевидно, с Лпинией была связана и просветительская деятельность Григориса в нач. IV в., путь которого пролегал из Албании в Иберию, затем в “большой город Албании”, “город-крепость” Цри в стране чилбов⁶ и потом к маскутам (5, с. 37-38, 45, 58). Это предположение основано на территориальном соседстве лпинов и чилбов (зоны расселения которых воспринимаются порой как одна область, например, у Егишэ: 4, с. 92, 117), что подтверждается приведенными сведениями Плиния Старшего, Егишэ, а также данными Каланкатваци в пассаже о посольстве епископа Израела (5, с. 123). В связи с этим небезынтересно заметить, что на Алуэнском соборе в конце V в. не присутствует, как следовало бы ожидать, представитель Лпинии, но участвует хореепископ Цри — центра “страны чилбов” — Шмавон, в ведении которого, можно полагать, находилась паства “страны чилбов” и “страны лпинов”.

По сообщению Каланкатваци, с Лпинией связана и миссионерс-

кая деятельность Месропа Маштоца, который “возобновил и укрепил веру христианскую” в этой и других областях Восточного Кавказа (5, с. 60). И в период последовавших вскоре жестоких антихристианских гонений в правление шаханшаха Йездигерда II Лпиния числится в числе закавказских стран, “которые тайно держались христианства” и куда были отправлены отряды магов с целью упрочения позиций зороастризма (4, с. 59-60; 22, с. 56). Высокий политический и конфессиональный статус Лпинии нашел отражение в титулатуре албанских патриархов, принятой в сер. VI в. — “католикос Албании, Лпинии и Чора” (5, с. 171).

* * *

Сложным является вопрос об административно-государственном статусе Лпинии, как впрочем и ряда других политических образований Восточного Кавказа (например, Баласакана, “царства маскутов” и др.). По этому поводу К. В. Тревер отмечала, что “в IV в. н. э. области легов и таваспаров, страна лбинов и Баласакан не слились с коренной Албанией в монолитное целое, а продолжали оставаться периферийными областями, пользовавшимися какими-то видами внутренней автономии” (16, с. 150). Приведенные нами выше сведения письменных источников позволяют говорить, что Лпиния, обладая значительной государственно-политической самостоятельностью, входила в состав Кавказской Албании, представлявшей собой своеобразную конфедерацию, основанную на тесных экономических, политических, культурных, религиозных связях, на определенной этнолингвистической общности. Автономия Лпинии нашла выражение в письменных источниках в ее параллельном упоминании наряду с другими закавказскими странами, в наличии царской (возможно, наследственной) власти, административно-территориальных границ (в т. ч. с собственно Албанией). Вместе с тем, как указывалось выше, Каланкатвацци воспринимает Лпинию как составную часть Албанского государства, что, очевидно, нашло отражение и в конфессиональном отношении. На это может указывать и вхождение в состав Албании “страны чилбов” (территория расселения цахуров — йихьбов, груз. Цукети), которая, судя по фразам Егишэ (“страна лпинов и чилбов”, “войско лпинов и чилбов”: 4, с. 92, 117), входила и в состав Лпинии. По Егишэ, “ашхарх Лпинк” в V в. занимал высокое положение в иерархии государственных образований Кавказа, следуя в его пещнях вслед за Арменией, Иберией и Албанией (4, с. 30, 59-60).

С утверждением марзпанства и шахра Ран-Албания, Лпиния но-

минально вошла в это наместничество, сохранив при этом свою автономию (см. 31, с. 19-23). К этому заключению приводят данные “Ашхарахуйц”-а об административно-территориальном делении Сасанидского государства VI-VII вв. и сведения арабских авторов о восточно-кавказских “шахствах”. В пространной редакции Армянской географии Лпиния не фигурирует в числе самостоятельных шахров-областей, входящих в “Кавказскую сторону” — Кустак-и Капкох (32, с. 115)⁸, что, очевидно, объясняется ее номинальным включением в состав шахра Ран-Албания: по “Ашхарахуйц”-у и Гевонду земли по Алазани и Иори (гавары Шаке, Бел // Бех, Хени // Ехни, Камбечан), где локализуется нами Лпиния (см. ниже), значатся в пределах Албании (36, с. 92). Автономия Лпинии и других восточно-кавказских владений, как представляется, проявилась в пожаловании Хосровом I Ануширваном их правителям титула “шах”, о чем свидетельствуют Масуди, Баладзори, Ибн ал-Факих, Ибн Хордадбех. Последний в числе “выдающихся укреплений”, возведенных Сасанидами на Кавказе, упоминает и Баб-Либан-шах (1, с. 15), в названии которого нельзя не усмотреть титул правителя Лпинии — “Либан-шах” (37, с. 28), учитывая, что по тому же принципу от наименований соответствующих областей и титулов образованы названия и других восточно-кавказских “ворот”: Баб-Табасаран-шах, Баб-Филан-шах (1, с. 15).

Наделение правителей небольших, но стратегически важных областей Восточного Кавказа титулом “шах” находилось в полном соответствии с нормами позднесасанидской номенклатурно-иерархической практики, нашедшими отражение, в частности, в предписании “Письма Тансара”: “И никого, кто не из нашего рода, шахом называть не должно, кроме тех, которые являются правителями пограничных областей и аланов, и областей Запада и Хорезма” (цит. по: 34, с. 20).

А. И. Колесников, исследуя административно-территориальное деление позднесасанидского Ирана, пришел к выводу, что утверждение за марзпанами и некоторыми из спахбедов титула “шах” являлось признанием значительной самостоятельности пограничных правителей (34, с. 55). Этот вывод с полным правом можно распространить и на восточнокавказские области (и их владетелей), в том числе и на Лпинию. Об этом есть яркое указание Йакута ал-Хамави, что Сасаниды “прилагали большую заботу к этой пограничной области (*сагр*) и не ослабляли наблюдения за ее положением вследствие великой опасности с этой стороны и сильной боязни ее” (38, с. 13). Эта

территория “была предоставлена в их исключительное пользование без всяких расходов для правительства, без хлопот об этом крае и без вмешательства в его дела...” (38, с. 15). О привилегированном положении приграничных областей и населения Восточного Кавказа при последних Сасанидах свидетельствуют переговоры наместника Дербента Шахрбараза⁹ с арабами и текст охранной грамоты, выданной арабским полководцем Суракой ибн Амром, приведенные в труде Табари (42, с. 72-73).

Таким образом, данные факты в некоторой степени характеризуют правовое положение Лпинии в государственной системе позднесасанидского Ирана. Значительная самостоятельность Лпинии и других восточнокавказских “шахств” определялись не просто их географическим положением на северных рубежах Сасанидского государства, а той стратегической ролью, которая отводилась им в защите этих рубежей от вторжений кочевников. И не случайно на Лпинию, как и на Чор (Дербент) и Албанию, претендуют в 20-х гг. VII в. как на пожалованное “вечное владение” представители правящего дома тюркютов¹⁰, а позднее в 681 г. Лпиния выступает плацдармом “полководца и великого князя гуннов” Алп-Илитвера. Как не случайно и строительство на территории Лпинии “длинной” стены — “*sadd al-lbn*” — “стены лбинов” (37, с. 28, прим. 38; 43, с. 40, прим. 62). Эта оборонительная линия, локализуемая Баладзори “между областью Ширван и воротами Алган” (44, с. 5), идентифицируется нами с Закавказской “длинной” стеной (45, с. 68-90) и служит одним из доводов для определения местоположения Лпинии.

* * *

Проблема локализации Лпинии неоднократно поднималась исследователями. Решение этого важного вопроса было предложено и автором в статье, посвященной исторической географии Кавказской Албании в контексте исследования маршрута посольства епископа Исраела (30). В ней рассмотрены различные точки зрения на этот вопрос и приведена соответствующая аргументация по локализации Лпинии в Алазанской долине и определенной идентификации ее с Эретой грузинских источников и Шакки арабских. В настоящей работе же приведем дополнительный и веский, на наш взгляд, довод, основанный на сопоставлении грузинских письменных источников о границах Эрети и данных Плиния Старшего и Клавдия Птолемея по этнокарте этой части Кавказа. Такое сопоставление этих двух групп источников, хотя и разделенных тысячелетним периодом, вполне оп-

равданно и уместно, учитывая достаточную устойчивость (территориальную и номинативную) кавказской этнонимической номенклатуры, что подтверждается многими данными.

По Леонти Мровели границы Эрети очерчиваются следующим образом: “... к северу от Куры, от устья Малой Алазани (т.е. р. Иори — М. Г.) до Ткетба, которая ныне называется Гулгула” (46, с. 22). Эрети граничила на севере с Кахети, которая занимала территорию “между Кавказом и горою Кахети, от Арагви до Ткетба, которая и есть граница Эрети” (46, с. 24). Рубежи Эрети в определенной мере подтверждает и “Мученичество Арчила”, в котором сообщается, что дети царя Бакура “овладели Кухети и Эрети от Иори”, а племянники Адарнасе Слепого “прибыли из Тарона в Шаких... и утвердились там до самой Гулгулы” (6, с. 98, 107; 7, с. 134), т.е. до границы Эрети и Кахети. Вахушти Багратиони значительно дополнил и уточнил данные по территории Эрети грузинских хронистов XI в. Согласно ему, она занимала земли “к югу от Хоранты¹¹ до Куры и Кавказа, до границы Мовакана, к северу — от Хунана¹² до Гулгула и Кавказа, к востоку — до Кавказа, к западу — до Куры” (7, с. 133). В другом месте своего труда Вахушти конкретизирует рубежи Эрети: “... речка Лопотис-хеви вытекает из Кавказа между Тушетией и этой (страной)... Сюда притекает в нее ручей (совр. Дид-хеви в верховьях р. Лопоти — М. Г.), вытекающий из Кавказа между Дидо и этой (страной)... Еще выше от устья этой Лопотис-цкали впадает в Алазань Турдос-хеви, вытекающая из Шуамты. На этой речке (т.е. Турдос-хеви — М. Г.) находится Гулгула, который первоначально назывался Ткетба. Эта речка служит границей Эрети и Кахети. Еще выше от впадения Турдос-хеви притекает в Алазань Шторис-хеви; она вытекает из Кавказа между Тушетией и этой (страной)... По северной стороне от Шторис-хеви и Турдос-хеви есть страна Кахети, к югу от них — Эрети” (7, с. 125-127). Эти сведения Вахушти особенно ценны в связи с приводимой им привязкой гидронимов и границ Эрети (resp. эров) к соседним этнополитическим территориям¹³, в данном случае к землям тушин (груз., арм. *туши*; *туски* античных авторов) и дидойцев (груз. *дидо*; арм. *дидои*, *дидоци*; *дидуры* античных авторов; совр. *цезы*).

На юго-востоке Эрети граничила с Цукети, значительная часть которой временами, очевидно, входила в состав Эрети. Хотя Вахушти не называет Цукети в перечне составляющих Эрети областей (7, с. 101), но по данным “Картлис Цховреба”, Цукети предстает зависи-

мой от царя Арчила (сер. VIII в.) и составляет вместе с Элисени и Шакихи Гишский епископат (см. об этом: 6, с. 107; 7, с. 115; 49, с. 38; 50, с. 49, 66; 51, с. 21, 45-46, 58). Исследователи, опираясь на данные “Картлис Цховреба” и Вахушти (7, с. 115), под Цукети территориально и этнически понимают историческую область обитания цахуров, т.е. верховья р. Самур и прилегающие южные склоны Главного Кавказского хребта (бывш. Цахурский участок Закатальского округа)¹⁴. Собственно же цахуры (самоназвание *йихъбы*) обоснованно отождествляются с *чигбами* // *чилбами* армянских и *сильбами* // *сильвами* греко-латинских источников (29, с. 126-127; 30; 52, с. 91; 53, с. 10).

Таким образом, по данным грузинских источников границы Эрети представляются следующим образом. На юге, от устья Иори, затем по р. Куре и далее, очевидно, от устья и по течению р. Алджиганчай Эрети (resp. Лпиния) граничила с собственно Албанией (груз. Ран, Мовакан); на юго-западе и западе, в междуречье Иори и Алазани — с Иберией-Картли¹⁵; на северо-западе и севере, по рр. Штори и Турдо — с Кахетией; на северо-востоке и востоке — с тушинами и дидойцами; на юго-востоке — с цахурами.

Относительно этой части Кавказа Плиний приводит следующие этногеографические данные: “С другой стороны, [начиная] от границ Албании, по всему челу гор [обитают] дикие племена сильвов, а ниже лупени, затем дидуры и соды” (Nat. Hist., VI, 29). К этому следует добавить и сообщение Клавдия Птолемея о том, что “между горами Кавказа и Керавнийскими [обитают] туски и дидуры” (Geogr., V, 8, 17-25). Принимая во внимание общепринятую идентификацию тусков с тушинами (груз., арм. *туши*) и дидуров с дидойцами-цезами (груз. *дидо*, *дидури*, арм. *дидои*, *дидоци*), а также правомерное отождествление сильвов (греч. *сильбы*, арм. *чигб-к* // *чилб-к*) с цахурами-йихъбами, нетрудно обратить внимание на то, что территория расселения плиниевых лупениев — *patia Lerop* Равеннского Анонима (арм. *Лпинк*) совпадает с областью обитания эров — Эрети грузинских источников. Этот факт вкупе с другими доводами (30) и при отмечаемой относительной стабильности этнокарты Кавказа, подтверждаемой данными античных и средневековых источников и в определенной мере отражающей современную этническую зональность, дает право, на наш взгляд, идентифицировать лупениев-лпинов и эров. При этом следует учитывать историчность названий Лпиния, Эрети, Ка-

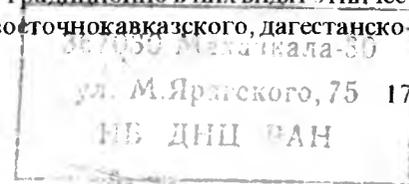
хети, Шаки и изменение (в силу тех или иных политических событий и в определенные периоды) территории, покрываемой ими.

Как было выше отмечено, Лпиния играла весьма заметную роль в политической и религиозной жизни Восточного Кавказа и должна была быть хорошо известна грузинским и арабским авторам. Однако, ни первые, ни вторые не употребляют термин “Лпиния” или производные от него¹⁶, как не знают и армянские авторы названия “Эрети”¹⁷, несмотря на важное значение этой области на кавказской политической арене, как об этом можно судить по данным грузинских хроник. При предложенном тождестве этих этнотопонимов кажущееся странным “молчание” названных групп источников рассеивается. Название центра Эрети — города Шаки, очевидно, соответствующего анонимному “городу лпинов”, который посетил в самом начале 682 г. посольство епископа Израела¹⁸, в арабских источниках (Масуди, Истахри, Баладзори, Ибн ал-Факих) стало использоваться не только для обозначения города, но и страны и ее населения (об идентификации Эрети и Шаки см.: 50, с. 32-43).

Теснейшие связи Лпинии с Албанией вполне соответствуют характеру контактов Эрети с Раном. Впоследствии, термин Лпиния сходит со страниц рукописей и армянские авторы X в. и последующего времени (Йовханнес Драсханакерци, Степанос Таронечи. Степанос Орбелян, автор III-й книги “История Албании”¹⁹ и др.) не приводят его. Это явление, очевидно, было связано с образованием в IX в. царства Эрети-Кахети (царства Шаки арабских источников), получившего в армянских источниках наименование “Албанского царства”. И армянские авторы именуют его правителей (Хамама, Артнерсе, Ишханика) “царями Албании”, видя в них полноправных преемников бывшего государства как с конфессиональной (сильные позиции христианства в Эрети-Шаки), так и генеалогической (принадлежность к роду Араншахик) позиций. Собственно лпины упоминаются и в X в.: армянский католикос Хачик Аршарунечи в своем послании грекам-диофизитам в числе “многих других народов”, не принявших халкедонство, вслед за армянами и албанами называет лпинов (54, с. 322).

* * *

Вопрос об этнической принадлежности лупениев-лпинов (resp. эров) сложен из-за отсутствия в письменных источниках достаточно четких свидетельств на этот счет. Традиционно в них видят этническую общность албанского (resp. восточнокавказского, дагестанско-

го) происхождения. С. В. Юшков считал этноним “лпин” вариантом этнонима “албан” (56, с. 38). С. Т. Еремян сопоставлял термины “албаны” и “лпины”, видя во втором термине усеченную форму первого (8, с. 149). Близкого мнения придерживался А. П. Новосельцев, который полагал, что “таинственные длины древнеармянских источников, возможно, должны быть отождествлены с первоначальными алванами...” (43, с. 40). Но еще К. В. Тревер справедливо указала на четкое различие и античными, и средневековыми авторами албанов и лпинов, Албании и Лпинии (16, с. 48). Кого имел в виду А. П. Новосельцев под “первоначальными алванами” не вполне ясно. Возможно, исследователь полагал о времени этноязыковой общности названных племен, на что может указывать созвучие этнонимов. Тем не менее само наличие двух этнонимов, известных с античного времени, подчеркивает дифференцированную самоидентификацию и этническую специфику этих социумов, предполагает какие-то особенности и различия (пусть даже несущественные, но достаточно этнодифференцируемые) в их языке, в духовной и материальной культуре.

К сожалению, мы не имеем исконных, исходных наименований албанов и лпинов — их самоназваний. Правда, можно весомо предполагать, что армянская передача этих этнонимов близка к отправным названиям, несмотря на значительную разницу фонетического состава армянского и албанского языков (соответственно 34 и 52 буквы-звука: см. последнюю обстоятельную работу по албанскому алфавиту — 57, с. 222-320). На это, в частности, может указывать близкое сходство и идентичность исходных восточнокавказских этнонимов и их армянских реплик: например, табасаран — *таваспар* (к), *таваспарот* (к), *таваспаран* (к); уди — *ути* (к); йихъбы — *чиъб* (к).

В армянской передаче “албаны”, “Албания” звучат как АГУАН-К//АГВАН-К²⁰, где -к выступает армянским словообразовательным суффиксом, а -ан — показателем множественности. Морфема -f(-f-) в основе может определенно сопоставляться с ядерной морфемой -хъ-, выделенной Г. Х. Ибрагимовым в ряде этнонимов лезгинской группы — *йихъбы* “цахуры”, *аъгахъбы* // *аъгахъар* “рутульцы”, где -бы-, -ар являются аффиксами множественного числа (58, с. 67-69; 55, с. 7-8). Очевидно, это подтверждается и тем, что в армянском эквиваленте этнонима “йихъбы” — *чиъб* (к), фонема хъ передана через f, которая присутствует и в термине *агу-ан* (к). Сравнительный анализ этих этнонимов и личных местоимений цахурского языка привел Г. Х. Ибрагимова к заключению об их “генетической общности, видимо, восхо-

дящей к периоду цахурско-рутульской общности, но уже с наметившейся диалектной дифференциацией” и к предположению, что названные этнонимы “представляют собой альтернанты некогда существовавшего единого этнонима для народов Кавказской Албании” (58, с. 68-69; 59, с. 7-8). Подобной точки зрения придерживается и Е. Ф. Джейранишвили (60, с. 5). Можно полагать, что в одном ряду с этнонимами *йихъбы*, *аъгахъбы* // *аъгахъар* стоит и этноним *агуанк* // *агуанк*, в котором выделяется этнонимический корень -f-/-хъ-. Гипотетически реконструируемая форма самоназвания албан²¹ могла быть **ахъбы* // **ахъар*, откуда с соответствующей суффиксацией и фонетико-грамматической адаптацией **ахъб+ан* → *аf-в-ан-к* // *аf-у-ан-к* → *албан* и **ахъар+ан* → (*хъ*)*аран* → *ран*.

Учитывая определенную корреляцию между фонемами f//l и л в армянском, к этому ряду может быть следует отнести и термин *лпин-к* // *лепон* // *либан*, в котором, как и в этнонимах *аг@аван-к* // *албан*, форманты *п* // *б* // *в*, *-ин* // *-ан* могут выступать показателями множественности, оформляющими исходную основу. В этом аспекте показательно грузинское наименование лпинов *heri* (мн. ч. *herni*, *herebi*), в котором присутствует корневая морфема *h*.

В связи с анализом терминов эры и лпины ценные наблюдения были сделаны Г. А. Гейбуллаевым и Ю. Б. Юсифовым. Г. А. Гейбуллаев на основании данных этнонимики и топонимики довольно обоснованно сопоставил этноним *эры* — *herni* с наименованиями хапутлинцев (самоназвание *hэр*, эльк. *horud*, джек. *herud*), крызов (самоназвание *герез*, хапут. *hered*, будух. *gered*) и пришел к выводу об этнической связи крызов в целом (крызы, хапутлинцы, ергуджцы, джекцы) с *эрами* грузинских письменных источников (10, с. 91-93; 61, с. 83-86). К этому заключению следует добавить установленное лингвистами близкое родство внутри лезгинской языковой группы крызского, цахурского, будухского и рутульского языков, дающее основание полагать, что некогда эти языки имели общую территорию и значительно большее распространение” (59, с. 7-8)²².

Ю. Б. Юсифов, исследуя наименования “Албания”, “Арран”, сделал заключение, что при этимологическом анализе названий *Албания*, *албаны* следует исходить из формы *ъалбан*, содержащей основу *ъал-* и суффиксы множественного числа *-ба* и *-н*. Исследователь сопоставил основу *ъал-* с грузинскими этнонимическими терминами *ъерни* (*herni*), *ъер-ет-и* (*hereti*), учитывая чередование *л* // *р*, и в итоге пришел к выводу об этимологии имени (*ъь*)*албан*, как “принадлежа-

щие (к племени) “*гьал*”, “*гьал*'ские” или “страна *гьалов*” (62, с. 23-31). Эта основа может сопоставляться с восточнокавказскими этнонимами *гел*, *гер*(*p*), приводимыми античными авторами (напр.: *Strabo.*, *Geogr.*, XI, 4, 5; *Ptol. Geogr.*, V, 8, 17-25; *Plut. Rom.*, 35; см., напр.: 63, с. 125). Ю. Б. Юсифов, как и Н. Я. Марр (64, с. 332), Н. Трубецкой (65, р. 171-178), Й. Бехерт (66, S. 129-141), связывает этноним албан с наименованиями аварцев их ближайшими соседями: карат. *гьалби*, закатал. авар. *гьалбал*, анд. *гьайбулу*, годоб. *гьабулу*, ботл. *гьабил* (ср.: авар. *гьалбал* “гости”). О. А. Смирнов, этимологизировав данные термины, отверг их “какую-либо связь, кроме случайного созвучия” с этнонимом албаны (67, с. 135-141). Однако, не исключена связь этнонимов *гьалби*, *гьалбал* (а, возможно, и *льебел*) и др. с этнонимом *лпины*, учитывая их географическую близость при предложенной локализации, тесные и древние горно-равнинные хозяйственно-экономические и иные контакты, древний аварский топонимический пласт в долине Алазани (ср.: цахурское наименование Алазанской долины — *Гал*).

Говоря об этногенетическом родстве албан (*гесп.* ранов) и лпинов (*гесп.* эров) нельзя пройти и мимо их генеалогии, хотя и легендарной, приведенной Хоренаци и Мровели. По Хоренаци (II, 8), прародителем-этнархом албан (а также утиев, гардманцев, цавдеев, гаргаров) был Аран из рода Сисака. Последний, по словам армянского историка, из-за мягкости своего характера имел прозвище *Афу* (“кроткий”, “мягкий”), которое и дало название стране. В этом прозвище нетрудно увидеть “народную” этимологию названия страны и этнонима²³. В сущности оба имени — *Аран* и *Афу* — представляют две фонетико-грамматические разновидности одного этнического наименования.

Мровели в своей родословной кавказских народов этнархом ранов (*гесп.* албанов) называет Бардоса (46, с. 21). Но это имя относительно позднего происхождения и связано с наименованием раннесредневековой столицы Кавказской Албании — Бардави (Партав, Барда'а)²⁴, мифическим основателем которой и выступает прародитель ранов. Исконный же этноним ранов у Мровели воплотился в имени прародителя эров (*гернi*) — *hЭрос*, которое (с соответствующей огласовкой и суффиксацией) определенно сопоставляется с этнонимом Аран (ср. родовое имя Араншахик // *hЕраншахик*).

Этническое родство ранов (*гесп.* албанов) и эров (*гесп.* лпинов), нашедшее отражение в грузинских письменных источниках, было отмечено Д. Л. Мухелишвили, который пришел к выводу, что “древ-

ние грузины, в сущности, не различали “ранов” и “эров” в смысле этнической их принадлежности к алванскому народу” (50, с. 41-42). Как верно заключает исследователь: “...древних эров и их страну Эрети (в узком смысле, т.е. включая Камбечани и др.) грузинские источники не считают частью древнейшей Иверии (Картли)” и “по концепции грузинского историка XI в. Леонти Мровели, описавшего древнейшую историю страны, область Эрети входит в алванский союз племен” (50, с. 17). Эта точка зрения не нова и высказывалась еще академиками Н. Я. Марром, С. Н. Джананиа, С. Т. Еремянном, Г. А. Меликишвили.

Этнокультурная близость эров, албан и других албанских племен находит яркое отражение в археологических материалах, а именно в памятниках ялойлутепинской или алазанской (по Р. М. Рамишвили, эретской) культуры.

В восточнокавказском происхождении же албанов-ранов сомневаться не приходится и этой точки зрения придерживается абсолютное большинство исследователей²⁵. Одно лишь из многих тому подтверждений — поразительное сходство и соответствие фонетики албанского алфавита фонологической системе лезгинских языков (57, с. 222-259)²⁶. Уже этот факт в свете вышесказанного свидетельствует о восточнокавказском (дагестанском) происхождении лпинов-эров. И нет оснований, как это делает Т. Г. Папуашвили, говорить “о тесном этническом родстве эров и иберов”, о том, что “эти так называемые эретские племена (по автору, это собственно эры, а также лпины, чиббы и соджи — М. Г.) с этнической и культурной точек зрения были очень близки к восточногрузинским племенам — картам (карталинцам) и кахам (кахетинцам)”, что “в этническом формировании эров грузинский элемент участвовал не как внешний, инородный, а как внутренний, органичный фактор” (51, с. 6-10).

Вместе с тем, мнение Д. Л. Мухелишвили, что в результате “тысячелетнего процесса проникновения в Эрети восточногрузинских племен” “... к VIII веку эры являются уже вполне огрузинившемся племенем” (50, с. 17-24), представляется малообоснованным, недоказанным. Подробный (правда, эмоциональный и не всегда корректный) критический анализ взглядов Д. Л. Мухелишвили был дан Ф. Д. Мамедовой (69, с. 127-151). Здесь же отметим, что ссылки исследователя на христианизацию этой области со стороны грузинской церкви, на памятники церковной архитектуры, на ряд объектов грузинской эпиграфики²⁷, топонимов и др. никак не дают оснований утверж-

дать, что к VIII в. “эретские племена были если не вполне, то в основном уже иверизованы”. Такой подход к исследованию этнических процессов представляется поверхностным, приводящим к неверным выводам. Ведь, например, проникновение грузинской церкви, архитектуры, письма на территорию Дидо и Аварии, экономические, культурные, политические контакты Грузии и названных областей, фиксируемые вещественными и письменными памятниками XI-XIII вв., никому ещё не дали оснований говорить об этнической ассимиляции, иверизации дидойцев, хунзов (гесп. Хозонихети, Хунзахи) грузинских источников, тем более, что грузинские летописцы порой включают эти территории в состав “царства ранов и кахов”, Грузинского царства, выдавая желаемое за действительное.

Безусловно, на территории исторической Эрети-Лпинии происходили сложные межэтнические процессы. Так, еще Страбон отмечал, что в Камбисене (если рассматривать ее как часть Лпинии-Эрети) “армяне граничат одновременно с иберами и албанами” (Geogr., XI, 4, 1), что может расцениваться как свидетельство полиэтнического состава этой области (несмотря на ее административно-государственную принадлежность) и возможных межэтнических контактов. (Как известно, этнические границы не всегда совпадали и чаще не совпадают с границами политическими). На это может косвенно указывать ойконим Лубион — название деревни на территории Иберии, у границы с Албанией (Ptol. Geogr., V, 10, 1) — который неоднократно сопоставлялся с этнонимом *лупени* // *лупоны* // *лпины*. Если видеть в нем этнотопоним, то возникновение его, как и этнотопонима Каспи, в иноэтнической среде — явление закономерное.

Аналогичная, если не более сложная, этническая ситуация была в северной части Эрети-Лпинии (т.е. в северной части Алазанской долины), где сходились границы дагестанских, восточногрузинских, вайнахских племен: зров-лпинов, дидуров-цезов, кахов, тусков-тупин, цанар. Обращает внимание концентрация в этой пограничной и сопредельной зонах топонимов, в которых исследователи видят отложение этнонима *лупени* // *лпины*: Лопота, Лопотис-хеви, Лопотисцкали, Лапанеби, Лапниани, Лабанжури, Лапаниаткари (8, с. 150; 10, с. 84-85). Здесь же и на среднем течении р. Алазани зафиксированы топонимы Алвани, Аранта, Шилда, Челга, Цилбан, Цолбан, Кахи, Кахтубани // Кахисубани, соответственно сопоставляемые исследователями с албанами-ранами, сильвами-чилбами, кахами (8, с. 145-150; 10, с. 84; 37, с. 28; 50, с. 22-23). Эти этнотопонимы, обна-

руживающие древний этнический пласт, следуя топонимической закономерности их возникновения, могут свидетельствовать о полиэтническом характере этой зоны. Вместе с тем, они показывают сложность происходивших здесь этнических процессов, усугубленных впоследствии усилившимся влиянием тюркского компонента.

А. М. Асланов, исследуя топонимику Алазанской долины, отметил значительное преобладание здесь субстратных гидронимов и оронимов кавказского происхождения, тогда как тюркизмы доминируют в названиях населенных пунктов и причем большая часть их имеет относительно недавнее происхождение (52, с. 88-89). Приведенные исследователем топонимы кавказского происхождения, как и многие другие²⁸, находят этимологии в дагестанских языках (в цахурском, удинском, аварском). Учитывая значительную хронологическую устойчивость гидронимов и оронимов в отличие от наименований населенных пунктов, более подверженных изменениям, здесь, таким образом, устанавливается древний восточнокавказский (дагестанский) топонимический и соответственно этнический пласт. На это указывают и наименования р. Алазани — цах. *Дур*, авар. *Рахъад*, не являющиеся заимствованиями (как и названия Алазанской долины в целом — цах. *Гал*, авар. *Цлор*), азерб. *Ганых* (“Кровавый”), представляющее топонимическое переосмысление и восходящее к удин. *хан* // *хен* “вода”, цах. *хъан* “вода” (ср.: р. Ханес — приток Куры в Албании: *Strabo*. Geogr., XI, 3, 2; см.: 10, с. 83, 85; 70, с. 78-79). То же происхождение имеет ойконим *Ганых* (груз. *Ганухи*, арм. *Хени*), где находилась церковь царя Арчила (50, с. 33) и который имеет обычную цахурско-удинскую структуру (ср., напр., субстратные топонимы Мамрух, Курмух, Мацех, Лагадух // Лагодех-и, Мухах, Сигнах-и и т. д.; см.: 70, с. 78-79; 71, с. 353-358), и шире общедагестанскую, для которой весьма характерно наличие топонимобразующего локативного форманта — аффикса -х, -хъ, -хь (-ах, -ахи, -ух, -уха, -ех, -их, -ох, -хи, -хе, -хо), сопоставляемого с таковыми хуррито-урартским (96, с. 47; см. также: 97, с. 432-436). Здесь уместно привести вывод, сделанный почти 60 лет назад акад. И. А. Джавахишвили на основании топонимических данных и остающийся в силе, о том, что эти данные “свидетельствуют с полной ясностью, что восточные провинции восточной Грузии некогда были заселены чеченскими и дагестанскими племенами” (96, с. 46).

Заметим, что, по-видимому, отмеченный топонимический формант наличествует и в группе ойконимов, приведенных в списке населенных пунктов

Кавказской Албании Клавдия Птолея (Geogr., V, 11, 2-5) и адаптированных к нормам древнегреческого — Хадаха, Мамехия, Бакхия, Мосега, Нига, Барука, Табилака. (Ср. также наличие в другом топонимическом ряде этого списка — Хобота, Бозиата, Тагода, Гелда, Сиода — топоформанта *-mall/-da*, возможно, соответствующего такому же локативному форманту, характерному для ряда дагестанских языков, напр., авар. *-ma(-da)* “на, над”).

В цахурском названии Алазани А. М. Асланов считал возможным видеть в морфеме *d* классный показатель IV класса, в который входит и слово “вода”, а в компоненте *-ур* обозначение “вода” неясного происхождения (52, с. 94). Если предложенная этимология гидронима *Дур* верна, то в морфеме *-ур* можно усмотреть фонетически измененное авар. *ɣor* “река”²⁹, обычно присутствующее в названиях гидронимов, в том числе и Алазанской долины: Кюдог^{or}, Тинаг^{or}, Чеглерг^{or} и мн. др. К этому перечню нужно добавить и гидроним Иори (как и его азербайджанский эквивалент Габьрри: 73, с. 80), на связь которого с авар. *ɣor* неоднократно указывали исследователи (63, с. 123; 74, с. 53-54). Наконец, весьма важно указать на неоднократно предложенную этимологию названия р. Кура с позиций дагестанских языков (крыз., хапут., рут., будух. *kur* “река”³⁰) и на наличие компонента *kur* в ряде гидронимов Азербайджана — Курмух, Курек-чай, Куру-чай, Хашимджи-кур, Петенджи-кур, Шамкур // Шамхор (71, с. 353-358; 75, с. 64, сн. 24).

Таким образом, краткий экскурс в топонимику Алазанской долины, заслуживающей несомненно специального исследования, также может указывать на восточнокавказское происхождение эров-лпинов. К этому следует добавить зафиксированный лингвистами несомненный восточнокавказский (цахурский, удинский) субстрат в шаки-закатальских диалектах и говорах азербайджанского языка, устанавливающий переход (продолжающийся и ныне) дагестаноязычных предков современных азербайджанцев Шаки-Закаталы на тюркскую речь (см., напр.: 107-111; 112, с. 172-177).

Приведенные топонимические и языковые данные о значительно более широком распространении в древности прадагестанских языков и их носителей созвучны авторитетному мнению Н. А. Бердзенишвили и Г. А. Меликишвили о связи Эриахи (Eria-hi) надписи Аргишти I, локализуемой на правом берегу среднего течения Куры и территории исторического Ширака, с албанским племенем эров и Эрети (63, с. 122, 213, 214, 365-366; 76, с. 4) и делают убедительной

точку зрения Г. А. Гейбуллаева об этногенетической связи крызов-*hэров* с *herni* грузинских источников. Эти данные вместе с тем устанавливают непосредственный контакт части носителей восточнокавказских языков с носителями хуррито-урартских языков, принадлежность которых к восточнокавказским веско обоснована И. М. Дьяконовым и С. А. Старостиным (77).

Продвижение *эриахов* в сер. I тыс. до н. э. на территорию Восточной Грузии и будущей Эрети, как кажется, находит археологическое подтверждение — я имею ввиду давнее исследование Р. М. Рамишвили по генезису ялойлутепинской (алазанской, эретской) культуры (93). Эта миграция, по всей видимости, была связана с падением Ассирии в конце VII в. до н. э. и Урарту в нач. VI в. до н. э. под ударами Мидии и Вавилонии и вызванными этими значительными в истории древнего Переднего Востока событиями передвижениями различных племен и народов (переднеазиатских и закавказских скифов, древнеармянских, древнегрузинских, хуррито-урартских племен и др.) и изменением этнополитической карты региона.

Нашли ли какое-либо отражение в письменных источниках эти переселения, в частности, *эриахов*, сопоставляемых с *эрами* грузинских, *лпинами* армянских, *лифинниями* греческих, *лупениями-лупонами-лепонами* латинских источников? На этот вопрос, очевидно, можно ответить утвердительно. Евсевий Кесарийский приводит следующее сообщение, на которое обратил внимание в свое время И. А. Джавахишвили (96, с. 48): “В сочинении Абидена (автор II в. н. э. — М. Г.) об ассирийцах я нашел о Навуходоносоре следующее: “Мегасфен (автор III в. до н. э. — М. Г.) говорит, что Навуходоносор, превосходивший силою Геркулеса, отправился в поход на Ливию и Иберию и, покорив их, часть их населения поселил на правой стороне Понта” (*Eus. Praer. ev.*, IX, 41). Буквально эту же информацию также со ссылкой на Абидена приводит Мовсес Хоренаци (20, с. 64), пользовавшийся и трудами Евсевия во время работы в архивах Урхи (Эдессы) и который, вслед за поздними античными авторами (Страбон, Аппиан, Иосиф Флавий, Дионисий), интерпретирует это событие как переселение древнегрузинских племен с территории Пиренейской Иберии. Конечно, это более позднее переосмысление исторического предания, возникшее на почве созвучия наименований древних стран.

Мне представляется, что в сообщении Мегасфена нашли отражение реальные события конца VII-нач. VI в. до н. э. и под терминами Либия и Иберия скрываются соответственно первоначальные облас-

ти обитания лпинов-эров (*Эриахи* урартских источников) и их западных соседей — древнегрузинских племен (урарт. *Забах* — груз. *Джававахети*, арм. *Джававахк*; урарт. *Катарз* — греч. *Котарзена*, груз. *Кларджети*, арм. *Кгарджжк*, *Годердзакан*; урарт. *Диаухи*¹¹ — антич. *Таохи*, груз. *Тао*, арм. *Тайк*). Не случайное, на мой взгляд, упоминание Мегасфеном вместе Либии и Иберии, совместного переселения либийцев и иберийцев на Кавказ при предложенной выше идентификации арм. *Лтинк-а* (*patgia Lerop* Равеннского Анонима) с груз. *Эрети* и существующих мнениях о связи урарт. *Эриахи* с груз. *Эрети*, локализации Эриахи, Забаха, Катарза, Диаухи (см., напр.: 98; 99) делает высказанную версию оправданной. Сопоставление Либии Мегасфена с арм. *Лтин-к* // *Лбин-к*, греч. *Лерон* и т. п. с лингвистической стороны вполне правомочно.

В иных источниках нет сведений о походах Навуходоносора (605–562 гг. до н. э.) непосредственно на Эриахи, Диаухи и другие названные “страны”, но имеются данные о походах вавилонян (и мидийцев?) в 609 г. до н. э. на Урарту (98, с. 333; 100, с. 31, 32) и в 606 г. до н. э. (когда Набопаласар уже передал командование вавилонской армией своему сыну Навуходоносору) на некую область в Урарту под названием “Дом Ханунии” (арм. *Хаунуник?*). Последнюю исследователи помещают в районе совр. Эрзерума (101, с. 67), т. е. там же, где локализуется и “страна Диаухи” урартских надписей. Эти сведения вавилонских хроник в определенной степени созвучны информации Мегасфена и могут подтверждать ее реальную историческую основу.

Переселение древнегрузинских племен на территорию будущей Иберии-Картли нашло отражение в преданиях, зафиксированных в “Мокцевай Картлисай” (102, с. 23), и в самом топониме Мпхета, имеющим непосредственную связь с наименованием области юго-западной Грузии Самцхе-Месхети и отразившим миграцию древнегрузинских племен в северо-восточном направлении. В это передвижение народов, вызванное бурными военнополитическими событиями конца VII-нач. VI в. до н. э., были вовлечены не только древнегрузинские племена (105, с. 212, 213): как считают исследователи, значительная часть скифов возвращается через Кавказ в места прежнего обитания, на территорию бывшего Урарту продвигаются древнеармянские племена. В контексте этих миграций не выглядит необычным и переселение в северном направлении под натиском различных сил ряда хуррито-урартских племен и, в частности, эриахов-эров, что, как отмеча-

лось выше, возможно находит подтверждение в археологических материалах.

В этой связи следует указать и на иные исторические факты, зафиксированные грузинскими археологами: в VI в. до н. э. на территории Восточной Грузии крупные поселения (напр., Трелигореби, Ховлегора) приходят в упадок или прекращают существование, “на большинстве из них фиксируются следы насильственных разрушений и сильных пожаров”; с VI в. до н. э. резко сокращается число погребений на могильниках (напр., Самтавро, Трелигореби), а для V–IV вв. до н. э. они почти полностью отсутствуют (102; 103; 104, с. 41). Вместе с тем с конца VII в. до н. э. и в VI в. до н. э. здесь наблюдаются сильные южные культурные инновации, объясняемые не только усилившимися торгово-экономическими и культурными связями, но и “инфилтрацией в местную среду этнических масс, находившихся под воздействием урартской культуры” (49, с. 21, 22; 103, с. 66; 104, с. 41–43). Эти данные могут быть поставлены в прямую связь с переднеазиатскими событиями конца VII-нач. VI в. до н. э. и вызванном ими переселением части хуррито-урартских и древнегрузинских племен в центральное и восточное Закавказье. Возможно, эта миграция явилась одним из важнейших факторов, нарушивших традиционный культурно-исторический облик региона, что нашло выражение в прекращении существования т. наз. восточногрузинской и ходжалы-кедабекской (гянджа-карабахской) археологических культур, нижний рубеж которых приходится на VII в. до н. э. включительно.

Наконец, возможно, этими причинами объясняется распространение в это время (сер. I тыс. до н. э.) в Дагестане обряда захоронений в грунтовых могилах, которое связывается исследователями с южным влиянием (при отмеченной близости местной культуры с ходжалы-кедабекской и восточногрузинской культурами) и с появлением “племен закавказского круга” (106, с. 51–53, 135, 136).

Все вышесказанное, на мой взгляд, делает достаточно веским мнение о связи урарт. *Эриахи* с груз. *Эрети*, соответствии им мегасфеновой Либии и арм. *Лтинка*, принадлежности эриахов-эров-лпинов к хуррито-урартскому (resp. восточнокавказскому) этническому массиву.

Здесь важно обратиться и к данным антропологии. Исследователи отмечали антропологическое сходство между народами лезгинской группы и азербайджанцами, находя этому объяснение в значительном участии албанских племен в этногенезе азербайджанского

народа (78, с. 109; 79, с. 80; 94; 95, с. 86, 90), и наибольшую близость в этом проявляют цахуры-йихъбы, в составе которых каспийский тип является преобладающим (80; с. 204). Для нашей темы особенно ценно указать на антропологическое родство современного населения Алазанской долины (81, с. 28), которое обнаруживает большую близость и по всем генным частотам, отмечая при этом высокую степень однородности с лезгинами (82, с. 177-181, 193, 196). Этногенетическое родство современного населения Алазанской долины, с одной стороны, с народами Южного Дагестана и Северного Азербайджана, и, с другой, с населением Кавказской Албании, находит подтверждение в совпадении и идентичности брахикранного, широколицего антропологического типа Мингечаура (юг Эрети-Лпинии) христианской и мусульманской эпох (VII и VIII периоды по Р. М. Касимовой) с типом населения Алазанской долины, Северного Азербайджана, лезгин, закательских аварцев (79, с. 80-82; 80, с. 104; 83; 95, с. 84-94). Антрополог Р. М. Касимова и А. Г. Гаджиев в своей дискуссии о наследниках антропологического типа зоны Мингечаура-Самуха впадают в две крайности, отдавая предпочтение тем или иным современным народам (тюркоязычным азербайджанцам Шаки-Закательской зоны или закательским аварцам и лезгинам). Тогда как древние насельники этой территории явились субстратной основой современного, ныне разноязычного, но антропологически родственного населения. Об этом свидетельствует и отмеченный выше восточнокавказский топономический и языковой субстрат. Как видно, антропологические данные находятся в соответствии с данными топонимики и языкознания о значительно большей территории распространения ряда дагестанских языков и их носителей. И эти материалы подтверждают точку зрения о восточнокавказской этноязыковой принадлежности лпинов-эров.

Несомненное влияние на этнические процессы на территории Лпинии-Эрети оказывало христианство, начиная с раннего средневековья, когда “зачастую религиозное единство значило больше, нежели единство этническое”, а “слабость народностей как этнических общностей вела к усилению организующего воздействия религий” (43, с. 29-30). В Кавказской Албании, с ее полиэтничностью и многоязычием, это влияние должно было быть особенно сильным. Разрыв армяно-албанской и византийско-грузинской церковей в нач. VII в. наложил свой отпечаток на ход этнических процессов. Борьба монофизитства и диофизитства на территории Эрети-Лпинии и в целом Албании

нашла достаточное отражение в письменных источниках и к этим сведениям не раз обращались исследователи. Однако, не следует, на наш взгляд, преувеличивать как само положение и влияние грузинской церкви в Эрети-Лпинии, так и ее воздействие на иберизацию местного населения в VII-X вв. и тем более в предшествующий период. Оценка Д. Л. Мухелишвили факта обращения в православие населения Эрети в сер. X в. царицей Динар (матерью царя Эрети Ишханика), как государственного переворота, ознаменовавшего “многовековой процесс культурно-этнического слияния восточной Иверии и западной Алвании, завершение иверизации Эрети (Алвании, Шаки)” (50, с. 40), представляется сильно преувеличенной, неверной. Тем более, что позднее Ишханик возвращается в лоно григорианской церкви. Вероисповедные распри духовных владык, как верно подметил П. М. Мурадян со ссылкой на запрет католикоса Авраама посещать мцхетскую святыню паломникам-армянам, не всегда беспокоили и смущали их паству (84, с. 72).

Нельзя не учитывать, что этот период совпал с проникновением и началом распространения ислама на Кавказе. Масуди специально подмечает, что жители Шаки (гесп. Эрети, Лпиния) “христиане, но среди них есть и мусульмане, а именно купцы и, помимо них, ремесленники” (37, с. 211). Такая же ситуация отмечается им и в соседнем “царстве Кабала” (37, с. 211). К этому следует добавить вышеприведенное свидетельство католикоса Хачика Аршарунци (X в.), который в числе отвергнувших халкедонство, помимо армян и албан, называет лпинов и чилбов (54, с. 322). В связи с этим важно упомянуть два хачкара XII-XIII вв. с армянской надписью “святой крест”, обнаруженные в цахурском (гесп. груз. цукетском) сел. Оттал (85, с. 32, рис. 62-63), и полукуфическую надпись XIII в. из сел. Ихрек (Рутульский р-н) с упоминанием мусульманского миссионера из Цахура, носящего армянское имя Гукас (86, с. 87; 87, с. 411). И это при тех фактах, что Цукети числится в составе Гишского епископата³², а Закария ал-Казвини сообщает о медресе, основанном в XI в. везиром Низам ал-Мулком в Захуре (Цахуре) — “главном городе страны Лакзан” (88, с. 110).

Приведенные факты, на наш взгляд, довольно выразительно рисуют ту сложную конфессиональную картину, существовавшую в Эрети-Лпинии в рассматриваемое время и характеризующуюся столкновением интересов армянской, грузинской церковей, ислама и, очевидно, в противоборстве не только между собой, но и с местным язы-

чеством. Такая ситуация, когда отсутствовало доминирующее, стационарное влияние той или иной религии, способствовала сохранению этнического лица местного населения.

Свидетельство тому — упоминание лпинов и эров в армянских и грузинских письменных источниках X-нач. XIII в. Выше уже приводилось сообщение католикоса Хачика Аршарунеци. Эров, противопоставляемых картвелам, отмечает историк царицы Тамары (1184-1213 гг.), сообщающий о том, что в 1177 г. в восстании против грузинского царя Георгия III (1156-1184 гг.) приняли участие “все эры вместе со всеми леками и обитателями Кавказских гор” (92, с. 19). В некоторых грузинских письменных памятниках Давид Строитель (1089-1125 гг.) именуется “царем апхазов и картвелов, эров и кахов”, а царица Тамара — “владыкой апхазов, картвелов, эров и кахов” (50, с. 42, 82, прим. 196). Причем в более распространенной титулатуре вместо эров названы раны. Д. Л. Мухелишвили в приведенных титулах царей Грузии (как и в титулах царей Эрети-Кахети) видит основание для заключения, что “к XI веку аборигены Эрети (в узком смысле) давно уже были ассимилированы грузинами и культурно, и этнически” (50, с. 42). Этот вывод не предстает корректным. При таком подходе к анализу исторических фактов, можно придти и к выводу об иберизации ранов и абхазов. Фиксация в источниках X-нач. XIII в. имени лпинов-эров должна расцениваться как свидетельство их существования и сохранения ими своей этнической специфики.

Вместе с тем, учитывая общеполитическую ситуацию в этот период, следует признать, что на XI-XII вв. приходится начало активизации процесса культурной (а за ней языковой, этнической) ассимиляции населения северной половины Алазанской долины со стороны возвысившегося централизованного Грузинского царства. К этому времени (кон. XI-XII вв.) относится и усиление тюркизации населения Восточного Закавказья (в том числе южной половины Алазанской долины), чему в немалой степени способствовали акции грузинских царей. Это было связано с переселением значительного количества кипчаков царями Давидом Строителем и Георгием III и с проникновением огузских племен. Разумеется, процессы иберизации и тюркизации лпинов-эров были не одновременными, а растянулись на столетия.

В заключении, говоря об этнической принадлежности лпинов-эров, нельзя не рассмотреть суждений А. Ш. Мнацаканяна на этот

счет. Исследователь, идентифицируя Камбечан с Эрети и опираясь на произвольную интерпретацию данных Страбона о Камбисене, объявил эту область гаваром Армении и населенной армянами (89, с. 38-39). Не учитывая топономической закономерности, автор для обоснования своего взгляда привел и упомянутый Арсеном Сафарели топоним “Сомхетское (т.е. Армянское — М. Г.) ущелье” в Камбечане, который дал повод А. Ш. Мнацаканяну говорить об армянском населении этой области и сделать заключение: “население Камбечана-Эрети сохраняло этническое единство и связи с Арменией вплоть до XI в.” (89, с. 40). Между тем, наличие такого этнопонима свидетельствует если не об инородной, то смешанной этнической среде, что полностью согласуется с информацией Страбона об этническом составе Камбисены, впрочем как и с сообщением Арсена Сафарели о том, что изгнанник Иоанн Майраванеци “учеников себе набрал не столько из этого ущелья, сколько из Айрарата по эту сторону реки Куры — из Гардмана, Дзорапора и Сомхити...”. Подтверждением А. Ш. Мнацаканяну послужила и информация Драсханакерти, который, рассказывая о притеснениях его арабами, сообщает, что он отправился в Агуанк “к великому князю Сааку и к царю их Атрнерсеху (царь Шаки-Эрети, сын царя Хамама — М. Г.), ибо и они (т.е. Саак и Атрнерсех — М. Г.) из народа нашего, и паства их с пастбища нашего”. Исследователь неправомерно распространил местоимение “они” на все население Эрети и приписал армянскому духовному главе и историку заключение, что он, словами А. Ш. Мнацаканяна, “считает население этого края органической частью армянского народа и по признаку национальному...” (89, с. 43). Между тем Драсханакерти, используя церковную терминологию, ясно подчеркивает конфессиональное, а не этническое единство населения Армении и Агуанка-Эрети.

Наличием “древней и родной армянской среды” объяснил автор и сообщение Себеоса об уходе двух армянских князей, не пожелавших служить Хосрову Парвизу, со своими дружинами на территорию Албании, где они нашли пристанище (89, с. 43-44). При этом автор приписал К. В. Тревер затруднения в объяснении этого события, хотя исследовательница дала вполне обоснованное и логичное толкование, исходя из общеполитической ситуации в регионе в этот период (16, с. 237).

Названные факты, необоснованно трактованные А. Ш. Мнацаканяном, привели его к выводу о существовании “Закуринс-

кой Армении”, к безапелляционному заключению, что “территория по левобережью Куры оставалась в значительной степени населенной армянами, и сегодня этот факт не может ставиться под сомнение” (83, с. 44). Столь же категоричен автор в своем суждении, основанном на тезисе об армянском происхождении царя Хамама и его преемников, что Албанское государство IX-X вв. (груз. Эреги, араб. Шаки) — это “одно из армянских удельных царств”, “новая армянская страна” (89, с. 45, 60), вкладывая в эти выражения этническое содержание. Совершенно очевидно, что А. Ш. Мнацаканян, не сделал различий между происхождением правящих верхов и этническим составом подвластного населения, не учел специфику возникновения династий, династических связей. Следуя такой логике, можно прийти к весьма ложным и порочным выводам (ср. парфянское происхождение армянских Аршакидов и мн. др. примеры), что и продемонстрировал исследователь.

Подводя итоги, отметим, что непредвзятый комплексный подход к определению этнической принадлежности лпинов-эров, учитывающий информацию различных категорий исторических источников, позволяет сделать заключение об их восточнокавказском (дагестанском) происхождении.

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 94-06-19243).

² У Плутарха р. Алазань фигурирует под именем Абант (Ромп., 35). Не имеется ли в этом написании последующего фонетического и палеографического искажения одного из исходных названий Алазани, как, например, Лабань (3, с. 69) — наименование, которое, как и гидронимы Лопнас // Лубнас (4, с. 76; 5, с. 69), Лопоти (6, с. 92; 7, с. 124, 125), исследователи сопоставляли с этнонимом лпин (8, с. 150; 9, с. 304; 10, с. 84). Хотя, с другой стороны, один из притоков Алазани — р. Лопнис-шкали известна и под названием Абанос-шкали (90, с. 141), в котором не сложно усмотреть гидроним Абант Плутарха.

³ В греческой версии Агафангела названные племена фигурируют под именем албанов, лифиниев, силбов и каспиев; в арабской редакции им соответ-

ствуют албанийун, лифинийун, силбанийун и касбитийун (12, араб. текст, с. 4).

⁴ Не связано ли происхождение легенды о Елисее с упрочением позиций албанской церкви при Абасе (552-596 гг.), принявшем титул “католикос Албании, Лпинии и Чора”, в котором отразились те же территории, где проповедовал Елисей?

⁵ Возможно, этот факт служит одним из косвенных доводов в пользу идентификации древнего Гиса, где Елисей основал церковь, ставшую “матерью церковей восточных”, с сел. Киш близ г. Шеки (о локализации Гиса см. 27, с. 3, 20; 28, с. 25-26, там же библиография). Азербайджанское название Елису — Илису (“теплая вода”) представляет собой позднее тюркское переосмысление топонима.

⁶ О локализации страны чилбов и города Цри см.: 23, с. 65-80; 29, с. 126-127; 30, там же библиография.

⁷ Каланкатвази (I, 23) сообщает, что в конце V в. наместником в “стране чилбов” был Хочкорик, незаконнорожденный сын албанского царя Есвагена (5, с. 53).

⁸ В краткой редакции “Ашхарацуйи”-а и у арабских авторов закавказские страны вообще не упомянуты в составе кустака Капкох (Кувар ал-джибал), на что обратил внимание Н. Г. Адонц (33, с. 218, 221) и что, вероятно, было связано с вхождением их в определенные периоды в состав шахра Атурпатакан и неустойчивостью административно-территориального деления Ирана (34, с. 64). В связи с этим важно указать, что для нач. -сер. VI в. мы видим единого сасанидского наместника Албании и Иберии, носящего титулы “марзпан” и “канаранг” (см.: 26, с. 8, 14-16). Можно небезосновательно полагать, что включение закавказских областей в состав шахра Атурпатакан произошло в конце VI в. в результате новых назначений и новой административной реформы Хосрова II Парвиза (см.: 34, с. 64). В этом аспекте примечателен тот факт, что Бахрам Чубин обещал наместнику Атурпатакана, “великому марзпану” Мушегу “всю землю Армянскую до Кавказа и до Албанских ворот”, но последний проявил преданность и оказал помощь Хосрову II (об этом см.: 34, с. 61-63). В обещанных территориях, конечно, следует видеть не царское земельное пожалование (арм. *паргеваканк*), а включение их в состав Атурпатакана и передачу в ведение “великого марзпана”, что, можно думать, и было осуществлено Хосровом II. Первенствующая роль шахра Атурпатакан в Кавказском кустаке нашла отражение в пехлевийских надписях Дербента, строительство которого выполнялось под руководством и контролем хамаркара Атурпатакана (35, с. 88-95, там же библиография надписей).

⁹ В персидском переводе Балами, у Ибн ал-Асира и в дагестанских хрониках назван *Шахрийар*, в имени которого нетрудно усмотреть титул (а не имя сасанидского наместника Дербента), равнозначный, по Иакуби, титулу *марзпан* (см.: 39, с. 50). Правитель (*малик*) ал-Баба (Дербента), упомянутый у Табарни, как можно судить по его имени, принадлежал к древнему иранскому роду Варавов, представителям которого при последних Сасанидах была пожалована почетная приставка “Шахр” (40, с. 70). В передаче Табарни, *Шахрбараз* (“Вепрь государства”) причисляет себя к “благодородным и знатым”. Марзпану Дербента была предоставлена привилегия восседать на золотом троне (41, р. 227), в то время как избранному среди других марзпанов было дано право занимать серебряный трон (34, с. 112).

¹⁰ Каланкатвази (II, 14) вкладывает в уста Бури-шада, сына джебу-кагана

Мохо и племянника “царя севера” Тун-джабгу-хана следующие слова: “... ибо получил отец мой во владение эти три страны Алуанк, Лпинк и Чора навечно” (5, с. 89).

¹¹ Местоположение этого города в Эрети определяется Вахушти двояко: между слиянием Алазани и Иори, там, где находился город Эрети (7, с. 103). и в междуречье Гишис-цкали (р. Эгри-чай) и Пипинети (р. Талачай).

¹² По поводу локализации города Хунана см.: 47, с. 275-277; 48, с. 278-279.

¹³ Небезынтересно отметить, что в аварском языке слова “река” и “граница” являются однокоренными (соответственно *гIор* и *гIорхьI*).

¹⁴ Только Г. В. Дулая в примечаниях к переводу “Жизни Вахтанга Горгасала” почему-то определяет Цукети как “местность в Восточной Грузии. Одно из ранних сведений об объединении горцев Иберии-Картли в этнографическую группу Восточной Грузии” (6, с. 140).

¹⁵ Вахушти включает в состав Эрети Камбечовани-Кизику (7, с. 101, 120) — арм. *Камбечан*, греч. *Камбисена*.

¹⁶ Исключение составляют приведенные выше топонимы *Баб-Либан-шах* и *сadd-лbn*, упомянутые соответственно Ибн Хордадбеком и Баладзори.

¹⁷ Возможное исключение — область *Ер-к*, названная Гевондом (сер-втор. пол. VIII в.) в числе областей Иберии (36, с. 93), что может подтверждать данные грузинских источников о зависимом от Иберии-Картли в правление царя Арчила (сер. VIII в.) положении Эрети, вызванном ликвидацией в нач. VIII в. (705 г.) царской власти и единой государственности Албании.

¹⁸ Впервые Шаки упоминается в послании армянского католикоса Йовханеса (557-574 гг.), приведенном Каланкатвази (II, 7) и в “Книге посланий” (54, с. 81), и в котором среди духовных владык Албании назван епископ Шаки Амвакум. К этому же времени арабские авторы (Баладзори, Ибн ал-Факих) относят основание Шаки (в действительности, очевидно, значительные строительные и фортификационные работы) Хосровом I Ануширваном (531-579 гг.). Можно полагать, что в VI в. началось возвышение Шаки среди городских центров Лпинии и Албании. Но не исключено, что под “городом лпинов” следует понимать городище Судагьлан, на котором открыты раннесредневековые христианские храмы и известный постамент с албанской надписью. Иное наименование Шаки — Нуха, Нухпати, зафиксированное Джуаншерияни (6, с. 95, 107), по всей вероятности, имеет дагестанское происхождение (авар. *нух* “дорога”, “путь”; др. - перс. *рафi* “путь”, “дорога”).

¹⁹ Лишь в заключительной главе III книги — в “Списке албанских католикосов” — дважды фигурирует Лпиния: в связи с деятельностью св. Елисея и как часть принятого при Абасе нового титула католикоса. Этот список можно воспринимать как самостоятельный источник. Этот список историком и в котором упоминание Лпинии-традиция, отразившаяся и у Мхитара Гоша (55, р. 478).

²⁰ Армянская фонема *í // i* (языковедами предложены различные транслитерации буквы, что обусловлено ее историческим фонетическим изменением) произносится как придыхательное *х*, но с участием голосовых связок.

²¹ В восточнокавказских топонимах Алпан скорее отражен не грецизированный этноним *alban*, а местный теоним — имя одного из верховных представителей лезгинского пантеона — божество огня, молний, грома Алпан.

²² К интересным данным Г. А. Гейбуллаева о месте первоначального обитания крызов следует добавить информацию о средневековом поселении Ха-

пут недалеко от Каладжька. Об этом любезно сообщил мне проф. Б. Б. Талибов.

²³ Возведение Мовсесом Хоренаци Арана Сисакида к Хайку — прародителю армян, также как и объявление Леонтием Мровели Гаоса (Хайка) главным и старшим в ряду перечисленных им братьев-эпонимов — потомков Иафета и Ноя (46, с. 3, 21-23), не более чем, как мифическая библейская родословная, а не указание на этническую принадлежность правобережной Албании (см.: 24, с. 144-147). Вместе с тем, имеющее, очевидно, древнюю основу и письменно зафиксированное Хоренаци и Мровели предание о родстве древнеармянских, древнегрузинских и древнедагестанских племен, возможно, отразило реальные процессы этнической миксации “потомков Тогармы-Торгома-Таргамоса”. Сомневаться в хуррито-урартском (как правосточнокавказском) компоненте в формировании и развитии древних армянского и картвельского этнических массивов не приходится.

²⁴ Возможно, что в этом имени отражено происхождение царствовавшей династии в Кавказской Албании — парф. *partava* “парфянский” (=аршакидский).

²⁵ Мы не принимаем мнение Г. А. Гейбуллаева, Т. М. Мамедова и др. о тюркоязычности и тюркском происхождении албан (10, с. 17-29, 121-125; 68, с. 33), как и точку зрения А. А. Акоюна о несуществовании конкретной этнической общности под именем “албаны” (24, с. 106-107, 147-149, 242-276). Эти взгляды заслуживают критического анализа в самостоятельном исследовании (см.: 113, с. 25-27). Вместе с тем, очевидно, назрела необходимость приведения данных о восточнокавказском происхождении албан в единую стройную систему.

²⁶ Недавно многие средства массовой информации поведали об обнаружении, а затем и о дешифровке на основе современного лезгинского языка “древней рукописи” — т. наз. “Албанской книги”, которой затем была посвящена целая научнообразная книга (114). Анализ и критику этого фальсификата см.: 115, с. 66-82.

²⁷ О так называемой “эретской” надписи Ниноцминдского собора см. чтение С. Н. Муравьева: 57, с. 292.

²⁸ Многочисленный топонимический материал по Закатальскому и Белоканскому районам собран ст. научным сотрудником Института ЯЛИ ДНЦ РАН, канд. филол. наук П. А. Сандовой, которой приношу благодарность за ознакомление с ним.

²⁹ Ср. названия р. Рубас: лезг. *Неренац* — “Река Нер” при табас. *Нер* — “Река”.

³⁰ Ср. также: цез. *керу* “ручей”, “овраг”: гинух. *кора* “ручей”, “овраг”; гунз. *куро* “ручей”, “овраг”; удин. *кур* “овраг” — лексемы генетически общего происхождения (72, с. 191).

³¹ Среди специалистов существует мнение, что диаухи-таохи являлись хурритским племенем.

³² Влияние грузинской церкви в Цукети, очевидно, нашло отражение в местном названии горной части территории расселения цахуров “Горги магал”. Воздействие же армянской церкви выразилось в церковной терминологии языков лезгинской группы.

ЛИТЕРАТУРА.

1. *Ибн Хордадбех*. Книга путей и царств. Пер. Н. А. Караулова // СМОМПК. Тифлис, 1903. Вып. XXXII.
2. *Новосельцев А. П.* К вопросу о политической границе Армении и Кавказской Албании в античный период // Кавказ и Византия. Ереван, 1979. Вып. 1.
3. Книга Большому Чертежу. Подг. к печ. и ред. К. Н. Сербиной. М.-Л., 1950.
4. *Егишэ*. О Вардане и войне армянской. Пер. с древнеарм. И. А. Орбели. Ереван, 1971.
5. *Каланкатуаци Мовсес*. История страны Алуанк. Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Ш. В. Смбатяна. Ереван, 1984.
6. *Джуаншеряни Джуаншер*. Жизнь Вахтанга Горгасала. Пер., введ. и примеч. Г. В. Цулая. Тбилиси, 1986.
7. *Вахушти*. География Грузии. Введ., пер. и примеч. М. Г. Джанашивили // Зап. КОИРГО. Тифлис, 1904. Кн. XXIV. Вып. 5.
8. *Еремян С. Т.* Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу // Зап. ИВАН. 1939. Т. VII.
9. Очерки истории СССР. III-IX вв. Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1958.
10. *Гейбуллаев Г. А.* Топонимия Азербайджана (историко-этнографическое исследование). Баку, 1986.
11. *Miller K.* Itineraria Romana. Roma, 1964.
12. *Тер-Гевондян А. Н.* Новая арабская редакция Агафангела. Арабский текст и исследование. Ереван, 1968. (на арм. яз.).
13. *Агатангелос*. История Армении. Подг. к изд. Г. Тер-Мкртчян и Ст. Канаянц. Тифлис, 1909 (на арм. яз.).
14. *Агатангелос*. История Армении. Ереван, 1977 (на арм. яз.).
15. *Agathange*. Histoire de regne de Tiridate et de la predication de saint Grigoire l'illuminateur, trad. par V. Langloise // FHG. Paris, 1870. T. V.
16. *Тревер К. В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н. э. - VII в. н. э. М. -Л., 1959.
17. *Арутюнян Б.* Поход мазкутского царя Санесана на Армению // ВОН. Ереван, 1981. № 6 (на арм. яз.).
18. *Гаджиев М. С.* Южный Дагестан в III-V вв. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1982.
19. История Армении Фавстоса Бузанда. Пер. с древнеарм. и коммент. М. А. Геворкяна. Под ред. С. Т. Еремяна. Вступ. ст. Л. С. Хачикяна. Ереван, 1953.
20. *Хоренаци Мовсес*. История Армении. Пер. с древнеарм. яз., введ. и примеч. Г. Саркисяна. Ереван, 1990.
21. *Тер-Мкртчян Л. X.* Армянские источники о Средней Азии (V-VII вв.). М., 1979.
22. *Парпеци Лазар*. История Армении и Послание к Вагану Мамиконяну. Под. ред. Г. Тер-Мкртчяна и Ст. Малхасянца. Тифлис, 1904 (на арм. яз.).
23. *Джафаров Ю.* Город Цри и страна чилбов в "Истории албан" Моисея Каланкатуйского // Древний и средневековый Восток. М., 1985. Ч. 1.
24. *Акопян А. А.* Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван, 1987.
25. *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М., 1967.
26. *Гошладзе В. И.* Политическое развитие Картли с начала VI в. до конца 30 гг. VII в. Автореф. дис... канд. ист. наук. Тбилиси, 1979.
27. *Карахмедова А. А.* Христианские памятники Кавказской Албании (Алазанская долина). Баку, 1986.
28. *Геюшев Р. Б.* Христианство в Кавказской Албании. Баку, 1984.
29. *Гаджиев М. С.* К идентификации города Цри и страны чигбов // Тез. докл. конф. по итогам географич. исследований в Дагестане. Махачкала, 1992. Вып. XX.
30. *Гаджиев М. С.* К исторической географии Кавказской Албании (в контексте маршрута миссии епископа Исраела) — в печати.
31. *Арутюнян Б. А.* Административное деление закавказских владений Сасанидского Ирана согласно труду Егишэ // Кавказ и Византия. Ереван, 1979. Вып. 1.
32. *Еремян С. Т.* Армения по "Ашхарауцц". Ереван, 1963 (на арм. яз.).
33. *Адонц Н.* Армения в эпоху Юстиниана. СПб., 1908 (2-е изд. Ереван, 1971).
34. *Колесников А. И.* Иран в начале VII века. Л., 1970. ПС. Вып. 22 (85).
35. *Касумова С. Ю.* Новые находки среднеперсидских надписей в Дербенте // ВДИ. 1988. № 1.
36. История халифов вардапета Гевонда, писателя VII века. Пер. с арм. К. Патканьяна. СПб., 1862.
37. *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербента X-XI веков. М., 1963.
38. *Йакут*. Алфавитный реестр стран. Пер. Н. А. Караулова // СМОМПК. Тифлис, 1901. Вып. XXIX.
39. *Колесников А. И.* О термине "марзбан" в Сасанидском Иране // ПС. 1981. Вып. 27 (90).
40. *Периханян А. Г.* Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М., 1983.
41. *Browne E. S.* Some account of the Arabic work entitled "Nihayatu'l-igab fi akhbari 'l-Furs wa'l-'Arab" // JRAS. London, 1900, p. 195-259.
42. *Шихсаидов А. Р.* Книга ат-Табари "История пророков и царей" о народах Северного Кавказа // Памятники истории и литературы Востока. М., 1986.
43. *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черелнин Л. В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972.
44. *Баладзори*. Книга завоевания стран. Пер. П. К. Жузе. Баку, 1927.
45. *Пахомов Е. А.* Закавказская "длинная" стена // Тр. АГУ. Сер. ист. Баку, 1950. Вып. 1.
46. *Мровели Леонти*. Жизнь картлийских царей. Пер. с древнегруз., предисл. и коммент. Г. В. Цулая. М., 1979.

47. *Мухелишвили Д. Л.* К вопросу о локализации Хунана-Хнаракерга // Археологические памятники феодальной Грузии. Тбилиси, 1974. Вып. II.

48. *Ваидов Р. М., Гулиев Н. М.* О тождестве городища Торпаггала и города Хунана // Археологические памятники феодальной Грузии. Тбилиси, 1974. Вып. II.

49. *Мухелишвили Д. Л.* Основные вопросы исторической географии Грузии. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Тбилиси, 1973.

50. *Мухелишвили Д. Л.* Из исторической географии Восточной Грузии (Шаки и Гогарена). Тбилиси, 1982.

51. *Папуашвили Т. Г.* Вопросы истории Эрети. Очерки по социально-экономической и политической истории (с древнейших времен до первой четверти XII в.). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Тбилиси, 1971.

52. *Асланов А. М.* Из топонимии Алазани // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976.

53. *Гаджиев М. С.* К этнической карте Дагестана албанского времени / XIV "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Орджоникидзе, 1986.

54. Книга посланий (Гирк тлтоц). Тифлис, 1901 (на древнеарм. яз.).

55. *Dowsett C. J. F.* The Albanian Chronicle of Mxit'ar Gos. // BSOAS. 1958. Vol. XXI. Pt. 3.

56. *Юшков С. В.* К вопросу о границах древней Албании // Исторические записки АН СССР. 1937. Т. I.

57. *Муравьев С. Н.* Три этюда о кавказско-албанской письменности // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 1981. Т. VIII.

58. *Ибрагимов Г. Х.* Историческая характеристика самоназвания цахурцев *йихъбы* // Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980.

59. *Ибрагимов Г. Х.* Рутульский язык. М., 1978.

60. *Джейранишвили Е. Ф.* Основные вопросы фонетики и морфологии цахского и мухадского (рутульского) языков. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Тбилиси, 1966.

61. *Гейбуллаев Г. А.* К происхождению крызов // Докл. АН Азерб. ССР. 1985. Т. XLI. № 3.

62. *Юсифов Ю. Б.* О наименованиях "Албания" и "Арран" // Изв. АН Азерб. ССР. Сер. обществ. наук. 1961. № 10.

63. *Меликишвили Г. А.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.

64. *Март Н. Я.* Непочатый источник истории Кавказского мира // Изв. АН. Пгр., 1917.

65. *Trubetzkoy N.* Zur Vorgeschichte der ostkaukasischen Sprachen // Mélanges de linguistique et de philologie offerts à Jacq van Ginneken à l'occasion du 60-e anniversaire de sa naissance (21 avril 1937). Paris, 1937.

66. *Bechert I.* Awarischen "hobol" und "halmag" // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. München, 1966. Heft 19.

67. *Смирнов О. Я.* По поводу одной этимологии названия Кавказской Албании // Социальная терминология в языках Дагестана. Махачкала, 1989.

68. *Мамедов Т. М.* Кавказская Албания в IV-VII вв. Баку, 1993.

69. *Мамедова Ф. Д.* Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н. э. - VIII в. н. э.). Баку, 1986.

70. *Гукасян В. Л.* Историко-филологический анализ некоторых топонимов северо-западной части Кавказской Албании // Материалы науч. конф., посвященной изучению топонимии Азербайджана. Баку, 1973.

71. *Джейранишвили Е. Ф.* О первоначальном значении географического названия *kurmix* // ИКЯ. Тбилиси. 1962. Т. XIII (на груз. яз.; рус. рез.).

72. Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971.

73. *Гейбуллаев Г. А.* К происхождению некоторых гидронимов Азербайджана // Изв. АН Азерб. ССР. Сер. ист., филос. и права. 1983. № 2.

74. *Джевахишвили И. А.* Введение в историю грузинского народа. Тбилиси, 1950. Кн. I.

75. *Гейбуллаев Г. А.* К выяснению двух этнонимов Кавказской Албании // Докл. АН Азерб. ССР. 1976. Т. XXXII. № 8.

76. *Меликишвили Г. А.* Население северных областей Напри-Урарту и его роль в древневосточной истории. М., 1960.

77. *Diakonoff I. M., Starostin S. A.* Hurto-Urartian as an Eastern Caucasian language. München, 1976.

78. *Гаджиев А. Г.* Происхождение народов Дагестана. Махачкала, 1965.

79. *Гаджиев А. Г.* Древнее население Дагестана. М., 1975.

80. *Алексеев В. П.* Происхождение народов Кавказа. М., 1974.

81. Народы Кавказа. М., 1960. Т. I.

82. *Воронов А. А.* Антропологические особенности распространения групп крови в Закавказье // Антропология и геногеография. М., 1974.

83. *Касимова Р. М.* Антропологические исследования черепов из Мингечаура. Баку, 1960.

84. *Мурадян П. М.* Армянская надпись храма Джвари // ВОН. Ереван, 1968. № 2.

85. *Дебилов П. М.* Резьба по камню в Дагестане. М., 1966.

86. *Лавров Л. П.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1966. Ч. I. Надписи X-XVII вв.

87. *Шихсаидов А. Р.* Эпиграфические памятники Дагестана X-XVII вв. как исторический источник. М., 1984.

88. *Шихсаидов А. Р.* Закария ал-Казвини о Дагестане // Источниковедение истории досоветского Дагестана. Махачкала, 1987.

89. *Мнацаканян А. Ш.* О литературе Кавказской Албании. Ереван, 1969.

90. *Пагирев Д. Д.* Алфавитный указатель к пятиверстной карте Кавказского края, издания Кавказского Военно-Топографического отдела // Зап. КОИРГО. Тифлис, 1913. Кн. XXX.

91. *Мамиконян Ован.* История Тарона. Критич. текст и предисл. Аш. Абрамяна. Ереван, 1941 (на арм. яз.).

92. Карлис цховреба. Тбилиси, 1959. Т. II (на груз. яз.).

93. *Рамшвили Р. М.* Материалы к истории Картлийского царства во второй половине первого тысячелетия до н. э. (Камабахевский могильник). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1960.

94. *Касимова Р. М.* Антропологические исследования современного населения Азербайджанской ССР. Баку, 1975.

95. *Касимова Р. М.* К этногенезу азербайджанского народа по данным антропологии // К проблеме этногенеза азербайджанского народа. Баку, 1984.

96. *Джавахишвили И. А.* Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии. Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи // ВДИ. 1939. №4.

97. *Капанцян Г. А.* Историко-лингвистические работы. Ереван, 1956.

98. *Арутюнян Н. В.* Биайнили (Урарту). Военно-политическая история и вопросы топонимики. Ереван, 1970.

99. *Арутюнян Н. В.* Топонимика Урарту. Ереван, 1985.

100. *Дьяконов И. М.* Последние годы Урартского государства по ассириовавилонским источникам // ВДИ. 1951. № 2.

101. История древнего мира. Расцвет древних обществ. М., 1983.

102. *Абрамишвили Р. М.* Основные итоги археологической экспедиции Большого Кавказа // Тбилиси. Археологические памятники. Тбилиси, 1978.

103. *Мусхелишвили Д. Л.* Археологический материал поселения Ховлегора. Тбилиси, 1978.

104. Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.

105. Очерки истории Грузии. Т. I. Грузия с древнейших времен до IV в. н. э. Тбилиси, 1989.

106. *Давудов О. М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974.

107. *Ширалиев М. Ш.* Предварительные итоги Закатала-Кахской диалектологической экспедиции // Экспедиции АН Азерб. ССР в 1945 г. Баку, 1947 (на азерб. яз).

108. *Асланов А. М.* Взаимоотношения азербайджанского и цахурского языков (на материалах закатало-кахских говоров). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1966.

109. *Асланов А. М.* Иберийско-кавказский субстрат в закатальских говорах азербайджанского языка // Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1966. Т. IV.

110. *Гукасян В. Л.* Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Баку, 1973.

111. *Джибалаев Н. С.* К характеристике тюркско-дагестанских языковых контактов. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Баку, 1972.

112. *Асланов А. М.* Азербайджанский язык в орбите языкового взаимодействия (социально-лингвистическое исследование). Баку, 1989.

113. *Гаожиев М. С.* Современные тенденции в изучении проблемы этнической дефиниции племен Кавказской Албании // Современное состояние и перспективы развития исторической науки Дагестана и Северного Кавказа. Тез. докл. науч. конф. Махачкала, 1997.

114. *Яралиев Я. А.* Алупанская (Кавказско-албанская) письменность и лезгинский язык. Махачкала, 1995.

115. *Гаожиев М. С.* Письменность Кавказской Албании: факты и фальсификации // Современное состояние и перспективы развития исторической науки Дагестана и Северного Кавказа. Материалы научной конференции. Махачкала, 1997.

LPINIA

(historical facts, location, ethnic determination)

Summary

Among other Caucasian ethno-political formations of the late antiquity and early Middle Ages a series of Graeco-Latin and ancient Armenian authors mention Lpinia (Lat. *patria Lepon*; Arm. *Lpink*; Arab. *Liban*) whose name has derived from the name of the tribe "Lpines" (Lat. *lupenii*, *lupones*; Gr. *λυφεννιοι*; Arm. *lpink*). According to *Ravennian Anonym*, *Elishe*, *Agathangelos* and *Kalankatuaci* the Lpines and Lpinia played a noticeable role in the political and religious life in the Caucasus. Lpinia, which had a considerable position of autonomy, was a member of the Albanian confederation and later became a part of the *shahr* and the *marzbandom* of *Ran*. Sufficient evidence of this fact is provided by historical events and existence of administrative-territorial borders, royalty and military forces as well as the ruler's title *shah* (*Liban-shah*) granted by Husrav I (531-579).

Comparative analysis of the information from *Plinius* (Nat. Hist., VI, 29), *Ptolemeus* (Geogr., V, 8, 17-25), *Kalankatuaci* (II, 39), *Beladsuri*, *Mroveli*, *Vakhushii*, etc. enables researchers to locate the Lpines and Lpinia in the valleys of the Alazani and the Jori rivers and identify them as *herni* (singular *heri*) and *Hereti* from the Georgian written sources and *Shakki* of the Arab authors. Written evidence and some data of toponymy, ethnonymy, linguistics, archaeology and anthropology are indicative of the East Caucasian (Daghestan) origin of the Lpines // Heris who, beginning from the XIth — XIIth centuries A. D., were subjected to the most active process of turkization and iberization. M.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ "КУБАЧИ" И ЭТИМОЛОГИИ САМОНАЗВАНИЯ КУБАЧИНЦЕВ "УГЪБУГ" (ПУГЪБУГ)

Для решения вопросов этногенеза любого народа важное значение имеет выяснение происхождения общепринятого его этнонима, а также определение этимологии его самоназвания. В предлагаемой статье делается попытка выяснить происхождение современного названия селения (поселка) Кубачи — одного из древних художественных центров Дагестана, а также определить этимологию кубачинского названия селения "Угъубаже" (Пугъубаже) и самоназвания кубачинцев "угъбуг" (пугъбуг).

Название широко известного населенного пункта Кубачи впервые упомянуто в качестве нисбы — в форме ал-Кубаши в арабской рукописи, переписанной в 872 г. хиджры — 1467/68 гг. Юсуфом (Йусуфом) ал-Кубаши (1, с. 40-41; 2, с. 225), хранящейся ныне в фонде восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Сама рукопись представляет собой копию знаменитого трактата крупнейшего теолога и мыслителя средневекового Востока Абу Хамида ал-Газали (1058-1111 гг.) "Йх-йа удум ад-дин" ("Воскрешение наук о вере"), оказавшего огромное влияние на развитие средневековой мусульманской культуры.

Однако, надо отметить, что среди различных памятных записей на полях восточных рукописных книг, сделанных их владельцами или теми, кто пользовался рукописями, название Кубачи упоминается под 705 г. хиджры — 1305/1306 гг. Так, в одной из таких записей на полях рукописной книги из сел. Орада Чугли (Верхн. Чугли) Левашинского района отмечается: "Исламизация Кубачи и убийство Хасана Правдивого в [селе] Ширах¹ [имели место] в семьсот пятом году" (3, с. 117; о событиях, упомянутых в памятной записи см.: 4, с. 410), т.е. в 1305/1306 гг. Эта же дата вместе с названием селения приведена и в другой памятной записи об исламизации Кубачи, сделанной на полях арабской рукописи, принадлежащей Захил Курбану из сел. Кутиша Левашинского района (3, с. 119).

Аналогичные памятные записи представлены и в историческом

сочинении “История Каракайтага”, обнаруженном 1981 г. Х. А. Омаровым в сел. Дзилебки Дахадаевского района (5, с. 150-151). Другой список (вариант) того же исторического сочинения “История Каракайтага”, содержащего рассматриваемые здесь памятные записи, обнаружен среди рукописного сборника на арабском языке, принадлежащего жителю сел. Гунакари Дахадаевского района А. Халимбекову (5, с. 151-152). Но приводимое во всех указанных записях название Кубачи исследователи считают анахронизмом, хотя, как будет показано ниже, это название бытовало не только в начале XIV в., но и намного раньше. А. Р. Шихсаидов полагает, что “после XIV в. Зирихгеран получает тюркское название Кубачи” (6, с. 198). Общепринятым же наименованием селения тюркское название Кубачи (Кубечи, Кюбечи, Гюбечи, Гюбеджи, Губеши), равнозначное по смыслу древнему персидскому названию Зирихгеран, становится с XVI в. В дагестанской исторической хронике “Дербент-наме”, составленной на рубеже XVI-XVII вв. Мухаммедом Аваби Акташи, дается разъяснение того, что Зирихгеран и Кубачи — слова однозначные (5, с. 21, 49; 7, с. 29; 8, с. 45, 100, 101, 142).

Вместе с тем, по установившейся традиции селение Кубачи еще довольно долгое время, порою вплоть до XVIII в. продолжали называть то Зирихгераном, то Кубачи, Губечи, Гюбечи и другим близким им по звучанию наименованием. А ученые арабисты, переписчики книг — катибы, являвшиеся выходцами не только из сел. Кубачи, но и из сел. Ашты, к своему имени обычно добавляли почетную нисбу аз-Зирихгерани (2, с. 226), подобно тому, как многие ученые — алимы, выходцы из ряда лакских селений пользовались нисбой ал-Гумики (шейх Сулейман ал Гумики; шейх Хаджи Умар ал-Гумики; Али Хаджи ал Гумики, XIV-XVI вв. См.: 9, с. 16), а позднее Казы-Кумухский (Хаджи Атил Казы-Кумухский, родом из сел. Цуша; Абдуллах Казы-Кумухский, родом из сел. Кая и др. См.: 10).

Большинство исследователей, касавшихся в какой-то мере истории и культуры сел. Кубачи, не задавалось целью выяснить происхождение названия “Кубачи” и ограничивалось констатацией того, что тюркское слово “Кубачи” имеет тот же смысл, что и древнее персидское название “Зирихгеран” — кольчугоделатели (панцироделатели, бронники). Эти ойконимы рассматриваются ими как семантические эквиваленты.

Востоковед Г. М. Оразаев в комментариях к изданной в 1992 г. исторической хронике “Дербенд-наме” Мухаммеда Аваби Акташи в

переводе с тюркского на русский язык отмечает, что топоним “Кубачи” представляет собой тюркскую кальку персидского наименования Зирихгеран. “Появление названия Кубачи, — пишет он далее, — возможно, связано еще с ойконимом Кубасанала — названием одного из семи небольших аулов, жители которых в свое время образовали одно большое село — Кубачи (здесь Г. М. Оразаев ссылается на работы: Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. М. -Л., 1949. С. 7; Магомедов А. А. Кубачинский язык. Тбилиси, 1963. С. 1; Магомедов Р. М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1979. Вып. 2. С. 24. — М. М.). По всей вероятности, жители упомянутого аула Кубасанила и являлись, собственно, профессиональными кольчужниками: куба (в тюркском произношении *кюбе, гюбе*) — “кольчуга, броня, панцирь” (8, с. 100; см. также: 5, с. 49-50).

Такое объяснение происхождения названия Кубачи представляется неточным, так как оно основано на созвучии этого названия с топонимом Кубасанила, представляющим собой кубачинское название урочища, а в древности — родового поселка Кюбасанила, переданное в русской транскрипции.

Насколько точен вывод о том, что жители Кюбасанила “являлись, собственно, профессиональными кольчужниками” не представляется возможным установить, так как в урочище Кюбасанила археологические работы еще не проводились, хотя, надо сказать, у кубачинцев существуют предания о том, что в древности в Кюбасанила, находящейся в 2-3 км к востоку от сел. Кубачи, на юго-западном склоне горы Хъайдешла муда (на горе Кайдеш) работали кольчужных дел мастера (11, с. 27). Поэтому название Кюбасанила или его первую часть Кюба- нельзя рассматривать как тюркский топоним и сводить к понятию “куба”, а последнее возводить к тюркскому “кюбе”, означающем “кольчуга, броня, панцирь”. Кюба, или Кюбас — это редкое мужское имя, которое, кстати, встречается и в средневековых памятниках эпиграфики Зирихгерана (см.: 12, с. 85). Вторая часть рассматриваемого названия “санила” (“санала”) означает “южный склон, покатость, обращенная на юг”.

Такого рода топонимы, названия урочищ или частновладельческих земель, образованные от мужских имен Ахъай, Барка, Багъин, Хъяжиге (Г. Ибрагим) в Кубачи не редкость. К ним относятся Ахъайла санала, Баркала санала, Багъинна санала, Хъяжимила санала. Кюба санала (Кюбассанала) тоже относится к этой категории топонимов.

В историко-этнографической литературе XVII-XX вв. для обозначения селения Кубачи приводятся самые разнообразные, порою неточные, нередко и искаженные названия. В такой же мере неточно или неверно приводится и самоназвание кубачинцев.

Рассмотрим некоторые, наиболее характерные из этих названий и самоназваний и их толкования. В исторической хронике "Дербенд-наме" Мухаммеда Аваби Акташи, созданной, как было отмечено, на рубеже XVI-XVII вв., отмечается: "Верхней частью Кайтака является Зергеран или Губечи" (8, с. 45; см. также: 5, с. 21). Видный турецкий географ и путешественник XVII в. Эвлия Челеби, побывавший проездом в Кубачи, называет это селение "благоустроенной крепостью Кюбечли", а по другому списку его труда — "Кюбеджили" (13, с. 118). В 1718 г. А. И. Лопухин сообщал из Дербента: "В горах на полтора дни езды есть один город, именуется Кубеши" (14, с. 30, 50). В 1728 г. И. Г. Гербер пишет: "Сия Кубаша состоит в одной токмо весьма великой деревни..." (15, с. 75, 83; см. также: 16, с. 128). М. К. Ковалевский и И. Ф. Бларамберг, описывая в 1831 г. "общество кубечинское" отмечают, что оно "состоит только из города Кубечи, лежащего почти в середине Каракайдакского округа" (17, с. 310). Названия Кубеша, Губеши, Кубачи, Кубечи, Кобечи приводятся у многих авторов XVIII-XIX вв. — А. И. Гюльденштедта, П. С. Палласа, С. М. Броневского, И. О. Потоцкого, И. Н. Березина и многих других, которые именуют это селение то городом, то деревней, то округом, то республикой, то областью. В 1838 г. академик Х. Д. Френ о сел. Кубачи писал, что оно "называется Кубеджи, Кувечи, Губеши или еще иначе по разным произношениям" (18, с. 90).

А. В. Комаров в 1869 г. писал о Кубачи, что селение это называется еще также Гувечи, Арбачи, Ухбукъ, Кубачи — фран" (19, с. 85; 20, с. 18). Эти же названия с новыми дополнениями приводит в 1875 г. академик Б. А. Дорн в работе "Каспий": "сами они называют себя Ухбукан или Аугвуган; другие зовут их Арбучи, Арбукан, Ургабука" (21, с. 491, 494).

В своем отчете о научной поездке в Дагестан в 1882 г. академик Д. Н. Анучин пишет: "селение и народ Кубачи (Кубечи, Кюбержи) стали известны русским, а затем и всей Европе с 20-х годов прошлого столетия... Название "Кубечи" или "Кюбеджи" на татарском языке означает "делатель кольчу", "оружейник" (от "кюбе"- кольчуга)... Сами себя они называют Аугвуган (Аугваган, Огбухан — трудно ре-

шить, что вернее); соседи же их, которые не могут выговорить этого слова, называют их Арбукан или Арбук..." (4, с. 401, 402, 405).

Касаясь кубачинцев, в 1887 г. Р. Ф. Эркерт указывал, что Кубачи — название татарское (т.е. тюркское — М. М.). Далее он отмечает, что соседи называют кубачинцев "арбукан", "арбукI", а сами кубачинцы называют себя "аугвуган", "аугваган", "огбухан" (23, с. 193-194).

В 1888 г. Е. Вейденбаум констатировал: "Кубачи или Гувечи происходит от тюркского слова "кубе"- кольчуга, панцирь... Персияне (называют кубачинцев) "зирехгеран" — делающие кольчуги. Такое же значение имеют и все названия, которые они сами себе дают (ухбукан, аугвуган) или получают от своих соседей" (24, с. 114).

В 1895 г. Е. И. Козубский отмечал: "Кубачи — от тюркского "кубе" — кольчуга. Акупинцы называют Арбучи, Арбукан, кубачинское (название селения) — Ухбукан, Аугвуган; персидское Сиргеран имеет то же значение — делающие кольчуги (персидский сир — кольчуга)" (25, с. 327).

В дагестанской исторической хронике "Тарихи Дербенд-наме", выданной в 1898 г. в Тифлисе (с 9-ю приложениями) в переводе с тюркского, арабского, персидского и французского под ред. М. Алиханова-Аварского, к упоминанию автора хроник о сел. Кубачи редактор дает обширный комментарий. Термин "копачи" — "кубачи" редактор ошибочно сближает с названием генуэзского поселения Копачи в Кубанской области. Ошибочным является и приводимое им толкование самоназвания кубачинцев из аварского языка: "называют они себя Оибо (ои — понимающий, бо — общество, войско; в ед. числе отбокан -огбоканиец)". Далее отмечается, что "соседи, казикумухи, называют их Орг'о, а аварцы — Ориабакъи, Уриабакъ (бакъ — место). Кубечи — тюркское название этого племени, Дергкарани — персидское и Зарахкеран — арабское. Значение всех этих трех названий — панцироделатели", — заключает автор комментария (26, с. 59-60).

Изучавший в самом начале XX в. названия кавказских народов А. М. Дирр приводит не совсем точные даргинские и кубачинские названия селения Кубачи и его жителей: "жители аула Кубачи — ПярбукIан (Кубачи — ПярбукIила ши)... Кубачинцы сами себя называют аугвуган, аугваган, огбух (Подробнее: уг, бук; кубачинский язык — уг, буг, ан к, уб). Соседи коверкают это название и говорят арбукан, что может быть, имеет отношение к местечку Харбук, лежащему к северо-западу от Кубачей и где занимаются исключительно

изделием оружия”. Далее автор пишет: “Кубачи происходит от турецкого “Кубеджи” — делающие кольчуги; у персов они назывались “Зирахар”, что имеет почти тоже самое значение. Агульцы называют их “ар’авекшуй”, табасаранцы “зарвак”, арчинцы “ург’аштув” от названия аула “Ург’а” — Кубачи” (27, с. 16-17).

Проф. Л. И. Жирков, побывавший в 1924 г. в сел. Кубачи в составе научной экспедиции с целью изучения кубачинского языка, в опубликованном в 1930 г. лингвистическом очерке “Язык аула Кубачи” указывает, что кубачинцы называют свой аул Урбуг (28, с. 256). Он приводит еще не совсем точные, записанные им (латиницей) в сел. Кубачи, как он пишет, “племенные названия” (в скобках — формы мн. числа), т.е. самоназвание кубачинцев, названия народностей или этнографических групп даргинцев, топонимы, ойконимы, а также названия жителей соседних селений на кубачинском языке: *урбуган (-анте)* — кубачинец, *дарккван (-анте)* — даргинец, *муган (-анте)* — муйринец (аул Уркарах и др.), *ссахлан (-анте)* — сюргинец (аул Урари и др.), *хайдакъан (-анте)* — кайтахец;... *амудган* — амузгинец, *щан* — ширинец, *сулейкан* — сулевкентец, *уцлмоцан* — калакорейшец...” (28, с. 278, 280). В конце работы Л. И. Жирков приводит адвербиальные формы названия Кубачи: *Ургъабажиб* — в ауле Кубачи, *Ургъубаже* — в аул Кубачи, *Ургъубажил* — из аула Кубачи (28, с. 280; эти названия и формы правильно приведены в монографии А. А. Магомедова: 29, с. 117). Названия эти можно было считать правильными, если бы в них отсутствовал согласный *-р-*. Точное название селения Кубачи на кубачинском языке представлено в фольклорных текстах — кубачинских песнях, записанных Л. И. Жирковым в этом селении: *Къул — гамишла мукачне / Ургъабажид хя дихай* “Буйволц рогов в Кубачах много бывает” (28, с. 266)².

Известный исследователь истории и культуры кубачинцев этнограф — кавказовед Е. М. Шиллинг в небольшой книжечке “Кубачи”, изданной в 1937 г. в Пятигорске, пишет: по-кубачински “Кубачи” будет “Урбуг”, “кубачинец” — “урбуган” (30, с. 13). То же самое повторено и в другой книге Е. М. Шиллинга “Кубачинцы и их культура”, где он отмечает: “Урбуг” — собственно название селения; кубачинец — урбуган, мн. число — урбуганте” (31, с. 5). В упомянутых работах Е. М. Шиллинга названия селения Кубачи и жителя этого же селения даны не точно, вернее даны так, как они звучат на даргинском языке, а не на кубачинском языке. Неточность эта допу-

щена, очевидно, при фиксации рассматриваемых названий от местных информаторов.

А. И. Алиев и З. И. Никольская в небольшом научно-популярном очерке о даргинцах пишут, что “... самоназвание кубачинцев — *урбуганте* (ед. число — *урбуган*), а наименование их единственного селения — Кубачи (на кубачинском языке — *Урбуг*). Арабские средневековые авторы употребляли для наименования кубачинцев, издавна известных своими металлическими изделиями, персидский термин “зирехгеран” (буквально “кольчужники”). Наиболее распространенным до нашего времени в качестве названия и селения, и его обитателей является известный с XVII века термин “кубачинцы” или “Кубачи”. Термин этот, заимствованный из турецкого языка, равнозначен по смыслу вышеприведенному персидскому” (32, с. 68-69; см. также: 33, с. 467).

Л. И. Лавров жителей сел. Кубачи называет *УрбукI*, относя их к “особой группе даргинцев” (34, с. 194). В указателе географических и этнических названий к работе “Этнографические памятники Северного Кавказа” тем же автором даны еще такие названия: Кубачи (Кубачи, ГурбукI, Зирих-Гаран, Кубеччи, кубачинцы (гIугъбуган) (34, с. 257).

Проф. Р. М. Магомедов указывает, что “у соседей зирехгеранцы были известны под именем “ухбук”. Это означает люди, производящие оружие” (35, с. 55). В другой работе Р. М. Магомедов пишет, что “сами себя кубачинцы называли ойбо (ои — понимающий, бо — общество, войско), отбукан (арбукан). Лакцы называют их орго, аварцы — онабик; слово кубачи тюркское, в переводе означает панцирь. Персам они известны под именем дергекаранцы, а арабам — зирехгеране, то есть панцироделатели, кольчужники” (36, с. 121-122). Эти не совсем точные данные, приводимые Р. М. Магомедовым в работе “Дагестан: исторические этюды”, почерпнуты, очевидно, из упомянутой выше хроники “Тарихи Дербенд-наме” под редакцией М. Алиханова-Аварского.

Прочитируем еще одну работу Р. М. Магомедова для того, чтобы показать, какие разные названия, даваемые кубачинцам их соседями и какие разные, неточные и противоречивые самоназвания кубачинцев приводятся даже у одного и того же исследователя. “Кубачи у акушинцев именуется Арбучи, — пишет Р. М. Магомедов, — сиргинцы называют кубачинцев ургабука. Сами кубачинцы называют себя угбуг (“губители народа”). Это древнее прозвище (?-М. М.)

кубачинцев появилось еще в те времена, когда предки их специализировались на изготовлении оружия, кольчуг и шлемов и снабжали им все окрестные земли. Соседи называют их и по-другому: “пранг”, “пранг-капур”, т.е. франки, имея в виду отходничество кубачинцев в государства Запада и Востока” (37, с. 23).

Смысловое значение самоназвания кубачинцев в последней цитированной работе истолковано, как будет показано ниже, неверно. Кроме того, этноним угбуг нельзя рассматривать как “древнее прозвище”, потому что это не совсем точно зафиксированное самоназвание кубачинцев.

Прозвищем же кубачинцев, употребляемым их соседями — даргинцами в ругательном или оскорбительном смысле (во время их стычек или войн по разным причинам³) на самом деле служило слово “*паранг*” (а не “пранг”). Использовалось это слово для указанных целей в таком сочетании — “*гЯрбукІан-паранг*”.

Термин *паранг* происходит от слова *франк*. На Ближнем и Среднем Востоке франками называли крестоносцев, а впоследствии всех европейцев. В отношении кубачинцев “*паранг*” стали употреблять в связи с тем, что начиная с XVIII в. в историко-географических трудах сначала русских и западноевропейских, а затем других, в том числе и местных авторов, а также среди различных народов, включая окружающих сел. Кубачи даргинцев, получили распространение разные версии о французском и вообще о европейском происхождении кубачинцев (31, с. 14-15, 210-215; 36, с. 119-122; 38, с. 87-100)⁴. Слово *паранг* употреблялось соседями кубачинцев в смысле “не свой, чужеземный, не своей веры человек (т.е. немусульманин)”, а *паранг-капур* в смысле “христианин”. А в ряде стран Востока в средние века сказать мусульманину “Ты — иудей!” или “Ты — христианин!” каралось по суду как оскорбление (39, с. 45). Подобные обращения к мусульманину и в Дагестане считались оскорблением.

В первом томе академического издания “Истории Дагестана” автор раздела “Зирихгеран” А. Р. Шихсаидов отмечает, что “на каком бы языке ни передавалось название главного аула “страны” — нынешних Кубачей, — на персидском ли — “Зирихгеран”, тюркских — “Кубачи”, оно передается словом “панцироделатели”. Соседи называют аул -Арбуки, Ургабука, Зарбак, Урги” (40, с. 126). То же самое сказано А. Р. Шихсаидовым и в работе “Ислам в средневековом Дагестане (VII-XV вв.)” (6, с. 34).

Различные наименования селения Кубачи и его жителей, данные

персами, тюркоязычными народами, даргинцами и другими народностями, а также не точно зафиксированное от информаторов самоназвание кубачинцев, перекочевывали из одних сочинений в другие, иногда с таким искажением этих наименований, что вне контекста не всегда можно определить, о ком идет речь.

Ныне окружающие народности — даргинцы называют кубачинцев *гЛурбукІ*, *гЯрбукІ*, *гЯрбукІанти*, *кубачиланти*; жители СирхІя кубачинцев называют *гЛурбуг*; в единственном числе — *гЛурбуган*, *гЯрбукІан* — кубачинец; *ГЯрбучІ(кІ)ила ши* — букв. кубачинцев селение, т.е. Кубачи. Аварцы называют кубачинцев “*кЪубачиял*”, “*кубачиссел*”, лезгины — “*кЛубечІияр*”, табасаранцы — “*кЮгияр*”, лакцы — “*оргъ*” (16, с. 129), “*гЛургъ*”. Кабардинцы называют кубачинцев “*гуэбэшы*”, а осетины — “*губец*” (41, с. 182).

Точное самоназвание кубачинцев дано у языковеда, доктора филологических наук, профессора А. А. Магомедова в книге “Кубачинский язык”, в которой он пишет: “Собственное название кубачинцев: “*гЛугъбуган*” — кубачинец, “*гЛугъбуг*” — кубачинцы; “*гЛугъбуглаце*” — аул кубачинцев. Даргинцы называют кубачинцев “*гЯрбукІ*”; “*гЯрбукІан*” — кубачинец” (29, с. 1; этнические названия на кубачинском яз. см. там же: 29, с. 90). В другом месте он пишет, что “названия аула Кубачи и других аулов употребляются (кубачинцами, М. М.) в наречных формах: *Пугъаба-же* “в Кубачи” (направленно), *Пугъаба-жи-б* “в Кубачи” (нахождение), *Пугъаба-жи-л* “из Кубачи” (29, с. 117).

Для этого исследователя кубачинская речь является родной и в точности передачи звучания приводимых им названия сел. Кубачи и самоназвания его жителей не приходится сомневаться.

Для обозначения названия селения Кубачи сами кубачинцы употребляют термин *Угъубаже* (*ГЛугъубаже*; некоторые кубачинцы это слово произносят и так: *Пугъубаже*). Нам представляется наиболее правильным название именно *Пугъубаже*. Как звучит это название на кубачинском языке можно хорошо проиллюстрировать на следующих примерах разговорной речи:

1. *АлхІят бе ду Угъубаже* (*ГЛугъубаже*) *вякьид* (В воскресенье я съездил в Кубачи).

2. *Чвал ду Угъубаже гЛукъунда* (Завтра я еду в Кубачи).

3. *Саа ду Угъубаже дибвидгад* (Вчера я позвонил в Кубачи).

4. *Угъубаже гваттагъи 20 километр гъасиб хьуне чІибал* (До Кубачи осталось еще около 20 км дороги).

5. *Угъубажиб* хвалле духле бакъиб саб, буклай (В Кубачи большой снег выпал, говорят).

Подобных примеров можно привести множество.

Таким образом, *угъубуг* (*злугъубуг*) — это этноним, это самоназвание кубачинцев, а не название самого селения Кубачи, как об этом пишут в своих трудах некоторые исследователи; *угъубуган* (*злугъубуган*) — тоже этноним, означающий “кубачинец” в единственном числе. *Угъубаже* (*Плугъубаже*) — это топоним или ойконим, понятие географическое, это название самого селения Кубачи на кубачинском языке. Для обозначения этого селения, как сказано выше, кубачинцы применяют еще название *Плугъубугла* (*Угъубугла*) *це* — буквально “кубачинцев селение” (ср.: *Сулекала це* — сулевкентцев селение, но *Сулеце* — Сулевкент; *Гямудгала це* — амузгинцев селение, но *Гямудже* — Амузги; *Хъыбугла це* — харбукцев селение, но *Хъыбаже* — Харбук).

Название селения Кубачи вместе с непосредственно прилегающим к этому населенному пункту угодыми, приусадебными участками, склонами, водными источниками, дорогами и т. д. на кубачинском языке звучит так: *Угъубажила* (*Плугъубажила* или *Плугъабажила*). Это тоже топоним. Интересно также сравнить топоним *Угъубажила* (*Плугъабажила*) с названиями родовых поселков, располагавшихся вблизи Угъубаже, а в XII-XIV вв. объединившихся с ним: *Гянчибачила* (*Анчибачила*), *Къубасанила*, *Дешжила* (*Дешлижила*), *Муглила*, *Дацламажила* (с Кубачи она объединилась позднее). Кубачинские названия этих топонимов являются одним из свидетельств того, что в древности в этих родовых поселках проживало единое в этническом отношении население *угъубуг* (*злугъубуг*).

После точного определения кубачинского названия селения Кубачи и самоназвания кубачинцев можно попытаться выяснить и вопрос о происхождении названия “Угъубаже” (*Плугъубаже*) и определить его смысловое значение, а также выяснить этимологию самоназвания “угъубуг”. Собственное название “Угъубаже” (*Плугъубаже*) не поддается этимологизации из кубачинского языка ввиду того, что оно является значительно измененным в течение длительного времени в соответствии с фонетическими особенностями кубачинского языка и при бесчисленном повторении в разговорной речи тюркским названием Губеши — Гюбеши — Гюбежи — Губечи — Кюбечи — Кубачи. Кубачинский диалект, как отмечает А. А. Магомедов (29, с. 58), “подобно другим даргинским диалектам, избегает стечения согласных и

в заимствованных словах разъединяет их присоединением гласного в начале слова или вставкой гласного: *истикан* — стакан, ... *уикула* — школа, *устул* — стол...” К этим примерам добавим еще такие: *Истамбул* — Стамбул, *злурус* — рус (русский), *Гярасай* — Россия.

Подобное же присоединение гласного в начале слова произошло и в кубачинском названии Гъубаже — Угъубаже, восходящем к тюркскому Губеши — Гюбеши — Гюбежи — Губаши — Гюбечи — Гюбежи — Кюбеши — Кубеши — Кубечи — Кубачи. Ясно, что и самоназвания *угъубуг* и *угъубуган* являются производными от названия селения Угъубаже (*Плугъубаже*).

От самоназвания кубачинцев *угъубуг* и от кубачинского названия селения *Угъубаже* происходят и разные варианты даргинских названий сел. Кубачи и его жителей (в соответствии с фонетическими особенностями диалектов или говоров даргинского языка): *Гярбачи*, *Пурбачи*, *гярбучи* (*к*)*ила* *ци*; *гурбуг* (*урбуг*), *гурбуган*, *гурбукан*; *гярбук*, *гярбукан*, *гярбуканти* и т. д.

Фонетическая близость названий *угъубуг* (*злугъубуг*) — *злурбуг*, *злурбук*, *злярбук*, *угъубуган* (*злугъубуган*) — *злурбуган*, *злярбукан* достаточно очевидна с учетом взаимопереходов звуков *р* и *гъ*, *у* и *я*.

От самоназвания *угъубуг* (*злугъубуг*) происходит также лакское название кубачинцев *уръгъ* (*злуръгъ*, *овръгъ*, *зоръгъ*), арчинское название *уръаштув* и т. д.

В свете сказанного представляется верным мнение А. А. Магомедова о том, что нельзя объяснить значение самоназвания кубачинцев “угъубуган” исходя из народной этимологии как “уничтожитель людей” (мол, кубачинцы, будучи оружейниками, были сильнее жителей окружающих аулов, превосходя их оружием и побеждали их) (29, с. 1-2).

В книге “Искусство Кубачи” самоназвание “угбуган” (“злугъубуган”) переведено как “губители людей” (11, с. 10). Это повторено и в опубликованной в Италии статье А. А. Иванова “Персидские надписи из Кубачи” (42, с. 213) со ссылкой на книгу Е. М. Ниццинига “Кубачинцы и их культура”, хотя в этой книге такое толкование смысла этнонима “угъубуган” отсутствует (31, с. 5). Угбук — “губители народа” — так истолковано, как уже отмечали, проф. Р. М. Магомедовым (основываясь при этом, вероятно, на публикации по этому вопросу других авторов) смысловое значение самоназвания кубачинцев (37, с. 23).

Неточное и ненаучное толкование смысла самоназвания *угъубу-*

ган (исходя из народной этимологии) как “губители людей” основано всего лишь на предположениях и домыслах. Ведь первая часть слова *угь-* (*гугь-*) по-кубачински не означает “людей”. Для их обозначения применяется слово *уй* — “люди”, или *шанте* — “сельчане”, а вторая часть *-бу-ган* не означает “губитель” или “уничтожитель”. Для обозначения понятия “губитель” должно употребляться слово *булган*, от слова *буги* — “погубить, уничтожить”. В этом случае “уничтожитель людей” по-кубачински должно звучать как “*уйбулган*”, а не “*угьбуган*” (“*гугьбуган*”). Ср.: *хьыбуган* — харбукец, житель сел. Харбук Дахадаевского района; *хьыбуз* — харбукцы, *Хьыбаже* — селение Харбук, известный центр кузнечного дела). Е. М. Шиллинг этимологию самоназвания кубачинцев не раскрывает, очевидно, он не рискнул сделать этого, будучи не уверенным в точности народной этимологии “урбуган” (“губган”), хотя весьма вероятно, что он располагал информацией с подобным толкованием данного этнонима.

Многие исследователи — Р. Ф. Эркерт (23, с. 194), И. А. Орбели (43, с. 349), Л. И. Жирков (28, с. 256), К. В. Тревер (44, с. 333-334; 45, с. 8-9) и другие в самоназвании кубачинцев усматривали древнее название своей страны — Албании (Кавказской). Это мнение подвергнуто справедливой критике А. А. Магомедовым, который отмечает, что указанные исследователи, “находя в самоназвании кубачинцев термин “албан”, неточно приводят само слово “гугьбуган” — “кубачинец”. В этих терминах, быть может, и можно усмотреть некоторое звуковое сходство, но фонетически эти термины не сводятся один к другому” (29, с. 2).

С учетом того, что самоназвание “угьбуз” (гугьбуз), производное от кубачинского названия сел. “Угьубаже”, восходящего, в свою очередь, к тюркскому названию этого населенного пункта Гюбеши — Губежи — Гюбеджи — Губеши — Кюбечи — Кубачи, можно заключить, что понятие (самоназвание) “угьбуз” имеет в целом то же смысловое значение, что и древнее персидское название Зирихгеран и равнозначное ему по смыслу тюркское название Кюбечи-Кубачи — “кольчужники, кольчугоделатели (панцироделатели)”. Здесь произошла не только фонетическая, но и семантическая адаптация: смысловое значение названия Угьубаже (Гугьубаже) оказалось соответствующим тюркского происхождения ойкониму Кубачи.

Однако, это название можно интерпретировать и по-другому — его можно истолковать как “крепкое селение”, “недоступное селение” (ср.: название Дибгалик — “крепкое”, в смысле недоступное

селение — 46, с. 287; тот же смысл имеет и название другого селения — Дибгаша: 46, с. 294). Это вполне согласуется с тем обстоятельством, что в XII-XIV вв., когда небольшие родовые поселки, окружающие сел. Угьубаже, сливаются с ним, возводятся мощные оборонительные сооружения — крепостные стены и круглые башни, частично сохранившиеся донныне, а Кубачи становится действительно “крепким селением”, недоступной для неприятеля крепостью. О неприступности этого селения писали многие ученые и путешественники. Этот фактор, наряду с другими, способствовал сохранению независимости Кубачи, которые, как отмечали многие авторы, никогда ниже не были покорены (15, с. 75; 29, с. 325; 31, с. 193; 47, с. 14-15).

Хотя для такой интерпретации смысла Угьубаже — Губежи — Губеши — Гюбеджи — Кюбечи имеются некоторые основания, все же более правильным является, очевидно, другое его толкование, а именно как “кольчужники, кольчугоделатели, панцироделатели, бронники”, имея в виду тот факт, что с глубокой древности кубачинцы (*угьбуз*) были известны как кольчужных дел мастера, из-за чего персы называли их *зирихгеранами* и это наименование закрепилось за ними на многие века, а тюркоязычные народы называли селение Губеши — Гюбечи — Кюбечи тоже исходя из основного рода занятий его жителей в древности — изготовление кольчуг, панцирей.

Из сказанного выше становится ясным вопрос о происхождении названия Кубачи.

В том, что кубачинское название селения *Угьубаже* восходит к тюркскому Губеши — Гюбечи — Губежи — Кюбечи — Кабачи нет ничего удивительного, хотя на первый взгляд и кажется неожиданным, так как известно, что “во многих случаях название племени или народа усваивалось соседское, иноязычное” (48, с. 67), что “обычно менее распространенным бывает самоназвание народа и более — этнические названия, сложившиеся в среде соседнего населения” (49, с. 3). В кубачинском языке имеются достаточно много тюркизмов, (среди них и термины, связанные с работой златокузнецов — см.: 50, с. 241), как, впрочем, и в других дагестанских языках, свидетельствующих о длительных дагестано-тюркских языковых и иных контактах, восходящих к глубокой древности — к первым векам нашей эры (51, с. 3, 7-18; см. также: 52). Кроме того, распространение тюркского названия Кубачи в его различных вариантах вместо персидского названия Зирихгеран по времени совпадает с процессом распространения и упрочения мусульманства среди кубачинцев. А в исламизации

сел. Кубачи, как и многих других населенных пунктов Дагестана, значительную роль сыграл тюркский элемент (6, с. 148-150; 40, с. 196). Тюрки-кипчаки и сельджуки, прочно обосновавшиеся в средние века в Дербенте, не только способствовали распространению и упрочению ислама в предгорной и горной части Дагестана, но и принимали активное участие в военных акциях. В состав войска дербентского правителя Сейф уд-дина ас-Сулами, организовавшего в 1126 г. поход против жителей Зирехгерана, еще не принявших ислам, входили и тюрки (6, с. 191-192).

Не случайным является и тот факт, что в предметах вооружения и костюмах людей, изображенных на средневековых (XIV-XV вв.) кубачинских каменных рельефах — деталях архитектурного декора заметно сильное тюркское влияние (53, с. 153-163). Характерно и то, что среди кубачинских литых бронзовых котлов XII-XIII вв. так называемого открытого типа представлены котлы с арабскими куфическими надписями на одном из четырех горизонтальных выступов у верхнего края с именами изготовивших котлы мастеров с нисбой ал-Марвази (“сделал Абу Бакр б. Ахмад Марвази”, или “сделал Ахмад б. Махмуд ал-Марвази”) (12, с. 427-433; 54, с. 25-26; 55, с. 169, 180-182; 56, с. 54-56; 57, с. 48-49), т.е. Мервский — родом из города Мерва. В XI — пер. пол. XII в. Мерв был столицей государства Великих сельджуков, а со втор. пол. XII — нач. XIII в. являлся крупным культурным и торгово-ремесленным центром Хоросана, а затем государства Хорезмшахов (58, с. 363).

С отмеченными двумя важными обстоятельствами — распространением тюркского названия сел. Кубачи вместо персидского Зирехгеран и исламизацией его жителей совпадает по времени еще и другое важное событие — процесс образования крупного населенного пункта — *ши* путем объединения нескольких небольших родовых (тухумных) поселков зирехгеранов (Гянчибаде, Къубасанила, Муглила, Дешижила и др.), расположенных вокруг сел. Кубачи в радиусе 3-10 км. После их объединения, в XIV-XV вв. сел. Кубачи становится одним из крупных центров мусульманской культуры, где разворачивается строительство мусульманских культовых сооружений — квартальных и главной (пятничной — Джума) мечетей, открываются исламские учебные заведения — мактабы и медресе. В огромном количестве создаются копии рукописных книг по различным отраслям знаний, которые поступали в Дагестан и в Кубачи из различных стран Ближнего Востока. Высокой степени совершенства достигло искусство

арабской каллиграфии. Необычно высокого уровня достигли в своем развитии и различные отрасли художественного ремесла — резьба по камню и дереву, художественное бронзовое литье, производство оружия, вероятно и ювелирное дело.

В указанное время в сел. Кубачи наряду с арабским и персидским языками значительное распространение получил и тюркский язык, который служил языком общения кубачинцев — ремесленников и торговцев — с жителями населенных пунктов плоскостной и предгорной зоны Дагестана, а также городов и поселков Азербайджана, с которыми они имели регулярные торгово-экономические связи. Ни арабский, ни персидский языки не могли выполнять в то время такую роль. О распространении же в средневековом сел. Кубачи тюркского языка свидетельствуют некоторые фактические данные. Как пишет Г. М. -Р. Оразаев, “на одном из листов рукописи “Синтаксис арабского языка”, переписанный Абдар-Рахманом, сыном Мухаммеда аз-Зирехкарани (т.е. даргинского аула Кубачи) в 1491 году, написана в стихотворной форме, на кумыкском языке, легенда о том, как однажды на арабов напал дракон (аждаха). На полях между строк “Толкового словаря арабского языка”, переписанного в 1499 году тем же Абдар-Рахманом, обнаружены лакские и кумыкские слова, выражения, предложения, примечания, комментирующие текст, по которым с той или иной достоверностью можно судить о времени проникновения терминов, степени распространения языка, или отдельных заимствований и т. д.” (59, с. 63).

Тюркское название Кюбечи (Гюбечи — Гюбеджи — Губеши и другие варианты), а также восходящее к нему кубачинское название Угъубаже (Гугъубаже) для обозначения населенного пункта, находящегося на месте нынешнего расположения самой старой части пос. Кубачи, бытовали, вероятно, наряду с персидским названием Зирехгеран, с эпохи раннего средневековья (может быть и раньше). Но эти названия оставались очень долгое время наименованиями, употребляемыми в быговой, разговорной (устной) речи, а литературным, книжным названием служило широко распространенное в Дагестане и за его пределами с эпохи раннего средневековья персидское название Зирехгеран⁵. До XV в. (возможно, до XIV в.) тюркское название Губеши — Гюбечи — Кюбечи — Кубачи оказалось письменно не зафиксированным, а кубачинское название Угъубаже было зафиксировано в фольклорных произведениях, записанных исследователями — языковедами лишь в начале XX в. Поэтому в средневековых арабс-

ких и персидских письменных источниках и местных, т.е. дагестанских исторических хрониках, арабских рукописных книгах и памятниках эпиграфики (относящихся к периоду до XIV-XV вв.) названия Кубачи и Угъубаже (Пугъубаже) не встречаются. Но это обстоятельство — явление не исключительное. Так было, например, и с распространенным в средневековых письменных источниках, а в более позднее время в различных историко-географических трудах тюркским названием Кала-Корейш (Курейш) — первоначальной резиденции правителей Кайтага — уцмиев. Самоназванием этого населенного пункта и названием, употребляемым даргинцами в разговорной (устной) речи со дня его основания являлся и ныне является УрцІмуц⁶ (по кубачински АцІмаце. Житель селения — уцІмуцан, множ. число — уцІмуц. Кайтагцы называют это селение УркІмуц. Известны и другие, близкие отмеченным, названия. См.: 22, с. 409; 61, с. 129; 62, с. 75). Точно также широко распространенным в средневековых письменных источниках и более поздних историко-географических сочинениях названием известного населенного пункта является персидское название Дербенд, впервые упомянутое в письменных источниках в VII в. н. э. (44, с. 276). Однако на протяжении многих веков этот город в разговорной речи даргинцы называли и ныне называют более древним, чем Дербенд, названием Чулли (40, с. 122), а кубачинцы называют его Чуле.

В заключении отметим, что рассмотренные выше вопросы, касающиеся происхождения названия Кубачи, этимологии кубачинского названия селения *Угъубаже* (*Пугъубаже*) и самоназвания кубачинцев *угъубуг* являются частью довольно сложной и основательно запутанной в досоветской отечественной и зарубежной историографии общей проблемы этногенеза кубачинцев, требующей глубокой научной разработки с позиции современных достижений разных научных дисциплин.

¹ Селение Шири Дахадаевского района РД.

² Перевод текста сделан не вполне точно. По смыслу более правильный будет: "Коров и буйволиц рогов и в Кубачи премного".

³ О стычках и войнах кубачинцев в прошлом с соседями на почве притязаний на пастбищные угодья, лесные участки и т. д. см.: 31, с. 7-12.

⁴ О значении слова *франк* применительно к предкам нынешних кубачинцев см.: 24, с. 113-114; 30, с. 93.

⁵ Название Зирихгеран впервые упоминается арабским историком ал-Белазури в связи с событиями, относящимися к VI в. н. э. См.: 60, с. 7, 18.

⁶ Современным даргинским литературным названием селения стало Къара-Къурейш, восходящее к названию Кала-Курейш. В историко-этнографических трудах XIX-нач. XX в. встречается неправильное название Кара-Курейш (*кара* — "черный" вместо *кала* — "крепость"). В средневековых дагестанских исторических сочинениях это селение фигурирует под названием Кала-Курейш, Каракурейш и т. д. См. по указателю географических, топографических и этнических названий в: 5, с. 273.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Шихсаидов А. Р., Саидов М.-С., Айтберов Т. М., Исаев А. А., Оразаев Г. М., Мирзамагомедов Г. М. Итоги археографической экспедиции // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978-1979 гг. (тезисы докладов). Махачкала, 1980.
2. Гамзатов Г. Г. Дагестан: Историко-литературный процесс. Махачкала, 1990.
3. Из дагестанских памятных записей. Комментированные переводы А. Р. Шихсаидова и Т. М. Айтберова // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980.
4. Ануцин Д. Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882г. // Изв. ИРГО. Т. XX. Вып. 4. СПб., 1884.
5. Шихсаидов А. Р., Айтберов Т. М., Оразаев Г. М. -Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993.
6. Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII-XV вв.). Махачкала, 1969.
7. Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р. "Дербенд-наме" (к вопросу об изучении) // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980.
8. Акташи Мухаммед Аваби. Дербенд-наме. Перев. с тюркск. и арабск., предисл. и библиограф. Г. М. Оразаева и А. Р. Шихсаидова. Махачкала, 1992.
9. Абдуллаев М. А. Из истории научной и педагогической мысли досоветского Дагестана. Махачкала, 1986.
10. Шарифов Э. Эрел. Дагестан и дагестанцы. Перев. с турец. Р. Ризванова // Дагестанская правда. 1993. 3 февраля (№20).
11. Искусство Кубачи. Альбом. Составит. А. Иванов. Л., 1976.
12. Шихсаидов А. Р. Эпиграфические памятники Дагестана. М., 1984.
13. Эвлия Челеби. Книга путешествия (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарий. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979.
14. Лопухин А. И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718г. // ИГЭД. М., 1958.

15. Гербер И. Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 // ИГЭД. М., 1958.

16. Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера "Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся", как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979.

17. Ковалевский М. К. и Бларамберг И. Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. М., 1958.

18. Френ. Х. Д. О народе кавказском Кубачи // Журнал министерства народного просвещения. 1840. №8. (рус. пер. с нем. из "Bulletin Scientifique". 1838. №75 и 76).

19. Комаров А. В. Списки населенных мест Дагестанской области // Сборник статистических сведений о Кавказе. Т. 1. Сост. и редакция Н. И. Воронова. Тифлис, 1869.

20. Комаров А. В. Народонаселение Дагестанской области, с этнографической картой // Зап. КОИРГО. 1873. Т. 8.

21. Дорн Б. А. Каспий. О походах древних русских в Табаристан... СПб., 1875.

22. Анучин Д. Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года.

23. Erckert R. F. Der Kaukasus and seine Völker. Leipzig, 1887.

24. Вейденбаум Е. Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888.

25. Памятная книжка Дагестанской области. Сост. Е. И. Козубский. Тмирханшура, 1895.

26. Тарихи Дербенд-наме (с 9-ю приложениями). Перевод с языков: тюркского, арабского, персидского и французского. Под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898.

27. Дирр А. М. Современные названия кавказских народов // СМОМПК. Вып. 40. Тифлис, 1909. Отд. III.

28. Жирков Л. И. Язык аула Кубачи // Уч. зап. Института этнических и национальных культур народов Востока. Вып. I. М., 1930.

29. Магомедов А. А. Кубачинский язык. Тбилиси, 1963.

30. Шиллинг Е. М. Кубачи. Пятигорск, 1937.

31. Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.-Л., 1949.

32. Алиев А. И., Никольская З. А. Даргинцы // Народы Дагестана. Сб. статей. М., 1955.

33. Алиев А. И., Никольская З. А., Шиллинг Е. М. Даргинцы // Народы Кавказа. Т. I. Под ред. М. О. Косвена. Л. И. Лаврова и др. М., 1960.

34. Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Часть I. Надписи X-XVII вв. М., 1966.

35. Магомедов Р. М. История Дагестана. Махачкала, 1968.

36. Магомедов Р. М. Дагестан: Исторические этюды. Махачкала, 1971.

37. Магомедов Р. М. По аулам Дагестана. Вып. II. Махачкала, 1979.

38. Магомедов А. А. Исторические сведения о кубачинцах и их языке // УЗ ИИЯЛ. Т. XI. Серия филолог. Махачкала, 1962.

39. Мец Адам. Мусульманский Ренессанс. Изд. 2-е. М., 1973.

40. История Дагестана в 4-томах. Т. I. М., 1967.

41. Волкова Н. Г. Из северо-кавказской этнонимии // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976.

42. Иванов А. А. Персидские надписи из Кубачи // Rivista. Studi orientali. Vol. LIX. Fasc. I-IV. Roma, 1987.

43. Орбели И. А. Албанские рельефы и бронзовые котлы XII-XIII вв. // Избранные труды. Ереван, 1963.

44. Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.-Л., 1959.

45. Тревер К. В. К вопросу о культуре Кавказской Албании. Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960.

46. Османов М. О. Некоторые вопросы даргинской топонимии (Материалы по названиям селений) // Уч. зап. ИИЯЛ. Т. XIV. Сер. истор. Махачкала, 1965.

47. Неверовский А. I. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье // Военный журнал. 1848. №1. (Отд. издание: СПб., 1849).

48. Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пацаева А. Г. Материнская культура даргинцев. Махачкала, 1967.

49. Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.

50. Магомедов А. А. Терминология кубачинских златокузнецов // Ежегодник ИКЯ. Тбилиси, 1975. Вып. II.

51. Джиолаев И. С. Тюркско-дагестанские языковые контакты. Общая характеристика // Тюркско-дагестанские языковые контакты (исследования и материалы). Сб. статей. Махачкала, 1982.

52. Тюркско-дагестанские языковые взаимоотношения. Сб. статей. Махачкала, 1985.

53. Salmony A. Daghestan sculptures // Ars islamica. Ann Arbor, 1947. Vol. X.

54. Гюзальян Л. Т. О дагестанских (кубачинских) котлах открытого типа // Тез. докл. научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1961 г. Л., 1962.

55. Иванов А. А. О датировке кубачинских памятников // Искусство Кубачи. Альбом / Автор-составитель А. Иванов. Л., 1976.

56. Иванов А. А. Кубачинский бронзовый котел XIV в. // СГЭ. 1977. Вып. XLII.

57. Маммаев М. М. Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Истоки и становление. Махачкала, 1989.

58. Советская историческая энциклопедия. Т. 9. М., 1966.

59. Оразаев Г. М.-Р. Из истории даргинско-тюркских контактов (по материалам XVIII в.) // Тюркско-дагестанские языковые контакты (Исследования и материалы). Сб. статей. Махачкала, 1982.

60. *Баладзори*. Книга завоевания стран. Текст и пер. с араб. проф. П. К. Жузе. Баку. 1927. (Материалы по истории Азербайджана. Вып. III.)

61. *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X-XI веков. М., 1963.

62. *Алиев Б. Г.* Предания, памятники, исторические зарисовки о Дагестане. Махачкала, 1988.

M. M. Mammaev

ORIGIN OF THE TOPONYM "KUBACHI" AND ETYMOLOGY OF THE KUBACHI INHABITANTS SELF-NAME.

Summary

Various toponyms for the village of Kubachi and its inhabitants' different self-names found in historical-ethnographical literature of the 17th-20th centuries have been analysed.

First the exact toponym for the village *Uhubaže* (*Huhubaže*) in the local Kubachi language and the inhabitants' self-name *uhbug* (*huhbug*) were recorded. Etymology of the toponym *Kubachi*, the oikonym *Uhubaže* and the ethnonym *uhbug* (*huhbug*) has been cleared up. The local name for the village *Uhubaže* goes back to the Turkic name of the village *Gubeži-Gubeši-Gübechi-Kübechi-Kubachi* having the same meaning as Persian word *Zirekheran* — "chain armours makers". The Kubachi dwellers' self-name *uhbug* (*huhbug*) derives from the name of village *Uhubaže*. The origin of the Turkic name *Kubachi* is connected with the main trade of the present villagers' ancestors — making chain armour's.

The questions connected with the origin of the name *Kubachi*, the residents' name for the village *Uhubaže* (*Huhubaže*) and their self-name *uhbug* are investigated as the part of the general problem of the Kubachi residents' ethnogenesis. The problem needs profound research with the account of contemporary achievements in different branches of science.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТАБАСАРАН

Этногенез табасаран нельзя изучать в отрыве от происхождения остальных дагестанских народов.

Согласно устным преданиям, бытовавшим среди табасаран в прошлом, происхождение их связывали с арабами, евреями, армянами и др. В этом плане освещали тему и авторы сочинений прошлых веков. Так, по данным “Дербенд-наме”, “население Табасарана и Кюра до самого Кумуха было выведено из Кешана и Гиляна” (1, с. 34). В другом месте этого сочинения говорится, что “большая часть жителей Табасарана исповедывала религию еврейскую и была неверными” (1, с. 80). И далее: “Говорят, что Табасаран был населен колониями разных национальностей из Ирака, Азербайджана, Аравии, Хамса, Дамаска, Джебзире, Мосула и Палестины” (1, с. 113).

Касаясь вопроса происхождения табасаран, А. -Ж. А. Бакиханов писал: “Впрочем, жители части Табасарана, западной стороны Кубинского уезда, Самурского округа и Кюринского владения по большей части состоят из древних народов, смешавшихся с позднейшими пришельцами. Обитатели окрестностей Дербента, большей части Табасарана, восточной части Кубинского, Шекинского и Бакинского уездов и Сальяна составляют остатки персов, арабов, тюрков, монголов и татар” (2, с. 13).

Ссылаясь на предания, Г. -Э. Алкадари считает, что табасаранский народ “раньше был иудейским” (3, с. 13). Далее он пишет: “Неосомненно, предки здешних мусульман произошли от смешения и скрещивания групп, живших здесь издревне до прихода ислама, с арабами, пришедшими с исламом, и с другими...” (3, с. 12).

Как пишет автор очерка о Кайтаго-Табасаранском округе, “табасараны называют себя гум-гум и говорят, что происходят от евреев” (4). О происхождении табасаран этнограф и лингвист А. Дирр пишет следующее: “Косые глаза, выступающие скулы, плоские носы, широкое лицо, редкая борода, иногда совсем отсутствующая, — все это признаки монгольской расы” (5, с. 4).

А. Дирр, говоря, что якобы женщины лучше владеют табасаранским языком, чем мужчины, делает вывод: “Какие-нибудь завоеватели монгольской расы вторглись в страну и после поголовного истреб-

ления всех мужчин поселились здесь и смешались с туземными женщинами, в которых уже ранее много было семитической крови. Таким образом произошла смешанная раса и этому обстоятельству табасаранский язык обязан своеобразным характером своим” (5, с. 5).

Как бы подкрепляя сказанное А. Дирром, Курдов отмечает у табасаран широкое лицо, скуластость, жесткие прямые волосы, темный цвет их, слабое развитие волосного покрова на теле, наличие в небольшом проценте случаев косоного разреза глаз (6%), резкую брахикефалия, низкий рост (159, 3 см). По росту, измеренному у 30 человек, табасараны, по мнению К. М. Курдова, приближаются к северным монголам: осяжкам, самоедам, тунгусам. В результате проведенного исследования К. М. Курдов пришел к выводу, что табасараны стоят одиноко среди населения Кавказа (6, с. 69-74).

А. Дирр табасаранский язык относил к тюркским языкам. “В языке табасаран, — писал он, — замечает сильное стремление к созвучию гласных, т.е. стремление уравнивать между собою гласные звуки одного слова — это характерная черта тюрко-татарского языка” (5, с. 5). У Услара сложилось странное впечатление, что табасараны плохо знают свой родной язык (7, с. 33). Однако А. Дирр писал: “Мне все-таки кажется, что Услар немного преувеличивает незнание табасаранами своего языка” (цит. по: 8, с. 11).

В прошлом лингвисты, антропологи, историки, этнографы ничем не обоснованными доводами пытались доказать монгольское, армянское, персидское, еврейское, арабское, массагетское и т. д. происхождение одной из коренных народностей Дагестана — табасаран. Цель этих доводов — связать судьбу табасаран с судьбами завоевателей и колонизаторов. Оценку таким доводам дал известный советский историк, профессор С. В. Юшков. “Все это надо было за тем, — писал он, — чтобы представить народы Дагестана, не имеющими своей культуры, — народом-сбродом. И таким образом доказать преимущества мусульманской (арабской или персидской) или же русской культуры” (9).

Проблема этногенеза дагестанских народов, в том числе табасаран, затронута и в трудах советских ученых, которые внесли определенный вклад в ее разработку, — это лингвисты, этнографы, антропологи и специалисты других дисциплин (10-39).

По имеющимся сведениям, в позднеантичную эпоху табасараны занимали территорию не только Табасаранского и Хивского, но и Дербентского районов, т.е. приморскую территорию юго-восточно-

го Дагестана. Следует отметить, что в археологическом отношении Табасаран все еще недостаточно изучен. Но раскопки, произведенные В. Г. Котовичем на ближайшей к Табасарану территории, в местности Чумус-Иниц, на границе Дербентского и Кайтагского районов и западнее Геджуха, свидетельствуют, что эти земли были заселены человеком уже в древнейшую эпоху (40, с. 27-30 и сл.).

В связи со слабой изученностью Табасарана в археологическом отношении наибольшую ценность представляют данные лингвистики. Прослеженные с конца III тыс. до н. э. локальные особенности в культуре Дагестана эпохи бронзы, как полагают, отражали изменения, происшедшие в дагестанском праязыке: происходит распад праязыка-основы, началось расхождение диалектов и формирование современных дагестанских языков — аварского, даргинского, лакского, лезгинского, табасаранского и др.

Тут необходимо отметить, что относительно датировки распада общедагестанского единства (III тыс. до н. э.) существуют и другие мнения. Так, профессор У. А. Мейланова пишет: “Мы полагаем, что такое общедагестанское единство корнями своими уходит в еще более далекие эпохи, возможно, на много тысячелетий назад. Об этом же говорят данные диалектов. Сложные пути отпочкования и отделения языков от общедагестанского языка-основы, возникновения диалектов, пути их дифференциации и последующей интеграции требуют углубленного исследования с привлечением данных гуманитарных наук” (27, с. 79). На наш взгляд, с учетом данных смежных гуманитарных наук мнение проф. У. А. Мейлановой относительно распада общедагестанского праязыка в еще более отдаленные эпохи следует считать более достоверным, обоснованным. К такому выводу она пришла изучив дагестанские языки более чем сорока лет. Поэтому, должно быть, пересмотрено мнение профессора Е. А. Бокарева о распаде дагестанского праязыка в III тыс. до н. э., а также мнение Я. А. Федорова, который считает, что “в самом конце II тыс. до н. э. начался процесс формирования народов андо-цезской, аваро-дидойской, даргинской и лезгинской групп” (34, с. 113).

Критики заслуживает мнение М. М. Ихилова, занимавшегося вопросами этнографии табасаран. Его работа “Народности лезгинской группы” изобилует недостатками как теоретического, так и фактического характера. М. М. Ихиллов писал: “К началу нашей эры создались необходимые условия для образования родственных племен: лезгин, аварцев, даргинцев и других. Впоследствии, в результа-

те внутреннего процесса отпочкования, из среды родственных племен выделяются отдельные племена” (29, с. 77; 40, с. 36). “Спустя сотни лет, у обособившихся албано-лезгинских племен, — пишет далее М. М. Ихиллов, — появились своеобразные говоры, диалекты и языки. Вероятно, так сформировались табасаранский, цахурский и агульский языки” (29, с. 95; 40, с. 55-56). В другой работе, не основываясь ни на какие материалы, М. М. Ихиллов пишет, что “полгоры — две тысячи лет тому назад не было таких языков, как табасаранский, рутульский, цахурский, агульский, что они сложились сравнительно недавно из обособившихся лезгинских племенных диалектов” (41, л. 45). О явной ошибочности и антинаучности, да и вредности этих высказываний М. М. Ихилова для науки, думается, нет необходимости и говорить.

Табасаранский язык, как и другие дагестанские языки, возник в результате распада дагестанского праязыка. О дагестанском праязыке свидетельствуют исследования лингвистов (21; 27; 42-49).

Исследователями отмечается большая генетическая близость отдельных языков внутри групп дагестанских языков. Среди языков лезгинской группы отчетливо выделяются восточно-лезгинская (лезгинский, табасаранский, агульский), шах-дагская (крызский, будухский) и цахурско-рутульская подгруппы (50; 51, с. 308; 52).

Изучению табасаранского языка посвятили свои работы дореволюционные исследователи — П. К. Услар (53), А. Дирр (54; 55, с. 41-45). Большую ценность представляют труды проф. А. Н. Генко (56; 57), Л. И. Жиркова (8), А. А. Магомедова (58; 59, с. 68-76; 60 и др.), Б. Г. - К. Ханмагомедова (61 и др.), Т. Шалбузова (62 и др.), А. Гаджиева (63), К. Шалбузова (64, с. 46-60; 65, с. 191-195 и др.), Загирова В. М. (66; 67 и др.) и др.

Табасаранский язык, который лингвисты по родству относят к языкам лезгинской группы, близок и остальным дагестанским языкам — даргинскому, лакскому, аварскому. Об этом свидетельствуют исследования ученых. Согласно проф. Е. А. Бокареву (21), сравнение табасаранского языка с другими дагестанскими языками, а именно аваро-андо-цезскими, дает возможность установить ряд звуковых соответствий. На типологические преобразования в аварском и табасаранском языках, относящихся к разным группам дагестанских языков, указывает профессор С. М. Хайдаков (68, с. 13).

Большое количество слов звукоподражательного характера имеет соответствие в табасаранском и других дагестанских языках (69,

с. 79-101;70, с. 11-39;71). Многие из этих слов зародились еще в эпоху общедагестанского праязыка (66;69, с. 79).

Табасаранский язык, как и другие дагестанские языки, во многих отношениях отличается от особенностей фонетической системы общедагестанского языка. Прежде всего это относится к утере глухих латеральных согласных. Другой характерной особенностью фонетики общедагестанского праязыка, которую утеряти табасаранский язык, является различие кратких и герминированных смычно-гортанных аффрикат. Характерной особенностью табасаранского языка, отличающей его от других дагестанских языков, является переход зубных (свистящих) аффрикат и спирантов при лабизации согласного в альвеолярные (шипящие). Табасаранский язык сохранил некоторые архаические черты, свойственные общедагестанскому праязыку. В процессе исторического развития в некоторых звуках табасаранского языка совпали рефлексии ряда исконно-различных звуков (21, с. 96-97). В табасаранском языке десятки слов сходны со словами других дагестанских языков, т.е. являются общедагестанскими.

Языковеды устанавливают несколько групп слов, имеющих единую основу в табасаранском и других дагестанских языках. Это названия культурных растений и домашних животных, термины, относящиеся к материальной культуре и отражающие отношения. “Если один и тот же термин, — пишет И. М. Оранский, — обозначающий те или иные элементы природной среды (флору, фауну и т. п.), скотоводческого или земледельческого быта, жилья, ремесла и т. п., присутствует в различных языках одной семьи (и не является при этом заимствованием из одного языка в другой), то это означает, что данный термин и обозначаемый им элемент материальной и духовной культуры существовал еще в период до разделения данной языковой семьи” (72, с. 100-101).

Итак, сравнительно-историческое изучение табасаранского языка с другим дагестанскими языками опровергает ангаунаное утверждение А. Дирра, что табасаранский язык относится к тюркским языкам. Напротив, табасаранский язык является одним из основных письменных языков Дагестана и относится к дагестанской группе языков иберийско-кавказской семьи.

Вместе с тем нельзя отрицать влияние восточных языков, в том числе тюркских, на табасаранский язык. Еще дореволюционные исследователи обратили на это внимание. П. К. Услар писал: “Из всех дагестанских языков табасаранский представил больше затруднений.

Как ни странно покажется это, но едва ли в целом свете найдется народ, который бы менее знал свой родной язык, чем табасараны. На нем говорят они, как не языке чужом и плохо выученном” (53, с. 64). Вслед за П. К. Усларом другой исследователь отмечал: “Вследствие близкого соседства и постоянных сношений с тюркскими племенами прикаспийской плоскости, табасараны усвоили себе их азербайджанское наречие и забывают понемногу свой родной язык” (73, с. 105). О влиянии азербайджанского языка на табасаранский указывал и А. Дирр (54, с. 1).

Действительно, табасаранский язык больше насыщен заимствованиями из восточных языков по сравнению с более северными дагестанскими языками. Прежде всего это касается заимствований из азербайджанского языка (66, с. 49;74, с. 275). В результате разносторонних связей: экономических, культурных — не только жители Табасарана подверглись влиянию тюркоязычных народов, но и жители ряда аулов нынешнего Дербентского района, которые в прошлом входили в Табасаранские владения; жители некоторых населенных пунктов Табасаранского района говорят на азербайджанском языке. Еще А. Дирр писал: “Весьма возможно, что часть этих последних (азербайджанских татар — М. Г.) не что иное, как отатарившиеся табасаранцы; во всяком случае сами табасаранцы говорят, что их язык распространялся раньше далее к востоку” (54, с. 1).

Предки табасаран с глубокой древности контактировали с тюркоязычными племенами, народами и государствами, вступая с ними в торгово-экономические и политические связи. Тюрко-табасаранские контакты восходят к сер. I тыс. н. э., начиная с нашествия гуннов, а затем хазар, кипчаков, турок-сельджуков, племен караююнду (“чернобаранные”) и аккоюнду (“белобаранные”), а позже терекменцев (75, с. 180-191;76-82).

Процесс ассимиляции табасаранского языка продолжается и в наше время. На это обратили внимание и некоторые исследователи. Известный этнограф, профессор Л. И. Лавров, который побывал в Табасаранском районе в 1959 г., писал: “Табасаранский язык постепенно вытесняется азербайджанским, который в районе знают почти все” (83, с. 186). Вместе с тем, он же отмечал, что жители ряда азербайджанских населенных пунктов Табасаранского района говорили на табасаранском языке, о чем свидетельствуют топонимические данные. “Так как азербайджанские селения Аркиг, Арак, Ерси, — писал Л. И. Лавров, — носят табасаранские названия, то можно думать,

что раньше в них говорили по-табасарански” (83, с. 186). Речь горскоязычных народов, войдя в контакт с местным языком, в силу ряда причин одерживала верх над табасаранской речью.

О несостоятельности доводов дореволюционных исследователей по вопросу о происхождении табасаран свидетельствуют и работы антропологов¹.

“При сравнении кумыков и даргинцев с другими народностями Дагестана, в частности с аварцами, лезгинами и табасаранами, исследованными экспедицией Института антропологии под руководством М. С. Акимовой, — писала Н. Н. Миклашевская, — мы приходим к выводу, что различия между этими группами невелики и не противоречат выводу о едином антропологическом типе дагестанских народностей” (14, с. 73). У народов Дагестана антропологи отмечают ряд общих признаков. Ими доказано, что “население Дагестана большое сходство имеет с народами Северного Кавказа, чем с армянами” (6, с. 73).

Данные антропологии показывают, что табасараны относятся к европеоидному типу (6, с. 72), а не к монголоидному, как утверждали некоторые антропологи. Материалы М. С. Акимовой свидетельствуют и об антропологическом сходстве табасаран с аварцами. Вместе с тем антропологические данные не свидетельствуют против гипотезы автохтонного происхождения народов центрального и восточного Дагестана, но содержат веские доказательства того, что южные связи играли большую роль в этногенезе кумыков, лезгин, табасаранов и даргинцев-кайтагов, чем в происхождении других народов Дагестана (84, с. 169; 85, с. 204).

Подводя итог исследований по происхождению народов Кавказа, известный советский антрополог В. П. Алексеев писал: “Антропологический состав народов Южного и Восточного Дагестана представляет собой результат смешения кавказской и каспийской групп популяций, входящих в разных пропорциях в состав каждого народа. Примесь каспийской группы свидетельствует о необходимости учитывать наличие южных связей при решении вопросов происхождения кумыков, даргинцев-кайтагов и лезгиноязычных народов” (85, с. 207).

Дагестанские народы в целом довольно близки между собой и образуют более или менее единый тип, о чем свидетельствуют и биологические особенности, хотя этническое разветвление дагестанских племен началось в глубокой древности (86).

Вывод об этнокультурном единстве табасаран с остальными да-

гестанскими народами подтверждается данными материальной и духовной культуры. На это указывают археологические и этнографические материалы — утварь, формы жилищ, религиозные верования и т. д. Так, для табасаран, как и для остальных дагестанских горцев, были характерны дома-крепости. Традиционным для табасаран, как и других народов Дагестана, был открытый очаг или углубленная в землю конусовидная печь-тондир.

На этнокультурную общность табасаран с остальными дагестанскими народами указывают и фольклорные материалы. (87; 88 и др.).

В фольклоре горцев Дагестана выявляются не только черты типологического сходства, возникающие независимо от заимствований и влияний, но и факты обогащения фольклора одного народа за счет приобретений идейно-эстетических ценностей из фольклорной сокровищницы других народов. Нартский эпос стал достоянием как для остальных дагестанских народов, так и для табасаран. Цикл легенд, преданий связывается с крепостью семи братьев-богатырей и их сестры-красавицы. (89, с. 24, 49). В 1872 г. впервые непосредственно от местных жителей один из вариантов легенды был записан П. К. Усла-ром (53, с. 43-46).

Побывавший в 1933 и 1935 гг. в Табасаране известный востоковед, профессор А. Н. Генко обратил внимание на важные детали легенды, а именно на число — 7 братьев, мотив предательства сестры, “девичью баню”, термин “нарт” — и полагал, что все это отголосок общего и для дагестанских народов героического “нартовского эпоса” (90, с. 107). Легенда о семи братьях и одной сестре в разных вариантах широко бытует в табасаранских аулах. Согласно одному из вариантов, крепость имела семь этажей, семь комнат, семь окон и т. д.

У табасаран множество сказаний, которые содержат общие сюжеты с подобными фольклорными памятниками остальных дагестанских народов (91-100). Имеющиеся в сказаниях дагестанских и других кавказских народов сходства “людей-великанов”, по мнению исследователей, являлись предшественниками нартов — отголосками более древнего донартского цикла, который также свидетельствует о “соприкосновениях” культур этих народов еще в “донартские” времена и о последующем взаимопроникновении культурных ценностей (97; 101; 102).

На этнокультурные связи табасаран и дагестанских народов указывают мотивы добывания огня, первых семян, орудий труда, одина-

ково почитаемых со времен господства языческих верований (90, с. 101). Культ огня, являющийся пережитком дохристианских, домусульманских верований, встречается у всех дагестанских народов, в том числе и табасаран.

В древних религиозных воззрениях табасаран важное место занимали мотивы, связанные с астральными культами, о чем свидетельствуют так называемые солярные знаки — разной формы символические изображения Солнца. У табасаран существовал солнечный праздник равноденствия, который сопровождался разжиганием костров. Огненная феерия у табасаран сопровождалась играми по кругу. Поклонение Солнцу и Луне и их обожествление у табасаран относится к глубокой древности. Много общего у табасаран с дагестанскими народами в изображении амулетов и талисманов. В качестве амулетов они употребляли изображение частей тела животного (103, с. 9).

У табасаран, как и у остальных дагестанских народов, был распространен культ священных деревьев, известных под названием пиров. Существовали различные виды почитаемых мест — пиров: надмогильные памятники и архитектурные сооружения, “священные рощи и деревья, родники и источники, камни и горы” (104, с. 153-207; 105; 106, с. 230). Исследователи установили общность обрядов, связанных с вызыванием дождя, с праздником “выхода плуга”, вообще с земледельческим календарем (107, с. 43-60; 108; 109, с. 90-111; 110-112).

Итак, археологические, лингвистические, антропологические материалы свидетельствуют о том, что дагестанские племена, в том числе табасараны, с древнейших времен заселяли восточную часть Кавказа и некоторые прилегающие к ней районы Передней Азии, что, разумеется, не исключало в те или иные периоды передвижения отдельных племенных массивов как с юга на север, так и в обратном направлении. С течением времени эти процессы содействовали территориальной разобщенности населения и образованию диалектов, этнических групп со своими самостоятельными, отличными друг от друга языками.

Анализ общих лексических материалов дагестанских языков позволяет сделать некоторые предположения по данному вопросу. Так, названия многих хозяйственно-бытовых предметов, связанных с земледелием, скотоводством, с некоторыми промыслами, у дагестанских

народов общие. Что касается племен — предков дагестанских народов, то о них упоминают античные авторы.

Деление древнедагестанского населения на племена, безусловно, произошло задолго до их упоминания в древних источниках. Одним из таких племен были табасараны, этногенез которых тесно связан с этногенезом остальных дагестанских народов.

На этническое развитие табасаран, как и остальных дагестанских племен, оказали влияние процессы, происходившие как в Дагестане, так и на всем Кавказе, в особенности Восточном.

В этногенезе каждого народа сочетаются как автохтонные черты, так и черты, привнесенные миграциями, смещениями (113, с. 86).

На рубеже II-I тыс. до н. э. ирано-язычные племена заняли господствующее положение почти во всех предгорьях Северного Кавказа. Первое тыс. до н. э. — это период бурных исторических событий и передвижений древних этнических групп. Действительно, именно в этот период на территорию Дагестана проникают с севера киммерийцы, скифы и др., которые оставили определенные следы в археологических, этнографических, фольклорных памятниках того времени. Однако эти вторжения, как видно, носили эпизодический характер и поэтому названные северные элементы не оказали существенного влияния на этнический облик коренного населения — населения древнего Дагестана.

У табасаран уже с позднеантичной эпохи сложились социально-экономические и политические условия, способствовавшие закреплению общего этнического самосознания. Позднее они входили в единое феодальное владение, которое впоследствии распалось на майсумство, владение кадия и ряд союзов сельских обществ. Поэтому мы не согласны с мнением о том, будто вплоть до Октябрьской революции у табасаран не было своего единого этнического названия (114, с. 16). Достаточно привести сведения раннесредневековых авторов о Табасаране и его жителях.

С этногенезом народа тесно связан и вопрос об этнониме. “Этнонимы являются очень сложной тематической группой слов. Сложность заключается в том, что часто бывает трудно отличить эту тематическую группу от других, обозначающих, например, жителей какой-либо местности и т. п.” (115, с. 6).

Выяснение этимологии самоназвания “табасаран” — весьма сложный вопрос. Самоназвание народа чаще всего является древнейшим словом словарного фонда его литературного языка. Закрепление оп-

ределенного названия представляется довольно длительным историческим процессом. Самоназвание закрепляется лишь тогда, когда это слово становится объединяющим символом, и складывается оно в процессе формирования общего убеждения в том, что все члены одной этнической группы ведут свое начало от одного корня.

При изучении этнической номенклатуры Дагестана следует учитывать и то, что один народ довольно часто известен под несколькими названиями; обычно более распространенным бывает не само название народа, а название этого народа, которое сложилось в среде соседнего населения. Ф. Энгельс писал: “Названия племен, по-видимому, большей частью скорее возникали; с течением времени часто бывало, что племя получило от соседних племен имя, отличное от того, которым оно называло себя само...” (116, с. 93). “Имена, даваемые этносу иными народами, — пишут Ю. Бромлей, Р. Подольный, — нередко существенно отличаются не только от этнонима-самоназвания, но и друг от друга” (117, с. 17).

Жители Табасарана сами себя называют *табасаранар* (табасараны). Имеются и названия соседей. Так, кюринцы табасаран называли *къабгъан*, кайтаги — *шилан* (53, с. 47), агулы — *унахар* (118, с. 7). У табасаран имеются и свои названия соседей. Так, лезгин они называют *йарккурар* (*кюреллуяр*), кайтагов и вообще всех даргинцев — *жьюгьяр*, агульцев — *рукъушнар* и т. д.

Следует отметить, что табасаранская топонимика сохранила архаичные черты (119, с. 41). Это можно сказать и в отношении этнонимики.

По мнению некоторых исследователей, Табасаран, точнее Тебесарран, с персидского переводится, как “летние поля (равнины)”².

О влиянии ирано-язычных племен в Дагестане свидетельствуют и другие топонимы. Так, с языков иранской группы название реки Рубас переводится как “лисица”. В. Ф. Минорский писал: “Река, текущая на юг от Дербента, называется Рубас, по-осетински “лиса” (120, с. 110). По поводу происхождения этого топонима А. П. Новосельцев замечал, что наименование р. Рубас “точно соответствует произношению слова “лисица” в хорезмийском языке” (121, с. 49). Археологические данные подтверждают древность охоты на лис — *gobas* — у скифо-сарматских племен и указывают на иранские влияния в районе близ Дербента (122, с. 434). Интерес представляет мнение и о том, что в древности не только леки, но и таваспары обозначались общим термином “скифы” и составляли одно объединение (40, с. 38).

Говоря о происхождении этнонима “табасаран”, следует привести и ряд других мнений. “Табар-саран — *головы топорком*, — пишет В. Ф. Минорский, — по-видимому, иранская этимология названия нынешних табасаранов. Не исключена здесь и связь имени с гарнизоном тапуров Табаристана (Мазандарана)” (120, с. 125). На языке фарси “табар” означает “топор”. В далеком прошлом основным оружием местного населения был топор, и почти все жители носили его. Отсюда название области Табарестан, то есть “страна топоров” (123, с. 53). Происхождение этнонима “табасараны” некоторые авторы связывают с переселенцами из Табаристана (2, с. 34).

П. К. Услар писал: “Впрочем, некоторые туземные ученые полагают, что Табасаран есть измененный Табаристан, как некогда назывался край, потому что Нуширван поселил в нем весьма много табаристанцев. Быть может, это и справедливо, потому что и теперь еще в крае находится много селений, жители которых говорят по-татски, т. е. на одном из иранских наречий” (53, с. 42). По его мнению, этноним “табасаран” не кавказского происхождения: “Весьма явственно слышится, что название это не есть горское, кавказское; всего вероятнее, можно ему приписать иранское происхождение. Но при помощи иранского языка оно, насколько я могу судить, остается необъяснимым” (53, с. 41). М. Казембек писал (Дербенд-наме, с. 102), что “туземные этимологи объясняют термин табасаран через “топорообразные головы” или через “топороносцы”, потому что Нуширван так называл людей, которым поручил охранять Дербент” (53, с. 42).

По поводу происхождения названия “Табасаран” среди местных ученых существовали и другие мнения. По одним данным, название табасаран происходит от имени правителя Табасаран (Табран Сабран), который был начальником и Дербентского гарнизона (124, с. 33-34). В связи с этим следует отметить, что перенесение имени феодала или династии на народ — распространенная форма этнонимов эпохи феодализма (125, с. 144). Так, османы, старое название турок, происходило от имени правителя удела государства сельджуков. Ногайцы получили название по имени Ногая, крупного политического деятеля Золотой Орды конца XIII в. Как полагают проф. И. Эрдели и проф. М. А. Агларов имя правителя Авар было перенесено на народ (126, с. 88). Возможно, этноним табасараны произошел от имени Табасаран — одного из средневековых правителей табасаранского народа.

Для выяснения вопроса о влиянии ираноязычных и тюркоязычных племен, народов и сгран на этническую историю табасаран определенный интерес представляет изучение происхождения названий аулов. Говоря о влиянии ираноязычных племен и народов на происхождение этнонима “табасаран”, следует отметить также, что в топонимике той части Табасарана, которая в настоящее время входит в Дербентский район (с. Бильгады, Гимейды, Кемах, Зидиан и др.), наличествует довольно сильный персидский пласт. Жители этих аулов давно сменили свой родной язык (40, с. 105).

О происхождении этнонима “табасаран” П. К. Услар в другом месте своего сочинения писал: “Табасаран есть название, под которым племя это наиболее известно в Дагестане и которое понятно каждому. Так обыкновенно называют себя и сами табасараны, когда говорят со своими иноязычными соседями...” (53, с. 41). Следует привести и предположение Ю. М. Десятчикова о том, что “племя сатархов на Северо-Восточном Кавказе (Дагестан) соответствует известным древнеармянским историкам — таваспарам” (127, с. 137-138). Влияние ирано-язычных племен и народов на Дагестан, в том числе на этноимику табасаран, следует объяснить вторжениями ираноязычного населения.

Помимо вышеприведенных, существуют и другие мнения относительно происхождения этнонима “табасаран”. По некоторым данным “Табасаран” с восточных языков переводится “красивые, приятные для глаз высоты” (128). По мнению отдельных местных арабистов, название “Табасаран” с арабского переводится, как “чистосердечные”, будто жители Табасарана мусульманскую религию приняли без сопротивления, что противоречит, однако, исторической действительности. Наиболее верным кажется следующее объяснение. “Табасаран” состоит из двух частей: *Таб* — “вершина, холм” и *саран* — “страна”, т.е. холмистая страна. По названию страны и жители ее называются табасараны. Таковы содержащиеся в литературе мнения по вопросу о происхождении топонима “Табасаран” и этнонима “табасараны”.

Итак, уровень современных исторических знаний позволяет на основе новейших данных археологии, лингвистики, антропологии, этнографии и других смежных дисциплин углубить разработку проблемы этногенеза табасаран. Табасараны, как и остальные народы и этнические группы Дагестана, представляют собой единую этнокультурную общность.

¹ Предание записано в 1969 г. со слов сторожика аула Варта Алхазова Мирзабега.

² Мнение доцента кафедры всеобщей истории ДГУ Т. Тагизаде.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Дербенд-наме. Тифлис, 1898.
2. Бакиханов А. -К. А. Гюлистан-Ирам. Баку. 1926.
3. Алкадари Г. -Э. Асари Дагестан. Махачкала, 1929.
4. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа. //Газета “Кавказ”. 1867. №7.
5. Дирр А. Экскурсии по Дагестану. В Табасаранском округе. Тифлис. 1903.
6. Акимова М. С. Антропологический тип лезгин // КСИЭ АН СССР. 1952. Вып. 16.
7. Загурский Л. Н. Записки об очерке табасаранского языка, посмертному труде Услара // Изв. КОИРГО. 1882. VII, 2.
8. Жиркова Л. И. Табасаранский язык. М. -Л., 1948.
9. Юшков С. В. Оригиналы, копия и исследования по истории Дагестана // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 1165.
10. Токарев С. А. К постановке проблем этногенеза // СЭ. 1949. № 3.
11. Бунак В. В. Антропологический состав населения Кавказа // Вестник Гос. музея Грузии. 1946. Т. XIIIА.
12. Бунак В. В. Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XIV. М. -Л., 1953.
13. Лавров Л. И. О причинах многоязычия в Дагестане // СЭ. №2. 1951.
14. Миклашевская Н. Н. Некоторые материалы по антропологии народов Дагестана // КСИЭ АН СССР. 1953. Вып. XIX.
15. Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Дагестане // Тр. ИЭ АН СССР. 1956. Т. XXX.
16. Чикобава А. С. О двух основных вопросах изучения иберийско-кавказских языков // ВЯ. 1955. №6.
17. Очерки истории Дагестана. Т. I. Махачкала. 1957.
18. Магомедов Р. М. Проблема происхождения народов Дагестана в дореволюционной историографии // Уч. зап. ДГУ. Т. VI. Махачкала. 1960.
19. Федоров Я. А. Некоторые вопросы этногенеза народов Дагестана в свете данных археологии // С.А. 1960. № 3.
20. Федоров Я. А. К вопросу о раннем этапе этногенеза народов Дагестана // СЭ. 1961. № 1.
21. Бокарев Е. А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала. 1961.
22. Крупнов Е. И. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность (К проблеме происхождения народов Кавказа) // С.А. 1964. №1.

23. *Алексеев В. П.* Некоторые вопросы происхождения народов Дагестана в свете антропологии Северного Кавказа // Уч. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. XIII. Сер. ист. Махачкала, 1964.
24. *Гаджиев А. Г.* Происхождение народов Дагестана (по данным антропологии). Махачкала, 1965.
25. *История Дагестана.* Т. I. М., 1967.
26. *Гаджиев М. Г.* Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969.
27. *Мейланова У. А.* О генетическом единстве дагестанских языков // Материалы первой сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1969.
28. *Муркелинский Г. Б.* Дети одного народа // Советский Дагестан. 1969. № 6.
29. *Ихлов М. М.* К вопросу о происхождении народностей лезгинской группы // Уч. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. 19. Сер. обществ. наук. Кн. втор. Махачкала, 1969.
30. *Магомедов Р. М.* Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1975.
31. *Гаджиев А. Г.* Древнее население Дагестана. М., 1975.
32. *Лавров Л. П.* Проблемы этногенеза кавказских горцев. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978.
33. *Джапаридзе О. М.* К раннему этногенезу кавказских племен // Историко-филологические разыскания. Ч. I. Тбилиси, 1980.
34. *Федоров Я. А.* Историческая этнография Северного Кавказа. М., 1983.
35. *Гаджиев М. Г.* Северо-Восточный Кавказ как географическая и этнокультурная область // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985.
36. *История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.*
37. *Гасанов М. Р.* Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994.
38. *Гасанов М. Р.* Палеокавказская этническая общность и проблема происхождения народов Дагестана. Махачкала, 1994.
39. *Котович В. Г.* Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964.
40. *Ихлов М. М.* Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967.
41. *Ихлов М. М.* // Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 2594. Л. 45.
42. *Бокарев Е. А.* Сравнительно-историческая фонетика восточнокавказских языков. М., 1981.
43. *Дешериев Ю. Д.* Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963.
44. *Гигинейшвили Б. К.* Падежная система общедагестанского языка в свете общей теории эргативности // ВЯ. 1976. №1.
45. *Гигинейшвили Б. К.* Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977.
46. *Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков.* М., 1971.
47. *Хайдаков С. М.* Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М., 1973;
48. *Языки Дагестана.* Вып. III. Махачкала, 1976.
49. *Кибрик А. Е., Кодзасов С. В.* Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М., 1990.
50. *Талибов Б. Б.* Сравнительная фонетика лезгинских языков. М., 1980.
51. *Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Современное состояние и проблемы.* М. Наука, 1981.
52. *Алексеев М. Е.* К вопросу о классификации лезгинских языков. // ВЯ. 1984. № 5.
53. *Услар П. К.* Этнография Кавказа. Языкознание. Табасаранский язык. Подг. к печ. и издал проф. А. А. Магомедов. Тбилиси, 1979.
54. *Дирр А.* Грамматический очерк табасаранского языка // СМОМПК. XXXV. Тифлис, 1905.
55. *Дирр А.* Неизданный труд барона Услара о табасаранском языке // Изв. КОИРГО. XXI. Тифлис, 1912.
56. *Генко А. Н.* Табасаранско-русский словарь. Рукопись. // Рук. фонд ИЯЛИ ДНЦ РАН.
57. *Генко А. Н.* Очерки табасаранской диалектологии. Рукопись. // Архив ИЯ РАН.
58. *Магомедов А. А.* Табасаранский язык. Тбилиси, 1965.
59. *Магомедов А. А.* Неизданная монография П. К. Услара о табасаранском языке // ВЯ. 1954. №3.
60. *Магомедов А. А. П. К. Услар* — исследователь дагестанских языков. Махачкала, 1979.
61. *Ханмагомедов Б. Г. -К.* Очерки по синтаксису табасаранского языка. Махачкала, 1970.
62. *Шалбузов Т.* Табасаран ч'алнан грамматика I пай. Фонетика ва морфология. Махачкала, 1952.
63. *Гаджиев А.* Русско-табасаранский школьный словарь. Махачкала, 1957.
64. *Шалбузов К. Т.* Категория грамматического класса в табасаранском языке // Уч. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. XIII. Сер. филол. Махачкала, 1964.
65. *Шалбузов К. Т.* Термины родства и свойства в табасаранском языке // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков. Махачкала, 1985.
66. *Загиров В. М.* Лексика табасаранского языка. Махачкала, 1981.
67. *Загиров В. М.* Историческая лексикология языков лезгинской группы. Махачкала, 1987.
68. *Хайдаков С. М.* Принципы именной классификации в дагестанских языках. М., 1980.
69. *Мусаев М. -С. М.* Лексика даргинского языка (Сравнительно-исторический анализ). Махачкала, 1978.
70. *Хайдаков С. М.* Очерки по лексике лакского языка. М., 1961.

71. *Гайдаров Р. И.* Лексика лезгинского языка. Махачкала, 1977.
72. *Оранский И. М.* Исследование восточных языков и проблемы истории культуры народов Востока // Народы Азии и Африки. 1977. № 4.
73. *Вейденбаум Е.* Очерк этнографии Кавказского края // Весь Кавказ. 1903.
74. *Магомедов А. А.* Вопросы нормирования табасаранского языка // Ежегодник ИКЯ. VI. Тбилиси, 1979.
75. *Гасанов М. Р.* Некоторые вопросы раннесредневековой истории Табасарана // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Вып. III. Махачкала, 1975.
76. *Гасанов М. Р.* Из истории Табасарана XVIII — нач. XIX в. Махачкала, 1978.
77. *Гаджиева Н. З.* Тюркоязычные ареалы Кавказа. М., 1979.
78. *Джидалаев Н. С.* Из истории тюрко-дагестанских языковых контактов // Сов. тюркология. 1986. № 6.
79. Тюркско-дагестанские языковые контакты (исследования и материалы). Махачкала, 1982.
80. Тюркско-дагестанские языковые взаимоотношения. Махачкала, 1985.
81. *Джидалаев Н. С.* Далекое — близкое. Махачкала, 1989.
82. *Джидалаев Н. С.* Тюркизмы в дагестанских языках. Опыт историко-этимологического анализа. М., 1990.
83. *Лавров Л. И.* Этнография Кавказа. Л., 1982.
84. *Алексеев В. П.* Некоторые вопросы происхождения народов Дагестана в свете антропологии Северного Кавказа // Уч. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. XIII. Сер. ист. Махачкала, 1964.
85. *Алексеев В. П.* Происхождение народов Кавказа. М., 1974.
86. *Гаджиев Ю.* Из глубин веков // Советский Дагестан. 1974. № 1.
87. *Назаревич А. Ф.* Пословицы и поговорки народов Дагестана. Махачкала, 1958.
88. *Гасанов М. М.* Дагестанские народные пословицы, поговорки, загадки. Махачкала, 1971.
89. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.). М., 1971.
90. *Генко А. Н.* Арабский язык и кавказоведение. О значении арабских материалов для изучения истории Кавказа // Тр. ИВАН. Вып. XXXVI. М., Л., 1941.
91. Дагестанские сказки. Сообщ. А. Барсова // СМОМПК. Вып. II. Тифлис, 1882.
92. Дагестанские сказки. Вып. I. Махачкала, 1927.
93. *Назаревич А. Ф.* В мире горской народной сказки. Махачкала, 1962.
94. Сказки народов Дагестана. М., 1965.
95. Дагестанские народные сказки. М., 1974.
96. Дагестанский фольклор во взаимосвязях с иноэтническим фольклором. Махачкала, 1985.
97. Жанр сказки в фольклоре народов Дагестана. Махачкала, 1987.
98. *Аджигов А. М., Абакарова Ф. О., Ганиева А. М., Халилов Х. М., Халидова М. Р.* Геронко-исторические песни народов Дагестана в историко-типологическом освещении // Геронко-исторический эпос народов Северного Кавказа. Грозный, 1988.
99. Сказки народов Дагестана. Махачкала, 1989.
100. Табасаран халкъдин махъвар. Махачкала, 1989.
101. *Тресков И. В.* Фольклорные связи Северного Кавказа. Нальчик, 1963.
102. Сказание о нартах — эпос народов Кавказа. М., 1969.
103. *Чурсин Г. Ф.* Амулеты и талисманы кавказских народов // СМОМПК. Вып. 46. Махачкала, 1929.
104. *Вейденбаум Е. Т.* Священные рощи и деревья у кавказских народов // Изв. КОИРГО. Т. V. Тифлис, 1877—1878.
105. *Чурсин Г. В.* Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913.
106. *Трофимова А. Г.* О пирах Южного Дагестана и Северного Азербайджана // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Тез. докл. Баку, 1965.
107. *Чурсин Г. Ф.* Праздник “выхода плуга” у городских народов Дагестана // Изв. Кавказского историко-археологического института. Тифлис, 1927. Т. 5.
108. *Гаджиева С. Ш., Трофимова А. Г., Шихсаидов А. Р.* Старинный земледельческий календарь народов Дагестана // Тр. VII МКАЭН. М., 1964.
109. *Трофимова А. Г.* Из истории религиозных обрядов вызывания дождя и солнца у народов Южного Дагестана // Азерб. этногр. сборник. Баку, 1966. Вып. II.
110. Сельскохозяйственный календарь народов Дагестана // Вопросы истории Дагестана (дореволюционный период). Махачкала, 1974. Вып. I.
111. Календарь и календарные обряды народов Дагестана. Махачкала, 1987.
112. *Булатова А. Г.* Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана. Л., 1988.
113. *Арутюнов С. А.* Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989.
114. *Абдуллаев П. Х., Микаилов К. Ш.* К истории дагестанских этнонимов лез и лак // Этнография имен. М., 1971.
115. *Чеснов Я. В.* Ранние формы этнонимов и этническое самосознание // Этнография имен. М., 1971.
116. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2. Т. 21.
117. *Бромлей Ю., Подольный Р.* Человечество — это народы. М., 1990.
118. *Ибрагимов Г. А.* Рутульский язык. М., 1978.
119. *Абдуллаев П. Х.* Словообразование табасаранских названий аулов // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976.

120. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X—XI веков. М., 1963.
121. Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972.
122. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Л., 1973.
123. Керимов Н. К. Жизнь в пути. М., 1979.
124. Тарихи Дербенд-наме. Тифлис, 1898.
125. Чеснов Я. В. Название народа: откуда оно? // СЭ. 1973. № 6.
126. Эрдели Иштван, Алгаров М. А. Авары: название двух народов // Тарих. 1996. №2—3.
127. Десятчиков Ю. М. Сатархи // ВДИ. 1973. №1.
128. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа (в Южном Дагестане) // Газета "Кавказ". 1867. № 7.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КАЙТАГСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ, ИХ ТИТУЛА И НАЗВАНИЯ ХАЙДАК

Как известно, имеющиеся арабские источники и местная историческая традиция говорят о назначении правителей феодальных владений Дагестана Масламой (Абу-Муслимом). Это касается и правителя Хайдака. Однако кратковременность пребывания в дагестанских владениях арабов после каждого из походов ставит под сомнение, что в них начиная с VIII в. укрепляются правители-арабы по своему происхождению. На это уже было обращено внимание ряда исследователей (Р. М. Магомедов, В. Ф. Минорский, А. Р. Шихсаидов и др.). "Неправдоподобность такого утверждения очевидна, — пишет Р. М. Магомедов о Кайтаге. — После учиненного разгрома чужеземец не смог бы во враждебном окружении долго править страной. Ясно, что после расправы над непокорным правителем арабы поставили в Кайтаге нового властелина, удобного завоевателям, могущего защищать их интересы. Но таким слугой завоевателя мог оказаться и кто-либо из представителей рода бывших кайтагских правителей, согласившийся принять мусульманство. Именно таким представителем был Амир-Чупан, правивший Кайтагом при арабах, согласившийся принять мусульманство" (1, с. 202-203).

Обычно правителей Кайтага возводят в основном к потомкам пророка — к представителям племени Курейш, о чем сообщают и местные исторические сочинения. Однако, в исторической литературе бытует и другое мнение, опирающееся на сведения известного арабского путешественника, историка и географа X в. ал-Масуди о том, что родоначальником хайдакских правителей являлся представитель арабской семьи Каткан. Он писал, что "царь этой страны мусульманин и считает себя принадлежащим к арабскому семейству Катхан" (2, с. 51). Это утверждение нашло поддержку в работах отечественных и зарубежных авторов, писавших о Хайдаке и происхождении их правителей. Но не все авторы разделяют и это мнение. Так, по мнению известного востоковеда В. Ф. Минорского, утверждение об арабском происхождении "кайтагского князя" (от арабского родоначальника Катхана) "есть, конечно, чистая выдумка арабов, основанная на простом созвучии" (3, с. 127). В связи с этим уместно отметить, что,

согласно В. Ф. Минорскому, от местных правителей могло произойти и само название Хайдак. Он писал: “Название *хайдак* (*кайтак*) звучит по-алтайски (по-хазарски?). Но сообщение Эвлийя-Челеби (II, стр. 251), что в его время (1647 г.) кайтаки, которых он будто бы встречал между Шекки и Ширваном, говорили по-монгольски, — чистое заблуждение. Слова их языка, которые он приводит, являются только воспроизведением списка монгольских слов, данных у Хамдуллаха Мустоуфи в первой естественноисторической части его труда *Нузхат ал-кулуб*. Список этот не имеет никакого отношения к Кайтагу”. Далее, переходя к возможному варианту возникновения названия *хайдак*, В. Ф. Минорский отмечал: “Возможно, что хайдаки получили свое название от своего высшего класса, состоявшего из пришельцев (как это случилось с кавказскими аvaraми), но, в противоположность мнению Бартольда, это произошло не во время монгольского нашествия, а на несколько веков раньше, так как название Хайдак засвидетельствовано (с различными ошибками в написании) уже у арабских авторов IX-X вв. н. э.” (3, с. 127). В примечании ниже В. Ф. Минорский замечал: “Имя Кай известно среди алтайских народов..., но сочетание *Кайтак* не встречается в других местах” (3, с. 127).

Действительно, первые известия о Хайдаке мы встречаем в арабских источниках. Среди арабских историков, географов и путешественников, писавших в IX-XI вв., *Хайдак* (*Кайтаг*) был известен как страна (царство) или город в основном под названием *Хайзан* (Белазури, Хамадани, Хордадбех, Ибн-Русге, ал-Истахри) или же *Ламзин* (Йакуби), *Джидан* (Масуди), *Хайван-Хайдан* (ал-Гарнати) (3, с. 47; 4, с. 16; 5, с. 15; 6, с. 29; 7, с. 15, 47; 8, с. 7; 9, с. 26, 49).

Название Хайдак (Кайтаг), его происхождение и этимология, а также происхождение титула его правителей интересовали и отечественных, и зарубежных авторов. Так, в начале XIX в. С. Броневский писал: “Около Буама живут *Кайтаки*, старожилы Дагестанской народ, чаятельно получивший название свое от бывшего в сих местах древняго города *Кадака*; а по *Дарваху* живут *Каракайдаки* или черные Кайдаки, коим дано имя сие, как кажется, по черному виду лесистых гор, ими обитаемых, которые по сей самой причине получили от Россиян название Черных гор” (10, с. 310).

Название Хайдак (Кайтаг) интересовало и известного азербайджанского ученого А. -К. Бакиханова. Он связывал его происхождение с пребыванием здесь Ахеменида Кира II (Кай-Хосрова ? — 530-е

гг. до н. э.). Опираясь на противоречивые сведения античных и восточных авторов, он полагал, что Кир II совершил поход в Кавказскую Албанию, где и погиб вместе со своим войском “в тесном ущелье”. А последнее, по его мнению, “быть может узкий горный проход, ведущий от реки Рубас посреди Табасарана к Дарвагу и Кайтагу” (11, с. 33). Вместе с тем, А. -К. Бакиханов предполагал, что “убиение Кира случилось в одном из ущелий Цуги, среди множества племен кайтакских, акушинских, казикумукских и других, а не в Ганджинской долине, как полагают некоторые, где равнинная земля и никакого ущелья нет” (11, с. 33). Но здесь не прав и сам А. -К. Бакиханов: известно, что Кир II погиб не на Кавказе, а в Средней Азии, на восточном берегу Аму-Дарьи, в 530 г. до н. э. во время похода на массагетов (12, с. 105).

Более интересно другое предположение А. -К. Бакиханова. Остановившись на вопросе исторической географии Ширвана и Дагестана, он ссылается на М. Чамчяна, который в своей “Истории Армении” перечисляет четыре провинции — Алан, Баслас, Гаптаг и Гул (13, с. 132; цит. по: 11, с. 15). Используя эти сведения, А. -К. Бакиханов пишет: “Можно считать Кайтаг и Гаптаг за слова одного происхождения или же *таг* (гора) вообще означает Дагестан: владение Шамхала с прибавкою *ген* (все) называлось Гептаг, а владение Уцмия — с добавлением слова *Кай*, означающее на древнеперсидском языке “большой” и “высокий” или же в связи с поражением здесь Кай-Хосрова (Кира)... называется Кайтаг” (11, с. 15).

Существует и народная этимология названия государственного образования *Хайдак* (*Кайтаг*) и этнонима *хайдаки* (*кайтаги*), объясняющая значение, смысл этого термина на местной почве, на основе даргинского языка. Согласно этому толкованию, название Хайдак выводится из сочетания слов *гъай* и *дакъа*, т.е. “гнать скот, погонять скот”. Существует предание, связанное с воровством скота жителями нынешнего Кайтага у бабшинцев. Согласно ей, бабшинцы оставили своего односельчанина, чтобы он подкараулил воров и узнал, кто они такие; позже он сообщил им: “Я не знаю, кто они такие были и откуда пришли, но они говорили друг другу “гъай дакъа”. От этих слов, согласно преданию, и произошло название “Гъайдакъ” (Хайдак) и название этнической группы хайдаки. Их так и стали называть соседи, в частности бабшинцы, от которых это название восприняли и другие народы. Такова народная этимология названия Хайдак.

Большой интерес представляет и вопрос о титуле правителя Хай-

дака — *уцмий*. Известно, что этот титул, как и титулы ряда других правителей феодальных владений Дагестана, принято в исторической литературе связывать с арабами. “Достоинство Усмия, - писал С. Броневский, - есть второе по старшинству, поставленное в Дагестане Аравитянами. Усмей на Арабском языке означает начальника, повелителя” (10, с. 310). Такое мнение о происхождении титула правителя Хайдака было широко распространено среди исследователей. Однако, как показали дагестанские исследователи (Б. К. Малачиханов, Р. М. Магомедов, М. -С. Д. Саидов, А. Р. Шихсаидов, Г. М. -Р. Оразаев и др.), термин *уцмий* не связан с арабским языком и возник еще до прихода арабов в Дагестан. “Термин “уцмий”, - пишет Р. М. Магомедов, - угодливо подводится под арабскую основу и происходит от слова “исми” (имя), что должно означать якобы “именитый” (1, с. 202). Между тем, в “Дербент-наме” правитель Хайдака назван гермином “газанфар”, что значит “отважный”, “храбрый” (см. арабс., перс., турец. *газанфар*). В тексте же “Тарих-Дагестан” Мухаммеда Рафи это личное имя одного из храбрых и сильных эмиров (правителей) “неверных из вилаета Хайдак (Кайтаг)” — “султан по имени Газанфар ал-Гаррар, т.е. “обманутый лев” (1, с. 202; 14, с. 108).

По мысли Б. К. Малачиханова, автор сочинения “Тарих-Дагестан” заменил слово “усама” (*уцмий*, титул кайтагского правителя), означающего по-арабски “лев”, другим, синонимичным ему словом — “газанфар”. “В таком случае, — продолжает он, - мы имели бы основание утверждать и о большой древности титула “уцуми”, имевшее применение свое в Хайдаке еще значительно ранее проникновения ислама за стены Дербента” (15, с. 179).

Отрицая арабское происхождение термина *уцмий*, Б. К. Малачиханов утверждал: “В загадочном термине, интересующем нас, мы склонны видеть иудейское слово “оцум” (множ. ч. — оцами), означающее “сильный”, “мощный” (15, с. 179). При этом он указывал на наличие в Хайдаке еще в далеком прошлом ущелья под названием *Жугьутлла къатта* “Еврейское ущелье”. В связи с этим хочется отметить, что наши полевые исследования дали дополнительные сведения о еврейском населении в этих местах. В сел. Ираги Кайтагского района нам рассказывали о ряде еврейских поселений, существовавших раньше между Ираги и указанным ущельем. Интересно, что еврейские поселения ранее находились и между даргинскими селениями Мекеги и Мулебки. Существует и предание о еврейском происхождении мекегинцев. Но вернемся к Б. К. Малачиханову. Заканчи-

вая его рассуждения, связанные с еврейским происхождением термина *уцмий*, приведем его мнение о том, как это произошло. Он писал, что “вождь Хайдака мог для вящего почета носить звание, почерпнутое из лексикона иудейского языка — языка священных книг древней религии, господствовавшей на значительной части территории доисламского Дагестана. При этом не лишено вероятности и то, что иудейский “оцум” (“сильный”, “мощный”) и арабское “усама” (синоним “льва”) родственно тождественны по своей общесемитской этимологической природе; в положительном случае выходило бы так, что этот синоним льва у арабов представляет из себя эпитет, характеризующий силу и мощь “царя зверей” (15, с. 180). У указанного выше арабского автора X в. ал-Масуди помимо данных о происхождении правителя Хайдака (Джидана) из арабского семейства Катхан приводятся сведения и о его титуле. Он писал, что царя этой страны зовут “Салифан. И живет он в настоящее время, именно в 332 году (943 г. - Б. А.). Во всем царстве этом нет мусульман кроме него, его детей и его семьи” (2, с. 51; 3, с. 202-203). В 915 г., согласно сообщению ал-Масуди, Салифан с хазарским войском пришел на помощь эмиру ал-Баба — Дербента (3, с. 128). Указанный факт дал основание В. Ф. Минорскому утверждать, что “этот характерный эпизод указывает на тесную зависимость хайдаков от хазар, от которых они, по-видимому, получали титулы и инвеституру” (3, с. 128). *Селифан* — это древнетюркский титул, транскрибируемый по-китайски *се-ли-фа* (3, с. 127).

Другой арабский автор X в., Шамс ад-дин ал-Мукаддаси, именуется правителя Хайдака титулом *шах*. Он называет его *Хайдакан-шах* (3, с. 127). Титулом *шах*, кстати, согласно народной традиции, называли правителей и других раннефеодальных владений Дагестана раннесредневекового периода.

В этой небольшой по объему статье, носящей более историографический характер, мы коснулись, как представляется, весьма интересных и важных вопросов, поднятых на основе имеющихся письменных источников и народной традиции. Конечно, в статье только поставлены вопросы, приведены имеющиеся по ним мнения и рассуждения. Думается, что этим мы дали пищу для размышления исследователям, которым, возможно, удастся найти новые, неизвестные источники и на их основе предложить иные варианты и подходы к решению вопросов генеалогии правителей-уцмиев Кайтага, происхождения и этимологии указанных терминов.

ЛИТЕРАТУРА.

1. *Магомедов Р. М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII-начале XIX веков. Махачкала, 1957.
2. *Караулов Н. А.* Сведения арабских географов IX и X веков по Р. Хр. о Кавказе. Армении и Азербайджане // СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. XXXVIII.
3. *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X-XI веков. М., 1963.
4. *Белазури.* Книга завоевания стран. Текст и перев. с араб. П. К. Жузе. Б., 1927.
5. *Караулов Н. А.* Сведения арабских писателей о Кавказе. Армении и Азербайджане // СМОМПК. Тифлис, 1901. Вып. XXIX.
6. *Караулов Н. А.* Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМПК. Тифлис, 1902. Вып. XXXI.
7. *Караулов Н. А.* Сведения арабских писателей о Кавказе. Армении и Азербайджане // СМОМПК. Тифлис, 1903. Вып. XXXII.
8. *Якуби.* История. Пер. с араб. проф. П. К. Жузе. Баку, 1927.
9. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153 гг.). Публикация С. Г. Большакова и А. Л. Монгайта. М., 1971.
10. *Броневский Я.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 2.
11. *Бакиханов А. -К. А.* Гюлستان-и Ирам. Баку, 1991.
12. *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.
13. *Чамчян М.* История Армении. Венеция, 1784. Т. III. (на арм. яз.).
14. *Шихсаидов А. Р.* Дагестанская историческая хроника "Тарих-Дагестан" Мухаммеда-Рафи // Письменные памятники Востока. Ежегодник. 1972. М., 1977.
15. *Малачиханов Б. К.* К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане // Уч. зап. ИИЯЛ Дагфиллиала АН СССР. Махачкала, 1965. Т. 14.

АВАРЫ

Народы, сошедшие с исторической арены, часто не оставляли по себе мемуаров, письменных памятников, документов. Главным свидетельством их жизни являются археологические данные. Так получилось и при исследовании истории одного из "исчезнувших народов" — авар, в которой многое остается загадочным.

Почти два с половиной столетия авары, осевшие в результате Великого переселения народов в районе Карпатского бассейна (нынешнее Задунавье, Центральная Венгрия, Трансильвания) (см.: 1), обладали здесь сильной политической властью. В IX в. они сошли с исторической арены — растворились среди других народов. В венгерских хрониках сведений о них совсем нет. Определить древнюю территорию расселения этого племени и представить себе его повседневную жизнь нам помогают византийские и франкские хроникеры, а также данные археологии.

Уход лангобардов. 1 апреля 568 г. — последний день пребывания лангобардов на территории древней Паннонии. Спустя сутки они двинулись в Северную Италию, где и осели, образовав Лангобардское королевство (нынешняя Ломбардия). Их место по обоим берегам Дуная заняли пришедшие с востока авары.

Пришествие их не было мирным. Когда-то, после распада в V в. гунгской державы, территорию современного Затисья и Трансильвании населяло германское племя гепидов. Лангобарды вступили с ними в бой. На помощь они призвали авар, благодаря чему обеспечили себе победу. В результате погибло несколько тысяч воинов-гепидов; многих победители взяли в плен. В сражении погиб и король гепидов Кунимунд.

Каким же образом авары появились в этих местах и были втянуты в борьбу?

Византийский летописец VII в. Феофилакт Симокатта писал, что авары — это псевдоним племен уар и хунни, которые приняли имя могущественного азиатского народа для большего устрашения покоренного населения Восточной Европы. Сведения эти не выдержали критики: позже было установлено, что народ, называвший себя аварами, действительно был аварами.

В XVIII в. была высказана гипотеза, что авары — это племена, вышедшие из Центральной Азии и известные под именем жуан-жуаней. По другой версии, они — выходцы из Средней Азии. Однако и до настоящего времени вопрос об их происхождении неясен.

Аварские посланцы явились в Европу в 558 г. Они обратились к аланскому правителю Саросию (2), чтобы при его содействии, через византийского наместника Лазики просить императора впустить их на территорию империи. Вскоре аварское посольство, возглавляемое неким Канджком, прибыло в Константинополь. Появление авар в византийской столице вызвало большой интерес, ибо в косы мужчин были вплетены цветные ленты — характерный убор кочевников.

Представ перед императором, посол сказал: “К тебе пришел народ авар, наибольший и наисильнейший из народов. Он может легко отбить и уничтожить врага, поэтому тебе выгодно заключить союз с аварами: в них обретишь ты надежных защитников”.

В VI в. Византия была могущественной державой и во многом определяла ход восточноевропейских событий. Соперником византийской империи была держава франков. Король франков Теодеберт в союзе с лангобардами и гепидами хотел выступить против Византии. Этим намерениям не суждено было сбыться из-за вражды между лангобардами и гепидами.

В это же время произошло такое важное событие, как переселение в карпатский бассейн славянских племен, представлявших серьезную военную опасность для Византии, особенно после их объединения с конными номадами — кутригурами, жившими в Северном Причерноморье.

В сложившейся для византийского императора политической ситуации авары были выгодным союзником. После заключения с ними договора он отправил авар против кутригур, родственных им утигур и восточных славян, с которыми они успешно сражались. После этого император предложил им земли на территории современной Сербии. Однако эти земли не понравились аварам. Они попросили для себя Добруджу, лежащую вдоль дунайских берегов: равнинная территория больше удовлетворяла кочевников. Но и здесь они задержались ненадолго. Заключив союз с лангобардами против гепидов и победив их, они переселились в Паннонию, ибо, по условиям этого союза, в случае победы лангобарды должны были покинуть эту территорию. Так и произошло (3).

Византийскому императору было на руку поражение гепидов. Пос-

ле их падения он сразу же занял их столицу, находившуюся на территории древнего Сирмия /нынешняя Митровица/, что вызвало, однако, длительную византийско-аварскую распрю.

Аварский каганат и его соседи. Закрепившись на новой территории, авары создали новое государственное объединение — Аварский каганат. Первым правителем был их предводитель, каган Баян. Ему было подвластно множество обитавших здесь племен, в том числе славяне и гепиды. Почти столетие власть кагана распространялась на часть территории южнорусской степи, населенной кочевниками, главным образом, болгарского происхождения. Кроме того, в конце VI в. в Аварский каганат влились преследуемые тюрками племена кутригуров, тарнихов и забендеров.

В это время византийцы на своих восточных окраинах вели войну с персами. Подобное обстоятельство благоприятствовало действиям авар: вместе со славянами они в 70-80-е годы VI в. производили опустошительные набеги на земли, лежащие по нижнему течению Дуная, которыми владела Византия. Последняя, однако, после победы над персами в 591 г. вытеснила на некоторое время авар с балканских территорий.

В последующем аваро-византийские стычки проходили с переменным успехом. Войска кагана Баяна доходили до Константинополя, но случалось, что византийцы обращали их вспять, причем часть войска кагана переходила на сторону противника.

Западные соседи авар также не были миролюбивы. В 595 г. в союзе со словенами им пришлось вступить в борьбу с баварскими племенами, а затем и с франками.

Не менее бурным был VII век. На западной границе аварских земель славяне во главе с франкским купцом Само создали недолговечное /623-658 гг. / государство, объединившее чехов, моравов, словен и т. д. Их восстание против авар увенчалось успехом. Более того, в 631 г. им удалось одержать победу над франками. Но государство распалось сразу же после смерти Само.

В это время Аварский каганат переживает тяжелый внутренний кризис, связанный с прекращением династии Баяна. С целью овладения золотым тронем кагана кутригуро-болгары подняли восстание внутри страны, подавленное аварами. Вследствие этого кутригуро-болгары были вытеснены с земель каганата.

В конце 70-х годов VII в. болгары расселились по Дунаю и создали собственное государственное объединение, поддерживавшее до

IX в. дружеские отношения с аварами. Более того, как сообщается в одной из византийских хроник, один из сыновей болгарского хана Куврата после образования в южнорусских степях Хазарского каганата был вынужден со своим народом вновь переселиться на аварскую территорию. Это дает некоторые основания считать, что с помощью болгар менялся этнический тип авар, что подтверждается и археологическим материалом.

Этногенез авар. Выше уже говорилось, что авары, согласно одной из гипотез, являются потомками жуан-жуаней, в кочевую империю которых одно время входили и тюрки. Согласно другой гипотезе, они вышли из Средней Азии и их предками являлись варкхониты; последняя версия подтверждается якобы тем, что на территории Венгрии названия некоторых селений имеют корень “варкхонь”. Преодолев в середине VI в. огромные территории, авары привели с собой в Карпаты и другие этнические элементы: иранцев с Поволжья, кутригур из южнорусских степей. Таким образом, сами авары изначально представляли собой не “чистый”, а этнически смешанный народ. Обычай устраивать большие могильники, хоронить лошадей отдельно от человека и “частичные” захоронения лошадей (только ноги и череп) свидетельствуют о том, что пришельцы были разноэтничными. Еще в начале прошлого столетия среди ученых возникла дискуссия о возможном родстве дагестанских аварцев и “исчезнувших” авар. Такое предположение вряд ли правомерно. Язык дунайских авар был, по всей вероятности, тюркским, а у дагестанских аварцев — своеобразный кавказский. Древнее название дагестанских аварцев — маарулал — также отвергает родство этих двух народов. Однако, по сведениям древних авторов, среди правителей аварцев Серира был один по имени Авар. Быть может, кочевники авары, продвигаясь на запад, временно останавливались в степях Северного Дагестана и политически подчинили или сделали своим союзником Серир, столица которого до IX в. находилась в с. Тануси (недалеко от современного с. Хунзах). Некоторые современные ученые предполагают, что часть авар в свое время застряла в Хазарском каганате, куда входил Дагестан; это может свидетельствовать о непосредственной связи двух народов (4, р. 52-54; 5, с. 74-75).

Реконструкция черепов из одних могильников аварской эпохи позволяет отнести их к монголоидам. Но в других могильниках этот тип встречается редко, а в иных, относящихся к той же эпохе, и вовсе отсутствует: в них были погребены исключительно европеоиды (се-

вероевропейского, средиземноморского, восточно-балтийского типов).

Среди древнего населения Центральной Венгрии были потомки сарматов и населения древнеримских провинций, жившие здесь еще до прихода авар, — со всеми ними авары вступали в брак. Если к этому прибавить еще и славянское влияние, то окажется, что в VI-IX вв. в Карпатском бассейне обитало этнически смешанное население, объединенное именем авар или обров, как они себя называли.

Средняя продолжительность их жизни была низкой: мужчин — 38 лет, женщин — 36 лет. Особенно часто умирали дети в возрасте до двух лет.

Аварское общество. Пребывание авар в Европе принято делить на три периода. Раннеаварский период длится с середины VI в. почти до конца VII в. Среднеаварский период — довольно короткий, и выявление памятников этой эпохи представляет значительную трудность для исследователей. С начала VIII в. до начала IX в. длился позднеаварский период, когда из погребальных обычаев постепенно исчезли отдельные захоронения лошадей.

На территории Венгрии и в соседних странах обнаружено более тридцати тысяч погребений, относящихся к аварской эпохе. Задачи археологов заключаются в систематизации, классификации и датировке материала. Последняя особенно сложная, поскольку в аварских могильниках очень редки монеты, позволяющее точно определить время захоронения.

По степени богатства могильников определяется иерархия общества. Во главе каганата стоял *каган*. Его первая жена звалась *катун*. Наместниками кагана были *тудун*, который, вероятно, являлся правителем отдельной части страны, и *югур*. По поручению кагана дань в стране собирали так называемые *тарханы* — это, скорее всего, знать. За тарханами — вниз по иерархической лестнице — шли вожди племен и родов. Племенным и родовым вождям и принадлежит чаще всего найденный во время раскопок богатый погребальный инвентарь захоронений в Сентэндре, Боце, Кунсентмиклош-Бабоне и т. д. Последнее захоронение теперь считается каганским.

Значительная часть аварского общества состояла из воинов. В погребениях находят много оружия, так как, по представлению древних, воины и в загробном мире продолжали ту же деятельность, что и на земле. Можно предположить, что захоронения с оружием принадлежали знати, поскольку оружие было дорогим. Часто богато укра-

шенные мечи и кольчуги простых воинов в могилы не попадали, а переходили по наследству от отца к сыну. В погребениях нет колчанов с полным набором стрел (за исключением богатого погребения в Боче, где был захоронен вождь племени). Обычно количество стрел не достигает и десятка. Вероятно, каждая стрела была символом военной власти над десятью свободными воинами — ведь организация аварского войска строилась по принятой в Азии десятичной системе.

Известно множество богатых погребений ранне- и среднеаварского периодов, сконцентрированных в средней части Венгрии. Однако в позднеаварское время таких погребений нет. Зато увеличивается количество могил с бедным инвентарем, что свидетельствует как о расслоении общества, ведущем к возрастанию числа людей, лишенных собственности и попавших в зависимость, так и о влиянии христианства, ибо церковь запрещала языческие обряды захоронения с оружием и конем. Тем не менее в могилы попадали украшения (серьги, браслеты, кольца, перстни), головные уборы, по которым можно судить об общественном положении погребенного.

Каждая большая патриархальная семья имела свое место в могильнике. Однако, знатных людей хоронили отдельно от остальных членов такой семьи — в особой части могильника, где сосредоточены погребения в раннеаварского периода с немалочисленными золотыми вещами.

Знать хоронили иногда в гробах из скрепленных досок. Бедняков, по-видимому, заворачивали в циновки или какой-нибудь другой быстро гниющий в земле материал.

Форма могил была различной. Известны, хотя и крайне редко, могилы "с подбоем": от основной ямы отходило углубление-ниша для умершего. Иногда это углубление-подбой сооружалось параллельно основной яме, и в нем хоронили лошадь.

Различные формы могил свидетельствуют о том, что авары смешивались с другими народами постепенно, сохраняя старые обычаи и подчеркивая тем самым, какие этнические элементы имеют перевес в тех или иных родах. Антропологический материал из могил с описанным обрядом захоронения показывает преобладание монголоидных признаков. Захоронения в стоячем или сидячем положении свидетельствуют о том, что могильник принадлежит потомкам сарматов или же выходцам из Средней Азии.

Встречаются и парные погребения: либо матери с грудным младенцем, либо мужчины и женщины. Последний, вероятно, отражает

древнеславянский обычай убийства вдовы после смерти мужа. Но не исключается и единовременная естественная смерть супругов.

Авары, как и другие кочевые народы, не знали развитого института рабства. Лишь в качестве домашних рабов они использовали попавших в плен иноплеменных воинов и совсем разорившихся соплеменников.

Поселения и хозяйство авар. В настоящее время известно местонахождение нескольких сот поселений VII-IX вв. Самые крупные раскопки в Венгрии были произведены близ г. Дунайвароша, где сохранились остатки 37 жилищ. На своих селищах авары жили в полуземлянках с деревянными стенами, внутри которых были сложены печи-каменки. Во многих жилищах обнаружены зерновые ямы, а между постройками — глинобитные очаги. В VII в. жилища на упомянутом селище располагались по кругу. (Также располагались жилища на Эльбе и в Молдавии.). На эти зимние селища полукочевые авары возвращались вместе со скотом после выпаса его на летних пастбищах. С весны до осени они жили в легко переносимых юртообразных сооружениях.

Основой хозяйства авар являлось полукочевое скотоводство. Постепенно полукочевой образ жизни сменялся оседлым. Часть населения (главным образом потомки римлян, сарматов и переселившихся сюда славян) занималась и земледелием.

Большую роль в аварском быту играла лошадь. По костным остаткам установлено, что это были лошади в основном восточных кровей, быстрые, пригодные для передвижения в степи и на песчаных почвах (о древних породах лошадей см., напр.: 5). Именно таких лошадей изобразили резчики по кости и серебру раннеаварской эпохи. Помимо коневодства авары разводили крупный рогатый скот, овец, коз, мелких кур — в погребениях не раз попадалась раскрашенная яичная скорлупа.

Исследование костей свиней, найденных среди остатков пищи, которой снабжали умершего в дальнейшее путешествие по загробному миру, показало, что славянские животноводы аварской эпохи скрещивали выведенную еще в неолите южноевропейскую породу домашних свиных с североευропейской. Именно с тех пор и существует широко распространенная алфельдская жирноносная порода свиных.

О земледелии и растениеводстве авар известно мало. Остатки зерновых культур обычно находят в обугленном состоянии. Так, сохранились зерна проса (эту культуру выращивали и авары, и славяне),

пшеницы (VI-VII вв.), ржи и овса (IX в.). Землю пахали деревянным плугом с железным сошником. На территории Венгрии такой сошник известен с IX в., а в древней Моравии и раньше. Пшеницу жали железными серпами.

В большинстве погребений обнаружены хорошего качества, слабо орнаментированные глиняные сосуды, значительная часть которых в позднеаварский период изготовлялась на гончарном круге, что свидетельствует о наличии гончарного ремесла. Возле г. Сексарда обнаружены гончарные печи аварского времени. Некоторые сосуды ввозились из окрестных мест, не издалека, поскольку глиняные изделия не выдерживают длительной перевозки. На территории Венгрии того времени обнаружены и остатки железоделательного производства, а именно железоплавильной печи — сыродутного горна для получения сырья для кузнечного производства, для изготовления оружия и сельскохозяйственных орудий.

Товары производились не только для удовлетворения своих собственных потребностей, но и для обмена. В аварских погребениях находят много вещей, ввезенных из других мест. Среди них золотые, серебряные и бронзовые серьги, браслеты, перстни, пряжки, головные уборы, цветные стеклянные бусы. Очевидно, привозились шелковые ткани и другой материал для одежды, не сохранившийся до наших дней. За все это платили, по-видимому, скотом, лошадьми, кожами, шерстью.

Из латинских источников известны торговые и рыночные места, где появлялись со своими товарами авары — странствующие купцы и ремесленники. Погребение одного из них было обнаружено в окрестностях с. Кунсентмартон. Среди находок в этом захоронении была и пластинчатая нагрудная кольчуга: дороги в стране не всегда были безопасны для путников.

В Аварский каганат приезжали купцы издалека, с Востока. По некоторым данным, через Карпаты проходили важные торговые пути на Запад. По обычаю всех кочевых народов, авары взымали с торговых караванов пошлину. В результате обогащения престиж правителей отдельных областей страны и самого кагана значительно увеличился.

Были ли у авар деньги? Сами авары не чеканили монет, но некоторые исследователи полагают, что авары занимались подделкой византийских золотых солидов. Однако, на всей территории каганата обнаружено не более дюжины таких подражаний-индикаций, а этого

недостаточно для окончательного решения вопроса, тем более, что подражания византийским монетам найдены и у соседних и у отдаленных народов (например, на Северном Кавказе).

В VI в. византийцы выплачивали кагану дань золотом. Общая сумма годовой дани достигала 80 тыс. золотых солидов, а начиная с 600 г. увеличивалась и до 100 тыс. Со временем и эти суммы стали недостаточны. В начале VII в. византийские императоры платили аварам “за мир” ежегодно по 120 тыс. солидов. По некоторым подсчетам, 1/75 часть золотого фонда Византии выплачивалась в качестве дани аварам (годовое поступление золота в казну империи составляло в то время в среднем 37 тыс. кг золота, что равнялось 8 млн. солидов).

До 626 г. аварскому кагану было выплачено около 6 млн. солидов, что соответствовало 25 тыс. кг золота. Это несметное количество монет в оборот не поступало. Вероятно, авары переплавляли их для изготовления украшений и сосудов; небольшая часть делилась между вождями. Она-то и попадала в клады. Дань обычно не вывозилась из Византии, т.к. на нее покупались товары (шелк, восточные духи, пряности и пр.).

Умели ли авары читать и писать? Археологические данные свидетельствуют о том, что авары знали руническое письмо: они высекали и выпарывали различные заклинания, чтобы уберечься от бед и именные знаки собственности (тамги) на различных предметах. Однако, у нас нет данных, что эта письменность использовалась для переписки или для создания литературных и других нарративных памятников. По-видимому, героический эпос, легенды и сказки, существующие у всех народов, у аваров передавались изустно.

О языке авар также мало известно. Мы можем получить о нем некоторое представление, главным образом, по личным именам и титулам, хотя и те, и другие могли быть и не аварского происхождения. Причем, аварский ономастикон немногочислен — известные имена послов были Кандик, Салак, Кок, одного из шаманов звали Боклаброй. Вероятно, это имена тюркского происхождения, равно как и титулы каган, тудун, югур, тархан. Недавно обнаружены более длинные рунические надписи на мелких предметах, в том числе и знаменитая надпись на игольнике из г. Сарваш.

Верования авар. О верованиях авар и других народов Аварского каганата известно очень мало. В одном из источников упоминается

главный шаман; другой — свидетельствует, что авары были идолопоклонниками.

Ясно, что авары как бы удваивали мир: помимо земного, они мыслили себе и загробный. Например, вместе с умершим воином в могилу обычно клали пищу, коня, оружие, чтобы он мог продолжать свой ратный путь и в ином мире. Потусторонний мир, согласно шаманистским поверьям, состоял из нескольких уровней, расположенных один над другим. Умершие могли попасть на верхний уровень лишь после различных испытаний. Такому продвижению наверх помогали стрелы — поэтому их и клали в колчан рядом с погребенным.

Перед погребальным обрядом или во время него могильные ямы «очищались» от злых духов с помощью огня или горящих угольев.

Разные народы, согласно своим поверьям, хоронили людей головой к той или иной части света — по направлению к центру мира или в ту сторону, откуда ждали воскресения. У авар единой ориентации не было — слишком разноплеменными они были; погребение происходило головой как на восток, так и на запад. Во многих случаях над умершими совершали магические действия. Нередко уже после погребения могилу вскрывали, вынимали череп погребенного и читали над ним заклинания. Боязнь того, что умерший может вернуться с того света, побуждала иногда хоронить покойников распластанными на животе.

Искусство аварской эпохи. Авары были хорошими резчиками по кости, на роговых пластинках. По всей вероятности, они изготавливали великолепные ковры, вышивки, ткани, занимались художественной обработкой серебра и дерева. Сохранились прекрасные металлические украшения — византийского образца серьги, браслеты, кольца, перстни; находимые же в погребениях цветные стеклянные бусы и ожерелья изготовлены, по-видимому, на Востоке. Свободные воины VI–IX вв. носили ремни, украшенные металлическими бляшками. Такими же художественно сделанными бляшками покрывались и конские сбруи. В позднеаварский период бляшки изготавливались методом художественного литья. Среди них трудно найти две одинаковые. На поясных ремнях закреплялись большие латые наконечники с растительным орнаментом, фигурками людей или с изображением борьбы животных. Мечи и колчаны вождей покрывались золотом, простых воинов — серебром. Даже железные стремяна были художественно выкованы, а некоторые из них инкрустированы серебром.

Падение каганата. О внутреннем положении Аварского кагана-

та с конца VII в. и до конца VIII в. в письменных источниках нет почти никаких данных. Усиливающаяся держава франков, во главе которых в 768 г. встал Карл Великий, постепенно подчиняла своему влиянию все большее число народов Европы. Были покорены саксы, некоторые славянские племена. Проводилась насильственная христианизация населения.

Авары были для франков наиболее опасными противниками. Поэтому вначале они пытались установить с ними дружеские отношения. Для этого они обменялись посольствами: в 780 г. в Вормс прибыли аварские послы, а затем посольство франков посетило каганат. Тем не менее в 788 г. баварскому князю Тассило удалось заключить с аварами союз против франков. Однако войско их было разбито. Тогда Карл разработал план окончательной расправы с аварами. Для этого он предварительно укрепил ряд городов, в том числе пограничный Регенсбург.

В 791 г. франки выступили против каганата. Наследный принц Пипин, который вел свое войско из Италии, захватил одну из аварских крепостей. Основные силы франков под предводительством Карла продвигались на восток вдоль Дуная. У Регенсбурга франки навели через Дунай мост для постоянного обеспечения своего войска с тыла. Победенные, но окончательно не покоренные саксы решили поддержать авар, отправили к ним посольство, а затем подняли восстание у себя на родине, в тылу франков. Авар, однако, это уже не могло спасти, так как в самом каганате начались раздоры.

В ходе внутренней смуты был убит югур, а позже и сам каган. В 795 г. тудун уже пытался принять христианство и в связи с этим отправил послов к франкам. В 796 г. он лично прибыл в Ахен — столицу Карла Великого и присягнул на верность королю.

В том же году войско франков во главе с Пипином захватило резиденцию аварских каганов, по-видимому, находившуюся возле р. Тисы. Множество авар спаслось бегством за Тису, но еще больше попало в плен. Франки одержали полную победу, ликвидировавшую политическую самостоятельность Аварского каганата. В Ахен отпраздновали обеды с сокровищами, накопленными аварами в течение столетий.

В одном византийском источнике IX в. (Лексикон Суды) сохранились любопытные подробности о причинах разложения позднеаварского общества: это рассказы старых аварских воинов, находившихся в болгарском плену у хана Крума. Хан спросил у них: «Что вы

думаете, почему были разорены ваши господа и ваш народ?” Они ответили так: “Вначале из-за ссоры, лишившей каганат верных и правдивых советников, власть попала в руки людей нечестивых. Затем были развращены судьи, которые должны были отстаивать перед народом правду, но вместо этого побратались с лицемерами и ворами; обилие вина породило пьянство, и авары, ослабев физически, потеряли и рассудок. Наконец, пошло увлечение торговлей: авары стали торгашами, один обманывал другого, брат продавал брата. Это, господин наш, и стало источником нашего постыдного несчастья”.

Все же авары долго не смирились с поражением. В 797 г. они восстали, и франки вынуждены были повторить поход, вновь увенчавшийся успехом. В конце 797 г. аварские послы опять присягнули на верность Карлу Великому. Однако, восстание поднялось снова в 799 г., а в 802 г. были убиты франкские должностные лица. Это были последние всплшки: франки побеждали не только силой оружия, но и новым мировоззрением. В 798 г. в Зальцбурге было учреждено епископство, проповедовавшее аварам христианскую религию. В 805 г. новую веру принял сам каган.

В IX в. авары занимали уже небольшую часть Задунавья, по-видимому, территорию между Веной и р. Рабой. По мнению некоторых исследователей, их область простиралась на восток до Паннонхалмы, где их теснили славяне.

Последние сведения об аварском посольстве к франкам относятся к 823 г. На имперском государственном собрании оно представляло покоренный франками некогда известный и могучий народ. Еще в Верденском договоре 843 г. о разделе империи Карла между его сыновьями упоминалось “Аварское королевство”.

“Погибоше аки обре, их же нет, ни племени, ни потомства”, - говорится в “Повести временных лет” (XII в.). Уже спустя столетие после падения Аварского каганата этот народ представлялся в памяти могучими великанами (самоназвание авар — *обры* — в некоторых западнославянских языках означает великанов), о которых славились легенды (7; 8; 9, р. 143-160; 10).

ЛИТЕРАТУРА.

1. Археология Венгрии. Т. 1. М., 1980.

2. Хазанов А. М. “Исчезнувшие народы”. Сарматы // Природа. 1978. № 2.

3. Erdélyi I. Pannyniai husvet. Budapest. 1987.

4. Erdélyi I. Avarok, Kaukasz. Keletkutatás. Budapest. 1991.

5. Эрдели И., Агларов М. Предки // Советский Дагестан. 1986. № 6.

6. Ковалевская В. Б. Ахалтекинцы: наследство, за которое мы в ответе // Природа. 1982. № 4.

7. Erdélyi I. Az avarság és Kelet a régészeti források tükrében. Budapest. 1982.

8. Erdélyi I. The Art of the Avars. Budapest. 1966.

9. Erdélyi I. Slawen, Awaren. Ungarn // Welt der Slawen. Red. J. Herrmann. Leipzig-Jena-Berlin, 1986.

10. Pohl W. Die Awaren. München. 1988.

К ПРОБЛЕМЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ ДАГЕСТАНА

Сегодня, видимо, ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что в приморской равнине и отчасти в предгорье Дагестана в раннем средневековье, ориентировочно в IV-нач. XI в. были представлены различные кочевые, полукочевые племена — выходцы из Азии, известные в исторической литературе как *гунны*, *савиры*, *барсилы*, *хазары*, *оногуры*, *аланы*, *тюрки* и др.

Однако, судя по литературе, мы до сих пор определенно и однозначно не знаем этнической принадлежности этих племен: имеем ли дело с одним этносом (народом), но ставшим известным под различными наименованиями, или речь идет, все же, о различных этнических группах, но более или менее близких друг другу по тому или иному этническому (национальному) признаку, или же это были племена разного происхождения, волею судьбы оказавшиеся на смежных территориях тогдашнего Восточного Кавказа. Безусловно, за последние десятилетия проделана огромная работа и, прежде всего, археологами по всестороннему изучению западноприкаспийских кочевников, накоплен значительный полевой материал, часть которого ждет своего детального анализа и интерпретации (см., например, труды Плетневой С. А., Магомедова М. Г., Новосельцева А. П., Гадло А. В., Гмыря Л. Б. и др.: 1-6, там же см. библиографию). Но в известных нам работах по кочевникам западного Прикаспия раннего средневековья вопрос об их этнической принадлежности либо не считается актуальным и принципиальным и решается, как нам показалось, “легко и просто”, либо представляется само собой разумеющимся, самоочевидным, ясным (например, мол, “гунны”, “хазары” — это тюрки). Попытки установления этнической принадлежности раннесредневекового населения западного Прикаспия (или Восточного Кавказа) историками, археологами, этнографами нам не кажутся (во всяком случае с лингвистической точки зрения) методологически корректными и достаточно убедительными (исключения, видимо, должны составлять названные работы Л. Б. Гмыря). Иначе нельзя объяснить существование нескольких, порою и взаимоисключающих, мнений

об этнической принадлежности одной и той же группы населения (об этом более подробно будет сказано ниже).

Наука не располагает никакими документами (рукописи, эпиграфические памятники и т. п.), написанными на языке (на языках) восточнокавказских (в том числе “дагестанских”) кочевников раннего средневековья. Судя по всему, исследователи устанавливают этническое лицо интересующих нас кочевников, в том числе гуннов, савир, хазар и др., по их наименованиям, встречающимся в сочинениях древних авторов, принимая эти названия, хотя с оговорками, как термины-этнонимы, и по данным археологии (по предметам материальной и духовной культуры). Поэтому возникает резонный вопрос: в какой мере оправданы и эффективны в этом случае ссылки на *наименования-этнонимы*, встречающиеся в источниках и на *показания предметов материальной и духовной культуры*. Забегая вперед, заметим, что сегодня уровень развития тюркологии (во всяком случае, лингвистики) таков, что для определения этноса, имея в виду и раннесредневековых кочевников, требуются более точные, “видовые” определения-наименования, и оперировать “родовыми” понятиями “тюрки” и “тюркский язык” — это равнозначно употреблению терминов “индоевропейцы” и “индоевропейский язык” по отношению к каким-либо конкретным этносам индоевропейского происхождения и конкретным языкам индоевропейского корня.

Установление этнической принадлежности раннесредневекового кочевого населения, безусловно, само по себе представляет несомненный научный интерес. Вместе с тем, это актуально и по ряду других причин. Мы очень мало знаем о взаимосвязях племен “гуннского круга” и аборигенного дагестанского населения, о дальнейшей судьбе “гуннов”. В литературе высказано мнение о том, что они в пределах “царства гуннов” были поглощены дагестанским аборигенным населением (см., напр.: История Дагестана. Т. I. М., 1967; Я. А. Федоров; А. В. Гадло). Только установив этническую принадлежность кочевников “гуннского круга” мы можем говорить о степени реальности этого интересного предположения и более конкретно судить об этноязыковых процессах в раннесредневековом Дагестане и месте пришлого элемента в них. Зная этническую принадлежность гуннов, савир, хазар, булгар и др. кочевых племен западного Прикаспия, мы можем знать в какой мере применим к ним вывод о том, что “все они по сути булгары”, сделанный исследователями, имея в виду одноименные племена, обитавшие в тот же период на севере Предкавказья

зья, в Поволжье, Северном Причерноморье, на Дунае. Наконец, только установив этническую принадлежность предполагаемых “гуннов”, “савир”, “барсил”, “хазар”, “угров”, “алан” и др. мы можем доказать *все же* какому народу (каким народам) принадлежали многочисленные захоронения, поселения, городища эпохи раннего средневековья. Как ниже будет показано, по этому вопросу среди исследователей нет единого мнения. Вопреки исторически сложившемуся представлению о кочевниках периода Великого переселения народов, как о “семене и начале всех несчастий и бедствий” (Аммиан Марцеллин) и “устоявшему в литературе мнению о массовых разгромах поселений, упадке и запустении значительных территорий”, Л. Б. Гмыря на основе материалов раскопок отмечает, наоборот, “подъем экономического и культурного развития” в приморском Дагестане именно в V-VII вв. (6, с. 5). Поэтому чрезвычайно интересно узнать, кто же они были эти “необычные” и “нетрадиционные” кочевники и как складывались их взаимоотношения с аборигенным населением, которое они застали в Дагестане, на их новой родине.

Возвращаясь к началу нашего разговора, отметим, почему вопрос об этнической принадлежности интересующих нас кочевых племен, обитавших на территории современного Дагестана и вообще на Восточном Кавказе, нужно считать еще открытым.

Мы не можем однозначно определить этническую принадлежность той или иной группы кочевников по наименованию, которым она обозначена в сочинениях древних авторов, на сообщения которых и ссылаются современные исследователи. Обозначая группу кочевников каким-либо наименованием, древние авторы в большинстве случаев не имели в виду какой-либо конкретный этнос (народ) в нашем понимании. Справедливости ради нужно подчеркнуть, что древние авторы в своем большинстве “вплотную” и не интересовались этнической принадлежностью отмечаемых ими групп населения (и не надо бы требовать от них этого!). Об этом свидетельствуют, например: Прокопий Кесарийский (VI в.), который в Прикаспии выделяет кроме сабир (савир) и “неоднородное население — гунны”; Гевонд (VIII в.), обозначающий все прикаспийское население наименованием “гунны” (7, с. 28); Мовсес Хоренаци (V в.), который все население “земли гуннов” (бывшее, вероятно всего было, неоднородным) обобщенно называет “басилами” (8, с. 131), и Мовсес Каланкатуаци (VII в.), называющий “гуннами” население той же “страны гуинов” называет (9, с. 102-103, 119-121). Как отмечал М. И. Артамонов, “гуннами” визан-

тийские писатели называли народы различного происхождения, иногда не имевшие к ним никакого отношения (10, с. 82). В качестве обобщенных, собирательных наименований употреблялись и другие этнонимы, в том числе и “хазары”. Как замечает А. Р. Зильфельдт-Симумяги, различные путешественники и писатели считали “хазарами” всякую народность, находившуюся в подданстве хазарского государства или ранее входившую в состав большой федерации, возглавлявшейся хазарами (11, с. 84). Именем “хазары” Леонти Мровели обозначает всех кочевников Северного Кавказа (12, с. 37-39). Ибн ал-Асир наименование “хазары” употребляет для обобщенного обозначения основных военных сил врагов арабов, а криклетных данных о других народах Прикаспия у арабского автора нет (6, с. 100). У другого арабского писателя — ал-Йакуби, *жители, которые оказывали упорное сопротивление в “стране турок”*, обозначены обобщенными наименованиями “турки” и “хазары”, а также “хазарский народ”. Возможно, что под “турками” здесь следует понимать племена, обитавшие в Прикаспии и находившиеся в зависимости от хазар (6, с. 100-101).

Если даже предположить, что древний автор какое-либо название употребил в функции этнонима-термина и им обозначал действительно конкретное племя (народ), мы, все равно, не будем однозначно знать о каком именно этносе (о какой национальности) идет речь, потому что, за очень редким исключением, в письменных источниках их авторы не расшифровывают свои этнонимы, не сообщают, в частности, на каком языке эти народы говорят. Когда сирийский хронист Захарий Ритор (VI в.) называл обитающих за Каспийскими воротами в “пределах гуннов” 13 народов (авгар, сабир, бургар, алан, кургаргар, авар, хасар, дирмар, сирагур, баграсик, кулас, абдел, ефталит) (XII, 7. Цит. по: 13, с. 165), он, несомненно, имел в виду отдельные и конкретные народы-этноты. Однако, эти названия-этнонимы, за исключением “алан”, “авар”, “бургар”, о которых можно строить более или менее определенные догадки, сами по себе ни о чем не говорят.

Современным исследователям нередко приходится встречаться и с такими случаями, когда древний автор, скажем, V в., население данного конкретного региона обозначает одним наименованием (этнонимом), а другой автор, скажем, VI в. (или VII в.), это же население называет другим наименованием. Например, автор V в. Мовсес Хоренаци население земли “гуннов” называет *басилами* (8, с. 131, 201),

а историк VII в. Мовсес Каланкатуаци население той же страны — *гуннами* (9, с. 99, 102 и др.). Кстати, А. П. Новосельцев считал, что употребление этнонима *гунны* у М. Каланкатуаци для описания событий VII в. является анахронизмом, потому что в это время господствующее положение в Прикаспии занимали *хазары* (3, с. 74-75, 84; см. также: 6, с. 97). У автора же VI в. — Феофана Исповедника для обозначения населения Северо-Восточного Кавказа (куда, вероятно, входила и “земля гуннов”) употребляется двойной этноним *гунны-савиры*, точнее “*гунны, именуемые савиры*” (14, с. 49, 50). В таких случаях возникает вполне закономерный вопрос: идет ли речь об одном и том же этносе, но обозначенными разными авторами различными этнонимами или же в этом регионе произошла смена этноса.

В таких случаях исследователи “вынуждены оказываются” делать различные, более или менее правдоподобные предположения, вроде таких, как например: предыдущий этнос был покорен новым и стал известным под наименованием победителей; предыдущий этнос был истреблен или этнокультурно ассимилирован пришельцами. Так появились в работах современных исследователей двойные наименования-этнонимы *гунны-савиры*, *гунны-хайландурки*, *гунны-хазары*, *гунны-кутригуры*, *болгары-гунны*, *савиры-болгары*, *болгары-гунногундуры*, *оногур-болгары*, *савиры-хазары* и т. п. Если внимательно проследить за ходом догадок и рассуждений наших исследователей, можно составить и тройные (и более) наименования-этнонимы. Но дело в том, что все это ничего определенного и конкретного не может сообщить заинтересованному читателю об истинной этнической принадлежности обозначаемого населения.

На процедуре установления этнической принадлежности интересующих нас групп кочевников отрицательно сказывается и то, что мы не можем точно локализовать названные в источнике какую-либо группу населения, город, поселения из-за отсутствия в том же источнике надежных ориентиров (“точки отсчета”) или же из-за неопределенности этих ориентиров. И если даже имеются такие “потенциальные” ориентиры в самом источнике, мы их в большинстве случаев не можем идентифицировать с какими-либо названиями современных географических объектов или какими-либо археологическими памятниками. Поэтому обычно остается неизвестным какой группе населения (этносу) принадлежали обнаруженные археологами городища, поселения, могильники, и археологам приходится, так сказать, на свой риск и страх решать этногенетические вопросы. Такая неопределен-

ность помимо всего прочего дает еще повод для “свободы фантазии” и возникновения самых разных точек зрения относительно местонахождения одного и того же объекта, который упоминается в сообщениях древних авторов.

Так, указание Захария Ритора, что болгары — народ языческий, варварский, но имеющий свои города, живущий за Каспийскими воротами (надо полагать — к северу), дало основание М. И. Артамонову предположить, что восточно-приазовскими гуннами могли быть болгары (10, с. 91). Но, ссылаясь на тот же ориентир Захария Ритора, М. И. Артамонов тех же болгар размещает и в Северном Дагестане (10, с. 83). А А. П. Новосельцев угорское племя савир (“видимо, из тех тринадцати народов, обозначенных Захарием Ритором за Каспийскими воротами”) размещает в VI в. уже вблизи укреплений Дербента (3, с. 82).

Столицу гуннов (“царства гуннов”) город *Варачан* С. Т. Еремян локализует на месте современного города *Буйнакск* (Дагестан), мнение которого М. И. Артамонов считает “весьма вероятным”, и это потому, что “в городе до сих пор кое-где сохранились мощные культурные отложения средневекового периода, которые могут относиться к древнему Варачану” (10, с. 186). По мнению В. Ф. Минорского, Варачан находился у современного аула *Баилы* (ранее — *Барилли*) (цит по: 10, с. 186). Аргумент: Варачан — это армянская транскрипция ойконима *Varḡ-li* (10, с. 186). Согласно другой точке зрения М. И. Артамонова, Варачан находился у реки *Сулак*: у арабских писателей *Беленджер* (или *Булкар*) тот же город, который в армянских источниках называется Варачан, а Беленджер — столица болгар, где находился наследственный князь болгар, один из потомков Алп-Илигвера — располагался у одноименной реки, в которой Джаррах приказал опить пленных хазар, а река эта — современный *Сулак* (10, с. 207). Но, опять-таки, М. И. Артамонов не исключает, что *Беленджер-Варачан* мог находиться на месте современного *Буйнакск* (10, с. 399). Согласно В. Г. Котовичу, Варачан находился на месте *городища Урцек* (15, с. 191-196). По недавно выдвинутой версии М. С. Гаджиева, Варачан может быть идентифицирован с городищем *Шах-Сенгер* (16, с. 29-35). В свете выше приведенных мнений, нужно отметить, что не случайно археолог Л. Б. Гмыря, которая много лет и плодотворно занимается исследованием “страны гуннов”, не останавливается на вопросе о местонахождении Варачана и ограничивается как бы предупредительной цитатой: “Местоположение Варачана опре-

делено только в пространной редакции “Армянской географии”, где указано, что он расположен западнее Дербента у подножья Кавказских гор” (6, с. 138).

Страну *Барсилия* — откуда “вышли хазары — великий народ” (“Хронография” Феофана; “Бревиарий” Никифора) М. И. Артамонов размещает в современном *Северном Дагестане* (10, с. 130). С. Ш. Гаджиева, на основании ничем не подкрепленной этимологической связи названия страны *Барсилия* (араб. *ал-Барсиалия*) с названием кумыкского сел. Башли, вслед за Доссон помещает Барсилию в регионе совр. Каякентского района Дагестана, где находится и сел. *Башли* (17, с. 36-37). С. А. Плетнева *Барсилию* размещает в прикаспийских степях Северного Предкавказья (1, с. 19-22)¹, а А. В. Гадто — в районе *Азово-Каспийского междуморья* (4, с. 61-67).

Показания археологии, какими бы безупречными и красноречивыми они ни были в своем роде, самостоятельно никак не могут определить этническую принадлежность тех, кто оставил городища, поселения, могильники. Если, например, исследователи единодушны во мнении, что курганные и грунтовые могильники IV-VIII вв. н. э. Прикаспийского Дагестана в значительной степени являются свидетельством пребывания многочисленных племен, втянутых в процесс глобального передвижения народов, то при попытке идентифицировать погребальные комплексы с конкретными этносами выявились среди них разногласия, породившие длительную, продолжающуюся поныне полемику (обзор см.: 5, с. 293). Об этом, на наш взгляд, свидетельствует, например, следующее. Среди исследователей грунтовых погребений Верхнечирюртовского I-го могильника больше всего разногласий выявилось именно в вопросах этнокультурной интерпретации изучаемого объекта (5, с. 294). Н. Д. Путинцева считала, что могильник оставлен *местным населением* (18, с. 263-264), а М. Г. Магомедов полагает, что захоронения этого могильника, как и II-го и III-го Верхнечирюртовских могильников, связаны с *савирами, болгарями* (2, с. 87; 19, с. 125). При определении же этнической принадлежности тех, кто оставил конкретно катакомбные захоронения этого могильника выявилось еще больше разногласий среди исследователей. Так, Н. Д. Путинцева считала, что эти захоронения оставило *местное население* (18, с. 263-264), В. Г. Котович — *гунно-савиры* (20, с. 98), В. Б. Ковалевская, Г. С. Федоров, С. А. Плетнева — *аланы* (1, с. 28; 21, с. 95-97; 22; 23, с. 208, 212-219). Что же касается вопроса — может ли катакомба, как форма захоронения, вообще служить эт-

ническим показателем, то здесь у археологов мнения полярно противоположные. Если С. А. Плетнева (1, с. 28), М. Г. Магомедов (2, с. 125) считают, что катакомбные захоронения — это специфический *хазарский* способ погребения, то В. Б. Виноградов, К. Ф. Смирнов, В. А. Кузнецов — специфический *аланский* (24, с. 105; 25, с. 80; 26, с. 145), а В. Г. Котович (20, с. 98) — специфический *гуннский* способ погребения. Известные же сарматоведы М. П. Абрамова и М. Г. Мошкова считают, что катакомба, как форма погребального сооружения, *не может служить этническим показателем*, так как арсенал катакомбных погребений слишком широк (27, с. 17; 28, с. 28). В этой же связи не лишне обратить внимание на то, что катакомбные захоронения в пределах Северного Кавказа, как отмечают специалисты, появились еще во II в. до н. э. (27, с. 17) и по вопросу истоков этой формы могилы у исследователей нет единого мнения (5, с. 299).

На эти разногласия мы обращаем внимание лишь с той целью, чтобы показать, что данные археологии, отдельные признаки материальной и духовной культуры не могут определить этническую принадлежность тех, кто оставил эти могильники и др. Уже то, что одно и то же захоронение, как мы убедились, может быть интерпретировано как *гуннское, аланское, хазарское* — ведь судили об этом квалифицированные специалисты, руководствующиеся одной и той же методологией и одними и теми же категориями — лишний раз свидетельствует о том, что по археологическим показаниям материальной и духовной культуры нельзя и невозможно определять этнос (национальную принадлежность). По этому поводу археолог Л. Б. Гмыря пишет: “При выделении этнических общностей по археологическим источникам исследователь располагает атрибутами материальной и духовной культуры, и одной из основных задач является выделение из общей массы категорий, составляющих культуру, компонентов, отличающихся *традиционностью и устойчивостью* (выделено мной — Н. Д.)” (5, с. 293). В том то и заключается вопрос, что среди категорий культуры, о которых могут сообщить захоронения и т. п., нет таких, которые могут быть традиционными и устойчивыми. Е. Ф. Гевинг и А. Х. Халиков в этой связи, правда о другом регионе, пишут: “С одной стороны, этническое имя булгар (в районе, прилегающем к Азовскому и Черному морям — Н. Д.) получило широкое распространение и перекрывало почти все остальные племена, ранее входившие в состав Великой Болгарии, и под именем болгар выступают группы населения самого различного происхождения. Но, с другой

стороны, в культурном отношении племена бывшего болгарского союза были чрезвычайно близки, т.к. нивелировке их культуры содействовали и длительное сосуществование на одних территориях, и однообразие их жизни и хозяйственной деятельности, и ориентировка на одни и те же ремесленные центры Причерноморья, и торговля с одним и тем же партнером — Византией. Но все это затрудняет, а то и просто не позволяет достаточно четко расчленить их этническую принадлежность” (29, с. 131). Сказанное (с соответствующими уточнениями) вполне приложимо к нашей восточнокавказской и дагестанской действительности (тем более, что речь идет о булгарах, о которых мы скажем ниже). Нет необходимости доказывать, что одни и те же божеества, одни и те же религиозные представления, обряды могут быть у населения совершенно различного происхождения. Еще Расмус Раск предупреждал, что “религиозные верования, обычаи, традиции народов, их гражданские институты в древние времена — все то, что знаем о них, — в лучшем случае могут дать лишь намек на родственные отношения и происхождение этих народов”.

Сказанное не означает, что кто-то думает отрицать то очевидное, что материальная и духовная культура *тоже* является атрибутом этноса, конкретного народа. Но вопрос заключается в том, какому этносу принадлежит данная культура. Кроме того, если вспомнить о начале нашего разговора, то нам предстояло выделить в огромной массе кочевников (которые пришли в Дагестан и, судя по захоронениям и др., довольно долго проживали здесь) тот самый этнос (те самые этносы), которому принадлежали эти могильники, захоронения и др.

Для того чтобы установить этническую принадлежность той или иной группы населения раннесредневекового дагестанского приморья необходимо ориентироваться на тот признак этноса, который является постоянным, наиболее характерным и бесспорно отличающим один этнос от другого. Этим признаком является язык. Вместе с тем, язык послужит основным стержнем, на который можно нанизать элементы материальной и духовной культуры и, тем самым, нарисовать подлинный и всесторонне “освященный” портрет кочевника.

Правда, никаких письменных памятников не оставили дагестанские гунны, хазары, савиры, булгары и др. Единственно, что известно о языке дагестанских и вообще восточнокавказских кочевников-“гуннов” — это сохранившиеся в армянских и др. источниках отдельные лексемы: имена собственные, титулы, названия должностей,

имена божееств и т. п. Как показал анализ, эти лексемы имеют тюркское и иранское происхождение (4, с. 148-150; 11, с. 84; 30, с. 79) и поэтому однозначно не могут свидетельствовать о языке “гуннов”, тем более, что лексемы такого содержания чаще всего бывают заимствованными. Что касается нескольких гуннских терминов и личных имен, сохранившихся в сочинении М. Каланкатуаци — *Тенгрихан* “чудовищный герой, которому гунны приносили в жертву жаренных лошадей”, *Очи* “имя знатного вельможи”, *тархан* “титул, высокопоставленное лицо” — они, безусловно, имеют тюркское происхождение. Но они, в лучшем случае, дают основание *только* поставить вопрос о возможности наличия в составе “гуннов” Алп-Илитвера тюркоязычной группы населения, или же о том, что правящая верхушка “страны гуннов” была тюркизированной.

Наш вывод относительно “восточнокавказских (дагестанских) гуннов” удивительно точно перекликается с известными в литературе суждениями об этноязыковой принадлежности “европейских гуннов” (“гуннов Аттилы”). Многие из гуннских имен собственных, и прежде всего самого Аттилы и его сыновей, сохранившиеся в греческих и латинских источниках, как это доказал еще в прошлом веке венгерский ученый А. Вамбери, являются по происхождению тюркскими. В частности, *Аттила* созвучно тюрк. *адил-атил-атал-идил* “река, большая река”, ср. чуваш. *атыл-атал* “река”, “Кама”, “Волга”, *Дангиз//Дензих* — имя младшего сына созвучно тюрк. *дангиз-денгиз-дениз* “море”, имя старшего сына — *Эллак-Ирнак* — тюрк. “молодой человек, мулодец, герой”. Исследователи обратили внимание и на то, что ряд гуннских имен, которые в латинской и греческой транскрипции имеют окончание *-ган//-хан*, восходящее к тюркскому слову *хан* “хан”, имеют тюркское происхождение, см. например, *Забарган*, т.е. Забар-хан и др. Но, нужно подчеркнуть, что кроме имен собственных и титулов от “европейских гуннов” не сохранилось других слов. Внимание привлекает то, что как *гуннские* в источниках представлены также *славянские, угро-финские* слова. Это предостерегает нас от того, чтобы быть категоричными и однозначными относительно этноязыковой принадлежности и “европейских гуннов”. Поэтому вполне понятна осторожность проф. Веселовского, когда он говорил, что “только династия у гуннов была турецкого (тюркского-И. Д.) происхождения”. Ср. в этом же смысле замечание А. Н. Бергштама о том, что тюркский язык был языком общения правящей верхушки гуннов (31, с. 167).

Вопреки распространенному мнению, в том числе и в специальной литературе, необходимо подчеркнуть, что никаким достоверным непосредственным материалом по хазарскому языку наука не располагает. Вопрос о языке хазар (равно и об их этнической принадлежности) решался по косвенным языковым данным, сохранившимся в византийских, армянских, грузинских, арабских и др. источниках (имена собственные, названия титулов, географических объектов и дватри “обычных” слова: *кара* “черный”, *сари* “желтый, белый”, *чичек* “цветок”), и на основании разноречивых, порою взаимоисключающих сообщений древних авторов. Так, ал-Истахри отмечал, что язык хазар “не сходен с языком турок и персов и вообще не похож на язык ни одного из народов нам известных” (32, с. 39). Того же мнения придерживался Ибн-Хаукал (X в.): “язык чистых хазар не похож на турецкий, и с ним не схожен ни один из известных языков” (33, с. 133). Но, с другой стороны, оба раннеарабских автора, как писал М. И. Артамонов (со ссылкой на издание ВГА), “определенно заявляют: “язык болгар подобен языку хазар” (10, с. 115). Мнение же Бируни вносит еще большую путаницу в вопрос о месте хазарского языка среди других языков: “болгары и сувары говорят особым языком, смешанном из тюркского и хазарского” (34, с. 200). Между тем, как на это указывает М. И. Артамонов, арабские писатели, так же как и византийские, хазар причисляли к тюркам (10, с. 114 со ссылкой на: 35, с. 87; 36), хотя не надо забывать о том, что у арабских авторов (напр., у Табари, Баладзори) *тюрки* — вообще противники *арабов* в повествованиях о событиях *арабо-хазарской войны*. На фоне всех этих сообщений неожиданной кажется информация того же Ибн-Хаукала: “на их (хазар-Н. Д.) языке “царь” назывался *Бек*, а также называют *Бак*” (33, с. 109). Такой осведомленный автор, каким известен Ибн-Хаукал, не мог не знать, что термин *бек*~*бак* в таком звучании представлен в речи почти всех тюрков (турков), которые, очевидно, в его время уже обитали в районе Волги (Итилия).

Говоря конкретно о хазарском языке в собственно языковедческом плане, важно обратить внимание на следующее. Большинство из тех, упомянутых выше немногочисленных хазарских слов, имен собственных, титулов, должностей и т. п., как это подчеркивает Н. А. Баскаков, относится “к более позднему периоду развития хазарского языка, который подвергся в IX-X вв. смешению с родственными тюркскими же языками, и главным образом с языками печенегов и узов (огузов)... они, за некоторыми исключением, относятся уже по своей

фонетической структуре к языку северных огузов (печенегов и узов)” (37, с. 238)². Видимо, учитывая и это обстоятельство, известный исследователь истории тюркских языков А. М. Щербак приходит к заключению: “Четкого представления об особенностях языка хазар..., хазарских печенегов мы и не имеем” (38, с. 80). Именно, и прежде всего, отсутствие конкретных и “безоговорочных” сведений по языку хазар дает исследователям повод — и не без основания — и сегодня сомневаться в реальности существования отдельного хазарского языка и высказывать различные мнения, в том числе и отрицающие даже тюркоязычность хазар. Например, исследователь этнической истории ранних тюрков А. В. Гадло высказал мнение о том, что хазарский язык “... либо, подобно болгарскому, представлял древнейший тюркский язык, отличный от языка тюрков VI-VII вв., либо являлся языком не тюркским, а, скорее всего, угорским, принесенным переселенческими волнами, передвигающимися в Предкавказье из Южной Сибири” (4, с. 175-176). Как нам кажется, исследователь тюркских языков И. Бенциг имеет больше оснований, чтобы вообще не выделять *хазарский язык* как таковой в отдельную единицу в системе тюркских языков. Он выделяет в тюркской семье языков, как языки болгарской группы, только чувашский и более древний по отношению к нему язык волжских болгар (цит. по: 37, с. 238). Что же касается того факта, что в ряде работ и, прежде всего, в фундаментальном обобщающем труде Н. А. Баскакова “Введение в изучение тюркских языков” выделен отдельный *хазарский язык* (который включен вместе с современным чувашским языком и древним болгарским языком в болгарскую группу тюркских языков), то это сделано скорее “по традиции”, поскольку в раннем средневековье хазары, как отдельный народ, были известны и они вошли в историю в этом качестве.

Исходя из изложенного, напрашивается вывод: если для признания языка хазар *тюркским* имеется, хотя с оговорками, достаточное основание, то для выделения *отдельного хазарского языка* нет никаких доводов. Поэтому, соответственно, нужно сказать, что для выделения среди раннесредневековых кочевников Восточного Кавказа *отдельного хазарского этноса* также нет оснований.

Какими-либо данными по языкам савир, барсил, угров и др. групп кочевников, размещаемых письменными источниками на Восточном Кавказе, наука не располагает, если, конечно, не считать отдельные имена собственные, которые сохранились в сочинениях древних авторов. Поэтому нет никаких оснований выделять их как отдельные

этнические единицы. Что же касается *болгар-булгар*, которых древние авторы и современные исследователи реже всех других групп кочевников видят или почти не видят на Восточном Кавказе¹, мы на них остановимся подробнее.

Среди многочисленных групп кочевников, оказавшихся в эпоху Великого переселения народов в Восточной Европе и на Кавказе, одной из редких групп, языковая принадлежность которых — следовательно, и этническая — достоверно установлена, являются *булгарь*². Благодаря сохранившимся надписям на надгробных камнях (XIII–XIV вв.) на территории бывшей Булгарии (т. н. Волжской Булгарии) и “Именнику болгарских царей”, удалось установить, что волжские и др. булгары говорили на языке очень близком к современному чувашскому языку (об этом подробнее см.: 40, с. 13–14). Среди фонетических особенностей болгарского языка наиболее характерными и резко выделяющимися этот язык среди всех родственных тюркских языков являются: а) *протеза в-* — наличие в начале слова звукокомплекса (слога) согласный *в* + гласный на месте *о, ц, у, я*, во всех других тюркских языках; б) *ротацизм* — наличие вибранта *р* на месте *з (с)* во всех других тюркских языках; в) *ламбдаизм* — наличие сонорного *л* на месте шипящего *ш* во всех других тюркских языках (об этом подробно см.: 41, с. 179).

После установления характерных фонетических особенностей языка волжских булгар и близкого родства этого языка с современным чувашским языком удалось доказать этническую принадлежность многих групп кочевников, обитавших на юге Восточной Европы. Венгерские языковеды (И. Буденц, А. Вамбери, Б. Мункачи, З. Гомбоц, И. Зичи, Я. Мелих, Л. Лигети, Ю. Немет, А. Рашоньи, Д. Пайш, Э. Моор и др.) в современном венгерском языке выделили тюркизмы, характеризующиеся фонетическими особенностями, присущими только языку волжских булгар и чувашскому языку. Таким образом, было установлено, что среди тех древнетюркских племен, которые оседали на территории современной Венгрии в V–VI вв., и в составе орды Аспаруха были группы, говорившие на языке, идентичном языку волжских булгар и чувашскому языку. Этническое лицо населения, которое в раннем средневековье смешалось с местным славянским населением и дало название современной славянской стране *Болгария*, было установлено по выявленным в современном болгарском (славянском) языке болгарским лексическим элементам. Булгарская принадлежность раннесредневековых тюрков, контактировавших с древ-

нерусским и другим восточнославянским населением, была установлена опять-таки по лексическим элементам, сохранившимся в древнерусских и др. летописях, а также в современном русском, украинском и др. языках³.

В одном из дагестанских языков — лакском, носители которого исторически проживают в центральной горной части Дагестана, среди многочисленных заимствований из различных тюркских языков (азербайджанского, кумыкского и др.)⁴ выделен довольно большой пласт лексем, болгарское происхождение которых устанавливается благодаря, прежде всего, отмеченным выше специфическим болгарско-чувашским фонетическим особенностям и, тем самым, доказано, что на территории современного Дагестана в близком соприкосновении с предками лакцев находились *истинные булгары*, родственные по языку волжским булгарам и тем булгарам, которые соприкасались с мадьярами, болгарями (славянами), восточными славянами, а также современным чувашам. Здесь нет необходимости и возможности давать историко-этимологический анализ каждого лакского болгаризма⁵. Поэтому, для наглядности несколько подробно остановимся на примерах с *протезой в-*, с *ротацизмом*, с *ламбдаизмом* и приведем список болгаризмов, которые по своему содержанию (семантике) достаточно ярко будут свидетельствовать о характере взаимоотношений кочевников-булгар с предками лакцев и, вообще, с аборигенным населением тогдашнего Дагестана.

Пример с *протетическим в-*:

Вири — в современном лакском языке употребляется как краткая форма прилагательного *вирисса* “молодой, юный; бодрый, свежий; зеленый, находящийся еще в соку (в прям. и перен. значениях)”; *вири-ну* — соответ. наречие; *вири-чу* (*чу* — искон. лак. “мужчина”) “молодец, храбрец, герой; молодой человек, юноша; новобрачный”; *вири-цар* (*цар* — искон. лак. “женщина, жена”) “девушка, созревшая девушка; барышня, красавица; невеста, новобрачная”. На полях рукописной книги “Китаб ал-Куттаб” (дата переписки 1304–1305 гг.) зафиксировано *вири хьар* (*хьар* — старое фонетич., которое впоследствии, после XVIII в., перешло в *цар*) в значении араб. *бикрун* “девственница, девушка, девственный, чистый; первенец, первый приплод” (44, с. 131); *вири хьун* “стать молодым; посвежить, возродиться (о человеке, растениях)”. Первоначально форма *вири* употреблялась в функции имени существительного, см. форма множ. числа *вир (и) т-тал* “молодцы, герои; молодые люди, юноши”, в котором выделяется

вири и аффикс множ. числа *-ттал*. *Вири* не имеет этимологии на лакской и вообще на дагестанской почве. Оно также не имеет своих генетических корреспондентов (соответствий) в родственных дагестанских языках. Ср. чуваш. *вар* “семя, семечко, семена”, которое входит в одно этимологическое гнездо с др. -тюрк. *ури* “сын, юноша”, *урузь*~*уризь* “зерно, семя, род, потомство”, тувин. *урузь* “ребенок, девочка; младшая сестра”, уйгур. *уры* “сын” (45, с. 49; 46, с. 604-606). Необходимо оговориться, что явление *протезы в-* лакскому языку чуждо, оно не проявляется и при адаптации заимствованных слов, см., напр., заимствованные из азерб. и кумык. языков: *урдак* “утка”, *угъраш* “подлец”, *ухттан* “гоф дый, спесивый”, *уртакъ* “компаньон, товарищ”, *ужагъ* “очаг” и др. По данным чувашского языка можно предположить, что лакский булгаризм *вири* в источнике заимствования звучал в форме *вири или *зыри (с последующим переходом *ы* в *и* в лакском языке). Как считают исследователи, в чувашском языке после XI в., и не без влияния соседнего татарского языка, произошел общий процесс *о>у, ц>я, у>д, я>е, ы>а, и>е* (70, с. 39-40). Поэтому вполне допустимо, что первоначально булг. -древнечуваш. *зыри дало в современном чувашском *вара*.

Пример с явлением *ротацизма*:

Вир. Эта основа представлена: 1) в форме род. падежа в функции определения в сложном слове *вирттил оьрчI* букв. “*вир-а* дитя”, т.е. “дитя, ребенок, грудной ребенок, малолетний”. См. также аналогичное образование в лакском языке: *лякь-лул оьрчI* букв. “живота (утробы) дитя”, т.е. перен. “родное дитя, родной (ая), родимый (ая)”; *лякьлул* — форма род. падежа от лак. *лякьа* “живот, утроба, матка”. В этом же значении как синоним употребляется и *вирттилу оьрчI* букв. “дитя (ребенок), находящийся под животом”; здесь *вир* стоит в местном падеже в значении “под”, “внизу” и выступает как определение; 2) как компонент сложного слова *вирдакI* “сердцевина, ядро, мякоть плода; внутренность, нутро”, перен. “сущность, основное”; здесь *дакI* искон. лак. “сердце; сердцевина”. *Вир* отдельно в современном лакском языке не употребляется. Ср. чуваш. *вар* “живот, желудок, брюхо, внутренность”; *пер варла* “единоутробный”; *варанни* “паховая грыжа”; *вара* “сердцевина дерева” (48; 49); с учетом ротацизма см. также: др. -тюрк. *цз* “сердце, сердцевина; живот; внутренности, внутренние органы тела”, *урузь цзлугъ* “родственники”; *цздн* “кровеносный сосуд” (50); азерб. *цзк* “ядро, сердцевина, стержень” (51); кумык. *цзек* “сердцевина, ядро; овраг, ручей” (52); турец. *цз* “внутренность,

сердцевина, сущность; собственный, родной” (53). См. также: гунско-булгарское название р. Днепр — *вар*; чуваш. *вар* “долина; сердцевина, чрево” (54, с. 51); башк. *узк* “долина, русло реки”; кумык. *цзен* “речка, река” (52).

Пример с явлением *ламбдаизма*:

Алчмай “бабка, игральная кость, альчик”: *алчмай бутан* — тойч. словосоч. “приметить, пришить на живую нитку”. Ср. кумык. *ашик* “альчик” (52); азерб. *ашуг* “альчик” (51). Известно, что в ряде случаев общетюркскому *ш* в болгарском соответствовал комплекс *чч*: ср. русск. булгаризм *альчик* — общетюрк. *ашук* “альчик”; русск. булгаризм *колчан* — др. -тюрк. кеш “колчан, пояс”; венгерск. булгаризм *болесо* “колыбель”, словац. булгаризм *болчав* — др. -тюрк. *бешик* “колыбель” (42, с. 8). Видимо, болгарским заимствованием нужно считать и кумык. *алчы* “вогнутая сторона альчика” (52).

Список булгаризмов в лакском языке:

Виура~*вивра*~*вира* “род сладости в виде густой массы из поджаренных и размолотых семян льна, меда и топленого масла; кашпа из голокна и раскрошенного овечьего сыра”; перен. “жижа; бурда”. *Вирин* представлено в составе глагольной формы *вирин изан* 1) “возбуждаться, почувствовать половое возбуждение; почувствовать (себя) помолодевшим”; 2) “обновиться (о растениях)”. *Вирхху* “кратковременный дождь, который мгновенно начинается и мгновенно перестает”; в этом же значении *вирхху гъарал* (здесь *гъарал* искон. лак. “дождь”). *Вит* “сыворотка (жидкость, остающаяся от заквашенного молока после снятия творожной массы)”; является обособившейся формой от глагола *вит хьун* “створожиться, прокиснуть”; см. *нис-вит хьун* в этом же значении, где *нис* искон. лак. “творог, сыр”. *Вилаган* (*лаган* искон. лак. вспомог. глагол “выполоскать, прополоскать (посуду, белье после стирки)”. *Виргъан* “одеяло, покрывало”. *Зана бикIан* (*бикIан* искон. лак. вспомог. глагол “быть”) “вернуться, повернуться, возвратиться”; *зана бикIу* (отглагольное имя) “возвращение, возврат; что-л. ответное”. *Зукка* “веретено”. *Гъан*: *гъансса* “близкое; то, что рядом; близкие, родственники”; *гъанчу* (*чу* искон. лак. “мужчина”) “родственник, близкий”; *гъан хьун* (*хьун* искон. лак. вспомог. глагол “стать, получить”) “приблизиться, сблизиться”. *Гъин(сса)* “теплый”, *гъили дан* “разогреть”. *Гъал* 1) “козья шерсть”; 2) “грива(льва)”. *Лантту* 1) “край платка”; 2) “подол платья”. *Лагъмак дан* “питаться скромно, закусить, прикусить; обходиться малым”. *Лакмак дан* “сделать что-л. второпях, неряшливо; замазать, разма-

зать”. *Жиг*: представлено в глаголе *жиг учин* “пришить верх обуви к стельке способом сборки”; *жигу* (-у — словообраз. афф.) “складка; сборка, наметанная ниткой; шов со сборкой (на одежде)”; *жигу бан* “сделать сборку”; *жиг батлин* “поморщиться, сморщиться; смеяться (об одежде)”. *Чикл битан* “крепко связать, крепко привязать”; *чиклу* (-у — словообраз. афф.) “то, чем затягивают узел; кусок дерева и др. которым путем закручивания затягивают веревку, ремень”. *Ччар дан* (*дан* искон. лак. вспомог. глагол сделать) “раскрошить, разломать, размельчить”, перен. “разгромить, разбить”; отсюда обособившаяся форма *ччар* “размельчение стеблей (снопов), чтобы отделить пшеницу от мякины; место (площадка), на котором размельчивают стебли и делают мякину”. *Ччара*: представлено в устойчивом словосочетании *ччурул щин* букв. “вода ччар-а”, т.е. “сукровица, гнойный выпот, гной”. *Ляхъин* “родня, родственники-близкие”. *Ляхъин батлин* (*батлин* искон. лак. “собраться, сморщиться”), которое в современном лакском языке как фразеологизм означает “сморщиться, собраться коже на обуви при сушке у огня”. *Цулкъя* 1) “куколка (самодельная)”; 2) “спленованный ребенок”; 3) “печенье, хлебец”. *Цулцу бан* (*бан* искон. лак. “сделать”) “запеленать, завернуть, обернуть (например, ребенка, большую ногу)”. *Цюлкъя (сса)* “увечная, неподвижная (о руке); неумелый, беспомощный (о работе, человеке)”. *Цухла бишин* (*бишин* искон. лак. глагол, букв. “положить”) “обыскать, произвести обыск; пошарить, покопаться в чужих вещах”; *цухла* — обособившаяся форма, “обыск, проверка”. *Абра* “месте, где воюют, фронт; граница”. *Бурки* “тонкий пирог (с начинкой из творога, крапивы и т. п.)”. *Тилачи* “палочка, которой помешивают кашу во время варки”. *Бюрни* “олень”. *Бурса* “иней (при сильной стуже)”. *Оьрту* “кувшин”. *Аъата* “толстая кишка (мелкого рогатого скота)”. *Чарсса* “бусы, ожерелье”. *Щяпа* “прут, ветка, розга”. *Яхша* “лапыша”. *Барбала* “пугало, страшилище”; *барбаллу* “лохмотья”. *Къюш буккан* 1) “говорить остроумно, красноречиво; обвораживать”; 2) “принарядиться, стать неотразимым”. *Къишу* “щеголь, франт, нарядно одетый”. *Ссигъа* “загадка”; *ссигъри бичлан* букв. “сыпать загадки”, т.е. “играть в загадки-отгадки; говорить непонятно, озадачивать собеседника”. *Халмаж* “шатер (тент) у могилы для чтеца Корана” (в даргинском *халмаж* “шест над могилой”).

Приведенные выше слова позволяют безоговорочно сказать, что среди раннесредневековых кочевников, обитавших на территории современного Дагестана, были и *булгары*, которые говорили на *бул-*

гарском языке, идентичном по своим фонетическим особенностям: а) языку волжских булгар, которые образовали раннефеодальное государство Булгарию и язык которых послужил основой формирования современного чувашского языка; б) языку булгар, с которыми контактировали предки венгров-мадьяр до IX в. по пути следования из Западной Сибири на свою новую родину; в) языку ранних тюрков (“булгар”, “авар”), обитавших на Дунае и севере Балканского полуострова; г) языку булгар, которые обитали в Северном Причерноморье и с которыми контактировали восточные славяне (предки русских и др.). Так как ни в одном дагестанском языке не обнаружены другие тюркские слова, не являющиеся заимствованиями из азербайджанского, кумыкского или другого известного тюркского языка, то можно сказать, что под различными наименованиями, такими, как “гунны”, “саиры”, “хазары” и др. “скрывались” истинные булгары.

Фонетический облик приведенных слов позволяет поставить вопрос: либо язык *дагестанских* булгар был в диалектном отношении сильно “смешанным” (то есть он, кроме “классических” булгарских особенностей, имел и другие особенности, известные языку волжских булгар, а также некоторым “сибирским” тюркским языкам, как *джокаш/жсаканье*, наличие в *анлауте* сонорных *н//л*, соответствующих общетюрк. *й=ј*), либо лакцы контактировали, кроме как с булгарами, и с другими тюркскими племенами. Наличие в лакском языке этимологически угро-финнских слов, как *гъумала ккиж* “кресс-салат, хмель”, *ккири* “кожура, береста, кора; скорлупа; пленка, выросшая на месте содранной кожи” и др., позволяет думать, что в составе булгар было и тюркизированное угорское население, или — что тоже не исключено — лакцы контактировали непосредственно с самими уграми.

Открытым пока нужно оставить вопрос о том, где и при каких обстоятельствах могли предки лакцев контактировать с булгарами. Во всяком случае, бесспорно то, что, для того, чтобы в лакский язык могло проникнуть столь значительное количество слов самой разнообразной тематики, относящихся к различным отраслям лексики, контакты должны были быть непосредственными на всех уровнях человеческой деятельности. В этой связи внимание привлекают культовые, ритуальные термины и понятия как, например, *халмаж*, *къюш уккан*, *къишу*, *ссигъа*, *барбала* и др.⁸, появление которых в лакском языке нельзя объяснить на уровне заимствования обычных лексических единиц. С другой стороны, мы не имеем никаких свидетельств,

которые бы говорили о возможности обитания предков лакцев в другом месте, близко к равнине, приморью, рядом с предполагаемыми местами обитания булгар. Но мы не располагаем и удовлетворительными сведениями о том, что булгары могли быть в горах где-то рядом с лакцами. Может быть, булгары, в силу каких-то обстоятельств, пришли на лакскую территорию и вскоре растворились среди местного населения (?!).

Мы пока не имеем удовлетворительного ответа и на другой вполне закономерный вопрос: почему не обнаружены (кроме отдельных лексем) в сколько-нибудь значительном количестве болгарские слова в аварском, даргинском, лезгинском и др. дагестанских языках, территория распространения которых (в отличие от лакского) непосредственно примыкает к равнине, приморью. Но "отгородиться" традиционным академическим "пока не обнаружено" тоже не можем, потому что каждое из приведенных выше болгарских слов мы искали в этих языках по общепринятой методике лингвистических исследований.

¹ В русле наших замечаний характерно и то, что по мнению С. А. Плетневой *Барсилия* и *Баланджар* это одно и то же.

² Между прочим, многие авторы, в том числе лингвисты, ссылаясь на данную работу Н. А. Баскакова, когда речь идет о хазарском языке и его близком родстве с болгарским или чувашским языками, к сожалению, совершенно не обращают внимания на это ясное и принципиальное для тюркологии предостережение авторитетного ученого-лингвиста.

³ В этой связи следует выделить работу Я. А. Федорова и Г. С. Федорова (39).

⁴ В литературе употребляют термины "болгары" и "булгары". В нашей статье, следуя традиции, мы используем "булгары", а в ссылках — так, как у автора.

⁵ Из последних работ этого направления см.: 42 и ряд других публикаций Н. Г. Добродомова по теме.

⁶ О заимствованиях из азербайджанского, кумыкского и др. языков в лакском и других дагестанских языках подробно см.: 43, с. 55-239, там же литература по вопросу.

⁷ Историко-этимологический анализ болгаризмов в лакском и др. дагестанских языках подробно см.: 40: 43, с. 11-55, там же литература по вопросу.

⁸ Подробный анализ этих терминов см.: 55.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Плетнева С. А. Хазары. М., 1976.
2. Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983.
3. Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы. М., 1990.
4. Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л., 1979.
5. Гмыря Л. Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Могильники. Махачкала, 1993.
6. Гмыря Л. Б. Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала, 1995.
7. Гевонд. История халифов Вардапета Гевонда, писателя VIII века. СПб., 1862.
8. Моисей Хоренский. История Армении Моисея Хоренского. М., 1893.
9. Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк. Ереван, 1984.
10. Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
11. Зильфельдт-Симуяги А. Р. К вопросу о языке хазар // Сов. тюркология. 1988. №6.
12. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. М., 1979.
13. Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.-Л., 1941.
14. Феофан Исповедник. Хронография // Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. М., 1980.
15. Котович В. Г. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу // Древности Дагестана. Махачкала, 1974.
16. Гаджиев М. С. О местоположении Варачана // РА. 1995. № 2.
17. Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961.
18. Путинцева Н. Д. Верхнечирюртовский могильник (предварительное сообщение) // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1961. Т. II.
19. Магомедов М. Г. Население Приморского Дагестана в VII-VIII вв. / Плиска-Преслав. 2. София, 1981.
20. Котович В. Г. Об этнической принадлежности раннесредневековых катакомбных захоронений Прикаспийского Дагестана // Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тез. докл. Махачкала, 1975.
21. Ковалевская В. Б. Северокавказские древности // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
22. Федоров Г. С. Северный Дагестан в раннем средневековье (историко-археологические очерки). Авт. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1970.
23. Федоров Г. С. Погребальные сооружения и обряды погребений Верхнечирюртовских могильников и их этническая интерпретация // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1974.
24. Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.

25. *Смирнов К. Ф.* Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья-Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // С.А. 1972. № 1.
26. *Кузнецов В. А.* Очерки истории алан. Орджоникидзе. 1984.
27. *Абрамова М. П.* Катакомбные и склеповые сооружения Юго-Восточной Европы // Археологические исследования на юге Восточной Европы. 1982.
28. *Мошкова М. Г.* К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе // История и культура сарматов. Саратов, 1983.
29. *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге. М., 1964.
30. *Джафаров Ю. Р.* Гунны и Азербайджан. Баку, 1985.
31. *Берштам А. Н.* Очерк истории гуннов. Л., 1950.
32. *Ал-Истахри.* Книга путей и царств // СМОМПК. Вып. XXIX. Тифлис, 1901.
33. *Ибн-Хаукал.* Книга путей // СМОМПК. Вып. XXXVIII. Тифлис, 1908.
34. *Zeki Validi Togan A.* Jbn Fadlans Reizebericht Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes. XXIV, 3. Leipzig, 1939.
35. *Moravcsik G.* Zur Geschichte der Onoguren // Ungarische Jahrbuch, X, 1930.
36. *Ктолько М.* Araber und Khazaren // KCSA, 1924. Febr.; 1925. Apr.
37. *Баскаков Н. А.* Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.
38. *Щербак А. М.* О рунической письменности Юго-Восточной Европы // Сов. тюркология. 1971. № 4.
39. *Федоров Я. А., Федоров Г. С.* Ранние болгары на Северном Кавказе // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. Ставрополь, 1968. Т. VI.
40. *Джидиалаев Н. С.* Далекое близкое. Махачкала, 1989.
41. *Щербак А. Н.* Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
42. *Добродомов П. Г.* Проблемы изучения болгарских лексических элементов в славянских языках. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1974.
43. *Джидиалаев Н. С.* Тюркизмы в дагестанских языках. Опыт историко-этимологического анализа. М., 1990.
44. *Китаб ал-Куттаб ("Книга писателей").* Переписчик Мухаммед б. Абд ар-Рахман аз-Зирехкарани. Дата переписки 1304-1305 г. // РФ Института НАЭ ДНЦ РАН. №1.
45. *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
46. *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Обще-тюркские и межтюркские основы на букву "Б". М., 1978.
47. *Матвеев Т. М.* Краткий обзор чувашских диалектов // Материалы по чувашской диалектологии. Чебоксары, 1960.
48. *Ашмарин Н. П.* Словарь чувашского языка. Казань. Чебоксары, 1928-1950. Т. I-XVII.
49. Русско-чувашский словарь. Под. Ред. Н. К. Дмитриева. М., 1951.
50. Древнетюркский словарь. Л., 1962.
51. Азербайджанско-русский словарь. Сост. Х. А. Азизбеков. Баку, 1965.
52. Кумыкско-русский словарь. Сост. А. Г. Магомедов. М., 1969.
53. Турецко-русский словарь. Сост. Д. А. Магазаник. М., 1931.
54. *Ашмарин Н. И.* Болгары и чуваша. Казань, 1902.
55. *Джидиалаев Н. С.* Заметки о двух древнебулгарских магических терминах // Мифология народов Дагестана. Махачкала, 1984.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ПРИКАСПИЙСКОМ ДАГЕСТАНЕ

Единого общепринятого взгляда на этногенез кумыков, история которых связана с археологическими памятниками средневекового Прикаспийского Дагестана, до сих пор не существует. Одни исследователи придерживаются миграционной теории, расходясь во мнениях о том, когда появились предки кумыков в Прикаспийском Дагестане (1, с. 190-191; 2, с. 22; 3, с. 39; 4; 5; 6, с. 24-25; 7, с. 146, 557-560; 8), другие — автохтонной теории (9; 10, с. 621; 11, с. 236-241; 12, с. 228-229; 13; 14, с. 16; 15; 16, с. 104-116; 17, с. 204-207; 18, с. 68-73; 19, с. 33-45). Поэтому в последнее время появились “околонаучные деятели”, ищущие предков кумыков среди различных “престижных” народов древней истории — шумер, киммерийцев, скифов, гуннов, кипчаков и др. (20; 21, с. 104-126) или возводят их родословную, как и русских, казаков и др., к единому корню — к половцам (22).

Изучение материалов истории, этнографии, археологии и лингвистики позволяет представить более взвешенную и убедительную версию о происхождении и этническом развитии кумыков.

Территория плоскостного и предгорного Дагестана, ныне занятая кумыками, была заселена с глубокой древности. В албанское и раннесредневековое время здесь локализируются местные дагестанские племена, известные античным, армянским и грузинским письменным источникам, под названием *гелы* и *леги* (23, с. 36-51). Эти этнические наименования, как и современное название “дагестанец”, следует рассматривать, как суперэтническое наименование близкородственных племен, говоривших на языке дагестанской группы восточнокавказских языков. Легами назывались предки современных лакцев, аварцев, даргинцев, кумыков, лезгин и др. современных народов Дагестана. Эти местные племена занимали территорию Дагестана “от моря Дарубандского (Каспийского — О. Д.) до реки Ломеки (Терека — О. Д.)” (24, с. 22). По сведениям античных авторов — Страбона и Плутарха — легов отделяла от амазонок река Мермодаль (Термодонт — по Плутарху) (25, с. 477-478; 26, с. 359), которую большинство кавказоведов отождествляет с Тереком (27, с. 334-335; 28- кар-

та II; 29, с. 70; 30, с. 39; 31, с. 59-63). Иными словами, имеющиеся источники распространяют границы территории гелов и легов до Терека. До этих же пределов доходят памятники местной автохтонной культуры албанского времени Северо-Восточного Кавказа. Они (эти памятники) отражают влияние сармато-аланских кочевников. Причем это влияние угасает по мере продвижения к югу и горам Дагестана. По имеющимся в нашем распоряжении источникам, племена Прикаспийского Дагестана, оставившие эти памятники, в IV-X вв. подверглись влиянию культуры тюркских кочевых племен, а к XII-XIII вв. восприняли и их язык.

Первое упоминание о тюркоязычных кочевниках на этой территории относится ко времени Великого переселения народов. Армянский писатель V в. Фавстос Бузанд упоминает *гуннов* в связи с событиями 30-х годов IV в.: царь маскутов Санесан (или Санатрук, по Хоренаци) собрал против армян огромное войско в составе гуннов, похов, таваспаров, хечматаков, ижмахов, гатов, глуаров, гугаров, шичбов, егерсванов и “множества других разношерстных племен” (32, с. 15; см. также: 33, с. 145-147). Это сообщение, правда, некоторые ученые считают анахронизмом. Массовое проникновение гуннов в Прикаспийский Дагестан к 70-м годам IV в. ни у кого не вызывает сомнения. С этого времени территория прикаспийской низменности, между современной Махачкалой и Дербентом стала именоваться “Страной гуннов” со столицей *Варачан*, а часть населения приморской территории — “гуннами”. Однако, под этим наименованием скрывались не только пришлые тюркоязычные кочевники — савиры, болгары и др.¹, но также оставшееся здесь местное население гелов и легов.

Армянские и албанские источники среди тюркских народов упоминают *барсильов*, названных ими “сильным племенем”. Арабские авторы Баладзори и Кудама описывают встречу Хосрова I Ануширвана с “царем турок” в *Баршалии* (34, с. 31). Византийский историк Феофан приводит название древнехазарской области — *Берзилиа* (35, с. 263). Хазарский царь свою летнюю резиденцию называет *Варшан* (36; 37, с. 5-13). В науке существует разногласия о месте расположения *Варачана*. В. Г. Котович локализует его на месте Урцекского городища. Д. Данлоп, В. Ф. Минорский и др. возводят Варшан и Варачан к современному топониму Баршли (Башликент), который происходит от раннесредневекового этнонима *барсилы* (38; 39; 40, с. 43-44, map; 41, с. 182-196). Варачан отождествляет с современным Шахсенгерским городищем, расположенным в 8 км от современного

Башликента, М. С. Гаджиев (42, с. 77-78; 43, с. 29-35). Мне представляется, что эта точка зрения отвечает источникам. Названное городище характеризуется мощной системой укреплений² и остатками легких турлучных жилых сооружений или юрт. Даже внутри цитадели не отмечены каменные строения, что указывает на ее принадлежность степной кочевнической культуре (44; 45; 46, с. 48). Источники дают характеристику населения Варачана, их образа жизни, религии и т. д. (47, с. 193-238). В 681/2 г. миссия епископа Израиля посетила полководца и великого князя гуннов Алп-Илитвера в Варачане (38, с. 128-129; 41, с. 182-196; 48, с. 55-62). При прослеживании пути следования посольства выходит, что Варачан расположен на небольшом расстоянии к северу от Дербента. На это же указывают и другие источники. Йакуби, например, сообщает о встрече арабского полководца Масламы в 732/3 г. с войсками хазар во главе с самим каганом у Варачана (Варсан) (49, с. 6). Маслама поспешно отступил к Дербенту, покрыв в сутки расстояние равное двум нормальным дневным переходам, “при последнем издыхании”, они “еще живыми добрались до Дербента” (50, с. 216-217). Если за суточный переход принять расстояние около 30 км в день, то 45 км, отделяющие Дербент от места расположения Шахсенгерского городища, должны были показаться арабским войнам за двухдневный переход.

Другое крупное городище, расположенное в долине р. Гамриозень, недалеко от Шахсенгерского городища, — это Таргу. Оно состоит из цитадели, шахристана и рабада. Имеет высокоразвитую каменную архитектуру: мощную систему укреплений, общественные, культовые, жилые и хозяйственные сооружения, генетически связанные со строениями предшествующего времени. Многие сооружения самого городища использовались и в албанское, и в раннесредневековое время. Основное население этого городища, скорее всего, было местным. Вместе с тем, в этих раннесредневековых городах, видимо, во всяком случае, в отдельные сезоны года жило и тюркоязычное население. Очевидно, с ними связаны катакомбные погребальные сооружения, расположенные в окрестностях городища Таргу. По своим размерам и характеру фортификационных сооружений оно соответствует средневековому городу. Современное название городища — Таргу генетически восходит к названию средневекового города Таргу — Хамрин — Хамзин (51, с. 57-82). Сохранились сведения о его захвате наместником Армении, будущим халифом Мерваном ибн Мухаммедом. Арабы учинили здесь страшные разорения, разрушили

не только Хамзин, но и 300 других окрестных селений (52, с. 55). В составе этих разоренных населенных пунктов, видимо, были и более крупные, дошедшие до нас в виде городищ — Эскиюрт, Чакавуркент, Башлыкентские 1-4 и др. После разгрома, учиненного арабами, “царство гуннов” распалось на 2 части, соответственно двум болгарским племенам, которые входили в его состав: *савир-сувар* и *барсил-берсула*. Населенная савирами часть царства стала называться по имени главного города Хамзина (Хасина), другая часть, где находился город Варачан, образовала царство барсил. Эти территории барсил и савир составляли южную часть Хазарского каганата. Барсилы, под названием которых в какое-то время, видимо, скрывались и савиры, по мнению Маркварта, занимали территорию до Сулака или Терека (53). В сирийской хронике VI в. дается перечень тринадцати народов (угров, савир, болгар, куртигур, авар, хазар и др.), живущих за воротами Дербента в “пределах гуннских” (54, с. 165).

Таким образом, племена гуннов, в составе которых были барсилы и савиры, имели условия для активного воздействия на местное оседлое население гелов и леггов, оказавшееся в составе политического объединения гуннов. Это влияние, видимо, особенно сильно выразилось в языке. В то же время тюркоязычное население со временем частично ушло в другие регионы, частично рассеялось, а оставшаяся часть растворилась в местной среде. После распада “царства гуннов” территория Прикаспийского Дагестана от междуречья Сулака и Терека до Дербента продолжает именоваться “пределами гуннов”, а пестрое в этническом плане население — “гуннами”. Влияние тюркских племен, особенно тюркского языка, еще более усилилось вместе с образованием Западно-тюркского, а затем и Хазарского каганата.

Вторжение орд Западного тюркского каганата в VI в. привело к распаду болгарского объединения, а их разгром хазарами около 670 г. вынудил к переселению на Волгу и Дунай. Однако, какая-то часть болгар осталась на месте, видимо, покорилась хазарам и в дальнейшем выступала под их именем. Более того, под именем “хазар” выступал конгломерат разнообразных племен, говоривших на разных, но близких друг другу тюркских языках. В письме хазарского царя Иосифа придворному кордовского халифа Абдаррахмана III еврей Иосифу Ибн-Шафруту сообщается, что у легендарного родоначальника хазар было 10 сыновей: Агийор, Тирас, Авар, Угин (Угуз), Билз, Т-р-на, Хазар, Знур, Б-л-г-д, Савир. Арабские авторы X века (ал-

Истихри, Ибн-Хаукаль) отмечали, что язык болгар подобен языку хазар. Феофан отмечал, что “хазары — великий народ, вышедший из Барсиллии” (36, с. 74, 98-104; 37, с. 7, 9). В их составе находились местные северокавказские, в том числе дагестанские, племена. Сближению местного населения с тюркоязычными племенами способствовали арабо-хазарские войны, где местное оседлое и пришлое кочевое тюркоязычное население единым фронтом выступали против общего врага.

Проникновение тюркских племен на территорию Северного Кавказа продолжается и в постхазарское время. В IX-X вв. на Северном Кавказе и южнорусских степях господствовали кочевые племена тюрков-печенегов, тюрков-берендеев, а в XI в. здесь появились половецко-кыпчакские племена (куманы, кимаки). К концу XI в. кыпчаки играли на Северном Кавказе активную политическую роль, вытеснив оттуда печенегов (55, с. 115-116). Они проникли в центральную часть Предкавказья и в Приморский Дагестан (55, с. 118). С ними в Дагестане связывают Мнатлинский могильник и каменные изваяния, обнаруженные на городище Генторун у сел. Карабудахкент, в Экибулаке Буйнакского района, на Чопалов-тепе Бабаюртовского района, около г. Темир-Хан-Шура (ныне г. Буйнакск) и в Каякентском районе (56, с. 166-171). Все эти изваяния передают образы монголоидных мужчин и женщин. Очевидно, кыпчаки занимали территорию равнинного Предкавказья от нижнего Дона до Дербента, составляющую часть Дешт-и-Кыпчака. Количество их на Северном Кавказе, видимо, было внушительным. В 1118 г. грузинский царь Давид IV Строитель при подготовке войны против тюрков-сельджуков пригласил к себе около 40 тысяч воинов-кыпчаков, составивших постоянное войско царя (55, с. 119-124; 57, с. 336). Еще несколько десятков тысяч кыпчаков переселяются в Грузию при царе Георгии III (1156-1184 гг.) (55, с. 119). При этом здесь остается такое их количество, которое было способно вместе с аланами противостоять позднее татаро-монголам Джебе и Субудая и вынудить их искать пути преодоления путем подкупа и обмана. Только после этого татаро-монголам удалось разгромить поодиночке алан и кыпчаков (58, с. 26, 31-33). В результате, кыпчаки были рассеяны, часть ушла за Днепр (59, с. 145), но все еще оставались силы, способные вместе с русскими дать сражение татаро-монголам при р. Калке в 1223 г. (60, с. 229). Остатки разгромленных кыпчаков ушли к Дербенту. Но и здесь они продолжали свои активные действия, направленные как против народов

Закавказья, так и против населения Дагестана, в том числе и Дербента. Это привело к созданию антикыпчакской коалиции из закавказских и дагестанских государств и в итоге к разгрому кыпчаков. Как сообщает Ибн ал-Асир, “мусульмане, курджи и лакзы и другие... уничтожили их, грабили и захватили в плен, так что кыпчакский раб (малюк) продавался в Дербенте-Ширване по (самой) низкой цене”. После поражения кыпчаки перешли в страну лакзов (59, с. 145-148). В 1234-1240 гг., во время войны с аланами, татаро-монголы вели военные действия и против народов Дагестана. Ибн ал-Асир писал, что татаро-монголы, пройдя мечом и огнем Азербайджан и Дагестан, “направились в земли кыпчаков, одного из самых многочисленных племен тюркских, и избили всех тех, которые сопротивлялись им; остальные бежали в болота и на вершины гор, покинув землю свою, и ею овладели татары”. И далее он повторяет, что из разгромленных кыпчаков “одни укрылись в болотах, другие — в горах, а иные ушли в страну русских” (58, с. 3, 26). Предполагается, что “высокими горами”, куда бежали кыпчаки, могли быть Кавказские горы. Они могли быть одним из главных компонентов формирования карачаевского и балкарского народов. Что касается “болот”, куда отступили кыпчаки, то некоторые ученые отождествляют их с заболоченными местами в низовьях Терека, где еще с предмонгольского времени проживало значительное количество кыпчаков. С приходом кыпчаков-половцев, Северо-Восточный Дагестан, где имелось древнее тюркоязычное ядро, складывавшееся еще с IV в. в результате ассимиляции местным дагестанским населением племен болгар, савир, барсил, гуннов и др., превратился в тюркоязычную зону. Немаловажную роль в тюркизации местного населения сыграло включение их в состав Золотой Орды. В середине XIII в. итальянский путешественник Плано Карпини в числе покоренных татаро-монголами племен называет *кумуков* (61, с. 35-36, 42).

О происхождении этнического наименования *кумыки* высказаны разные мнения. Большинство исследователей (А. Бакиханов, С. А. Токарев, С. Ш. Гаджиева и др.) возводят его к названию половецко-кыпчакского племени *кимаков*, появившихся в степях Предкавказья с XI в. (12, с. 228-229; 19, с. 45; 62, с. 14; 63, с. 91). Другие связывают этот термин с тюрк. *кум* “песок, песчаная пустыня” (64, с. 108-122). Я. А. Федоров, Г. С. Федоров выводят его от наименования лакского селения Кази-Кумух, являвшегося длительное время резиденцией шамхалов (16, с. 112-115; 65, с. 138). Как бы не решался этот вопрос,

появление к XIII в. этнического названия *кумыки* указывает на формирование к этому времени этноса со своим наименованием. Правда, образование основного ядра кумыкского народа некоторые исследователи относят к X-XI вв. (12, с. 229).

Таким образом, имеющиеся исторические сведения позволяют утверждать, что кумыки сформировались как народность на местной основе. По материальной и духовной культуре они мало чем отличаются от коренных народов Дагестана. Лишь при более тщательном изучении устанавливаются элементы быта, отдельные хозяйственные строения, редкие реликты идеологических представлений (календарные обряды, отдельные фольклорные мотивы), восходящие к степной культуре кочевников. Это ни в какой мере не делает кумыков чужими в общедагестанском суперэтническом единстве. Материальная и духовная культура, а также сознание причастности к единой Родине — Дагестану сближает их со всеми народами края.

Не отличаются кумыки от народов Дагестана и по антропологическим признакам. Они, как и лезгины, даргинцы-кайтаги, относятся к каспийской группе популяций. Причем, все они могут быть включены в число типичных представителей каспийского типа. В Дагестане этот тип почти всегда проявляется в смешанном виде, обнаруживая примесь либо по пигментации, либо по ширине лица, либо по обоим этим признакам вместе. Так что формирование антропологического типа кумыков представляется результатом разной по степени интенсивности смешения представителей каспийской и кавказской (авары, андо-дунтийцы, лакцы и собственно даргинцы) групп популяций. Правда, кумыки имеют наиболее темную пигментацию, что, по всей вероятности, свидетельствует об интенсивном участии каспийского типа в образовании их антропологических особенностей (66, с. 203-204; 67, с. 167-169, 173).

Отличает кумыков от коренных народов Дагестана язык. Специалисты-тюркологи относят кумыкский язык к кыпчакско-огузской подгруппе тюркских языков, отмечают в его основе общие исторически сложившиеся булгарские и, главным образом, позднейшие огузо-половецкие черты (68, с. 41). Вполне возможно, что кыпчакский язык, как язык господствующего на этой территории племени, одержал победу в среде этноса, в течение нескольких столетий до этого подготовленного к восприятию тюркского языка. Вместе с тем, в кумыкском языке выделяются признаки, отсутствующие в других языках, и свидетельствующие о существовании субстратного дагестанс-

кого языка-основы, на котором возник измененный и преобразованный в тюркский кумыкский язык (69).

Таким образом, кумыкский язык целиком и полностью подтверждает исторические сведения о кумыках, как о дагестанцах, воспринявших тюркский язык пришлых племен: сначала от булгар, савир, барсил, гуннов и др., потом — хазар и, наконец, от кипчаков-половцев. Тот факт, что эти тюркские монголоидные, кочевые племена не оставили сколько-нибудь значительного культурного следа и не подвергли изменению антропологический облик местного населения — основательно свидетельствует, что доля ассимилированного населения пришельцев была небольшой. И наоборот, прослеживаются мощная струя материальной и духовной культуры, особенности экономики и быта, антропологических признаков, указывающих на местную, дагестанскую, основу формирования кумыков. Более того, до настоящего времени окружающие дагестанские, нахские и др. народы вливаются в кумыкскую этническую среду. В кумыкских селах немало встречается тухумов, возводящих свою родословную то к аварцам, то андийцам, то даргинцам, то лакцам, то чеченцам и др.

Таким образом, все имеющиеся материалы позволяют считать кумыков местным автохтонным населением, в этногенезе которого приняли участие пришлые тюркоязычные племена.

¹ Около III в. до н. э. в Северном Китае и Монголии образовался крупный союз кочевых скотоводческих племен. В кон. I-сер. II в. часть их появилась в Средней Азии и Приаралье, а отдельные группы и в Прикаспийском Дагестане. В V в. на Северном Кавказе сложился союз тюркоязычных племен, которые со временем стали именоваться *болгарами*. Основной территорией их расселения было Северное Причерноморье и Восточное Приазовье до р. Кубань. Однако отдельные группы болгар, видимо, проживали и на территории Прикаспийского Дагестана.

Другое крупное объединение гуннских племен связано с именем *савир* (*сувар, субар, сибир*). Вытесненные из Западной Сибири более сильными племенами, они расселились к западу от низовьев Волги и на равнине вдоль Каспийского моря и Кавказских гор до Дербента.

В IV в. в Средней и Центральной Азии племена *тюрккотов* (*тукко*), разгромив Жужжанский каганат, образовали еще более обширный каганат — Тюркский. Часть жужжаней оказалась ассимилированной тюрками, другая часть тюркских, монгольских и угро-финских племен, возглавляемых аварами, продвинулась на запад. В 50-х гг. VI в. они уже появились в степях Северного Кавказа и в Прикаспийском Дагестане.

² Оно имеет около 12 га площади, состоит из разделенных на две части

укрепленных территорий и цитадели. Причем укрепления состоят из стен, протяженностью 1570 м. В системе стен (толщиной 1,1 – 1,3 м) сохранились 36 полукруглых башен, в том числе три в системе цитадели подтреугольной формы. Одна башня стояла отдельно и зрительно связывала южные подступы к городищу с цитаделью. Как цитаделью, так и отдельно стоящая башня были окружены широкими рвами. Стены и башни в основании были сложены из крупных вертикально установленных снаружи и изнутри блоков, засыпанных сверху землей. Выше стены были наращены тыном из бревен, опущенных в землю до фундамента.

ЛИТЕРАТУРА.

1. *Броневский С. М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. II.
2. *Комаров А. В.* Население Дагестанской области // Зап. КОИРГО. 1873. Кн. VIII.
3. *Чобан-заде Б.* Предварительное сообщение о кумыкском наречии // Изв. Общества обследования Азербайджана. Баку, 1925. №1.
4. *Пантюхов И. И.* О кумыках. Антропологический очерк. Тифлис, 1895.
5. *Свидерский П. Ф.* Материалы для антропологии Кавказа. Кумыки. СПб., 1898. №8.
6. *Klaproth J. v.* Geographisch-historische Beschreibung des ostlichen Kaukasus. Weimar, 1814.
7. *Gambert H.* Tyrkenvolk. Leipzig, 1885.
8. *Erckert R.* Der Kaukasus und seine völker. Leipzig, 1888.
9. *Шухаицев Д. М.* Рассказ кумыка о кумыках. Предисл. и коммент. С. III. Гаджиевой. Махачкала, 1993.
10. *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1.
11. *Семенов Н.* Туземцы северо-восточного Кавказа. СПб., 1895.
12. *Токарев С. А.* Этнография народов СССР. М., 1958.
13. *Магомедов Р. М.* Проблема происхождения дагестанских народов в дореволюционной историографии. // Уч. Зап. ДГУ. Махачкала, 1960.
14. *Магомедов Р. М., Дзагурова В. П.* Народы советского Дагестана (Происхождение и расселение). Махачкала, 1966.
15. *Магомедов А. Р.* Народности Дагестана (Этническое развитие народностей Дагестана XV-XVII вв. и их политическая организация). Махачкала, 1990.
16. *Федорова Я. А.* К вопросу об этногенезе кумыков // Науч. докл. высш. школы. Историч. науки. 1959. Вып. 1.
17. *Дебец Я. А.* Антропологические исследования в Дагестане // Антропологический сб. М., 1956. Вып. 1.
18. *Миклашевская Н. Н.* Некоторые материалы по антропологии народов Дагестана // КСИО. 1953. Вып. XIX.

19. *Гаджиева С. III.* Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961.

20. *Кадыраджиев К.* Загадки кумыкской и тюркской истории от Эгейского до Каспийского морей. Махачкала, 1992.

21. *Кадыраджиев К.* Палеотюркские термины родства и свойства в кумыкском языке // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: термины родства и свойства. Махачкала, 1985.

22. *Аджиев М.* Мы — из рода половецкого! Из родословной кумыков, карачаевцев, казаков, балкарцев, гагаузов, крымских татар, а также части русских и украинцев. Рыбинск, 1992.

23. *Давудов О. М.* Об этнокультурной характеристике памятников Прикаспийского Дагестана // Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. Махачкала, 1987.

24. *Мровели Леонти.* Жизнь картлийских царей. Пер. с древнегруз., предисл. и коммент. Г. В. Цулая. М., 1979.

25. *Страбон.* География. Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1964.

26. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. М., 1963. Т. II.

27. *Дорн Б.* Каспий. Прилож. к XXVI тому "Записок" Имп. АН. СПб., 1875.

28. *Кулаковский Ю.* Карта европейской Сарматии по Птоломею. Киев, 1899.

29. *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

30. *Виноградов В. Б.* Локализация Ахардея и сиракского союза племен / / СА. 1966. №4.

31. *Кузнецов В. А.* Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1980.

32. История Армении Фавстоса Бузанда. Пер. с древнеарм. и коммент. М. А. Геворгияна. Ереван, 1953.

33. История Армении Моисея Хоренского. Нов. пер. Н. О. Эмина. М., 1893.

34. *Караулов Н. А.* Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМШК. 1903. Вып. XXXII.

35. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Пер. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского. Чтения МОИДР. 1884-1887. Кн. 1.

36. *Коковцев П. К.* Еврейско-хазарская переписка X в. Л., 1932.

37. *Плетнева С. А.* Хазары. М., 1976.

38. *Мишорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X-XI вв. М., 1963.

39. *Minorsky V.* A new book on the Khazars // Oriens. Vol. 11. №№ 1-2. Leiden, 1958.

40. *Dunlop D.* The History of the Jewish khazars. Princeton. New Jersey, 1954.

41. *Котович В. Г.* О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Гаргу // Древности Дагестана. Махачкала, 1974.

42. Гаджиев М. С. К локализации Варачана // XVI "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа (Тез. докл.). Ставрополь. 1990.
43. Гаджиев М. С. О местонахождении Варачана // РА. 1995. № 2.
44. Давудов О. М., Абакаров А. И. Новые исследования Шахсенгерского городища // Всесоюзн. археол. конф. "Достижения Советской археологии в XI пятилетке": Тез. докл. Баку. 1985.
45. Давудов О. М., Абакаров А. И. Раскопки Шахсенгерского городища // АО-1984 г. М., 1986.
46. Абакаров А. И., Давудов О. М. Археологическая карта Дагестана. М., 1993.
47. История агван Моисея Каганкатваца. Пер. с арм. СПб., 1861.
48. Шихсаидов А. Р. О проникновении христианства и ислама в Дагестан // Уч. зап. ИИЯЛ. Махачкала. 1957. Т. III.
49. Якуби. История. Пер. П. К. Жузе // Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1927. Вып. IV.
50. Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
51. Котович В. Г., Котович В. М., Салихов Б. М. Городище Таргу // Древние и средневековые поселения Дагестана Махачкала. 1983.
52. Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge Leipzig. 1903.
53. Ал-Куфи. Книга завоеваний. Пер. и комент. З. М. Буниятова. Баку. 1981.
54. Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР М. -Л., 1941.
55. Анчабадзе З. В. Кыпчаки Северного Кавказа. по данным грузинских летописей XI-XIV вв. // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик. 1960.
56. Федоров Я. А., Федоров Г. С. Половцы-кыпчаки на Северном Кавказе // Вопросы истории Дагестана. Махачкала. 1975. Т. III.
57. Картлис Цховреба. Тбилиси. 1955. Т. 1 (на древнегруз. яз.).
58. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1.
59. Ибн-Ал-Асир. Тарих ал-Камиль. Пер. П. К. Жузе. Баку, 1940.
60. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Пер. А. А. Хетагуровой и О. Н. Смирновой. М. -Л., 1960. Т. 1. Кн. 2.
61. Плано Карпини. История монголов. СПб., 1911.
62. Бакиханов А. -К. Гюлистан-и Ирам. Баку. 1991.
63. Нарширванов З. Ш. Предварительные заметки о племенном составе тюркских народностей, пребывавших на юге России и в Крыму // Изв. Таврического об-ва истории, археологии и этнографии. Симферополь. 1926. Т. III.
64. Алборов Б. А. Осетинские сказания о Созрыко и Гумском человеке // Уч. зап. СОИИ. Сер. филол. наук. Орджоникидзе. 1958. Т. XXIII. Вып. III.
65. Федоров Г. С. История происхождения кумыков. Махачкала. 1996.

66. Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа. Краниологические исследования. М., 1974.

67. Алексеев В. П. Некоторые вопросы происхождения народов Дагестана в свете антропологии Северного Кавказа. // Уч. зап. ИИЯЛ. Сер. ист. Махачкала, 1964. Т. XIII.

68. Баскаков Н. А. Классификация тюркских языков // Тр. ИЯ. 1952. Вып. 1.

69. Джидалаев Н. С. К вопросу о дагестанском субстрате в кумыкском языке (по данным речи южных кумыков) // Ежегодник ИКЯ. Тбилиси, 1987. Т. XIV.

К ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ТЕРСКО-СУЛАКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ ПО ЯЗЫКОВЫМ И ФОЛЬКЛОРНЫМ ДАНЫМ

Ареал Терско-Сулакского междуречья, где проживают представители различных этносов — носителей восточнокавказских (нахско-дагестанских), тюркских и русского языков, находится в настоящее время в административных пределах Чеченской Республики и Республики Дагестан. С точки зрения физико-географического районирования, он вместе с тем располагается на смежных территориях Терско-Кумской равнины (Восточное Предкавказье), Северокавказской горной и собственно Дагестанской горной провинций, являясь в то же время одной из древнейших, включая I тыс. н. э., контактных зон указанных выше народов, прежде всего, нахско-дагестанских и тюркских. Немаловажное значение для анализа соответствующих этнических процессов, в том числе генетического порядка, имеет привлечение необходимых языковых и фольклорных данных.

В указанном смысле обращает на себя внимание поминание в чеченских героико-эпических песнях — *илли* загадочного Белькузур-Гала “города, крепости Белькузар”, в русской транскрипции последней части отражающей, возможно, характерную для чеченского языка редукцию гласного последнего слога. О городе Белькузур’е говорится в *илли* “О князе Кахарме (кабардинском)” и “Кабардинце Курсолте”, первая из которых была впервые записана в с. Ножай-Юрт Ножай-Юртовского района (Большая, Восточная Чечня), вторая — в с. Гехи-Чу Ачхой-Мартановского района (Малая, Западная Чечня) (1, с. 148, 151, 152, 189, 190, 236; 2, с. 372, 375, 236, 237, 578, 579). О собственно (восточно) чеченском характере и второй песни, главный герой которой кабардинец Кахарма приводит для сына своего друга-чеченца из города Белькузара трех жеребцов, запертых у (русского) генерала в “железном сарае” (1, с. 189), свидетельствует то, что действие в ней, относящее комментаторами к XVIII в. по косвенным данным (1, с. 236), происходит в знаменитом притеречном чеченском селении Дады-Юрт. Последнее располагалось в нынешнем Гудермесском районе Чеченской Республики неподалеку от нынешнего с. Степное (Хангиши-Юрт) (3, с. 4, 65) и было уничтожено русскими царски-

ми войсками в 1819 г. Само село, впервые упоминающееся в Качкальке (см. ниже) на землях кумькских аксаевских князей в конце XVIII в. (4, с. 179), как явствует из текста *илли*, было основано, по всей видимости, переселившимися сюда представителями тейпа (рода) Цонтарой, одноименное первичное этническое общество которых до сих пор находится гораздо южнее — в горной зоне Ножай-Юртовского района, к северу от известных придагестанских селений Велено и Дарго, и “своим звучанием напоминает дагестанское село Цунта” (3, с. 2, 227), точнее, аварское название общества и района Дагестана, где проживают носители дидойских (цезских) языков.

В свою очередь, о пришлом характере здесь нынешнего местного (восточно)чеченского населения, о котором более подробно будет сказано в последующем изложении, свидетельствуют сведения, содержащиеся, например, в некоторых чеченских легендах и преданиях, согласно которым “в те времена, когда вокруг Ножай-Юрта жили нарт-орстхойцы, в поисках земли из аула Нашха пришли, говорят, чеченцы в Цонтарой, что... выше Ножай-Юрта. Там чеченцы сговорились отнять у нарт-орстхойцев землю, чтобы жить на ней. Когда с горных высот вайнахи (совокупное название чеченцев и ингушей — Г. -Р. Г.) войной пошли на царя нартов Наураза (ср. упоминающееся с 1732 г. название одного из качкальковских селений — Наурус-аул (4, с. 179) — Г. -Р. Г.) и уже настигали его, он оттуда (где была крепость) забрал свою золотую казну и унес ее на восток, за речку Ямсу” (5, с. 328, 329), то есть нынешнюю Ямансу.

Как считают комментаторы русского перевода, первая *илли*, по видимому, была сложена не позднее втор. пол. XVIII в. и фигурирующий в ней кабардинский князь Кахарма живет в чеченском плоско-стном ауле (1, с. 236). Однако, в самом чеченском тексте ничего не говорится о национальной принадлежности этого князя, которому на самом деле принадлежат *раьгIнаш* “невысокие горные хребты” и *шера аренаш* “равнины” и который посылает к царю в Москву с бумагами из Белькузара-города своего *юртахо* “односельчанина” Астемира из Шатоя. Последний на своем пути последовательно преодолевает *Нохчийн лаьмнаш* “Чеченские горы”, *Чергасий раьгIнаш* — невысокий Терский (Черкесский) хребет и спускается на равнину (2, с. 368, 374). *Нохчийн лаьмнаш* располагаются при этом к западу от верховьев р. Аксай (6, с. 224), где, возможно, и имело место действие рассматриваемой песни — близости от Центороя, выходящем из которого в

конечном счете и является герой-чеченец “Илли о кабардинце Кур-солте”.

Боьлжузур-Глала находится, таким образом, где-то к востоку от Центороя, за реками Аксай и Ямансу. При этом данное слово могло быть получено из более ранней формы *Боьликузур в результате палатализации без сужения гласного *-o-* под влиянием последующего *-и-*, что характерно для восточно-чеченских итумкалинского горного и собственно чеченского плоскостного диалектов и веденойского говора последнего (см.: 7, с. 90).

При непосредственном рассмотрении первая часть слова обнаруживает близость к др. -тюрк. *balyk*, чагат. *balik* “город, обнесенный стеной” общетюркского уровня (8, с. 59), которым на Северном Кавказе в болгарском языке не ранее IX в. н. э. могла соответствовать форма с огубленным *a* на месте *a* (то есть *bolik), что характерно в наибольшей степени не только для древнечувацкого языка как наследника болгарского (9, с. 147; 10, с. 71; 11, с. 17), но также нынешних южнокумыкских диалектов — подгорного и кайтагского. Именно в них данный процесс реализуется более последовательно (12, с. 12), чем в других территориально смежных и отдаленных тюркских языках Кавказа — азербайджанском и карачаевском (13, с. 21-22), что свидетельствует о возможности бытования данного слова в древнекумыкском языке до прихода половцев-кыпчаков в конце I — нач. II тыс. н. э.

Вторая часть лексемы — *-узур* — могла быть получена в результате: 1) охватившего всю болгарскую систему сужения широких гласных (10, с. 71) в подкрепляемом тур. *öz*, гаг. *jöz* “сердцевина”, чуваш. *var* “сердцевина, нутро, середина” и др. (14, с. 506), др. -тюрк. (XI в.) *öz* III “сердцевина, нутро”; IV “долина, проход между горами” (15, с. 395), которое, в принципе, могло сузиться также под воздействием, последующего аффикса принадлежности 3 л. ед. ч. *и* (*и*) в сочетании с протезным *-р-*, известным, например, уйгурскому языку (см.: 16, с. 89-90), т.е. *boliközr → *boliküzru в значении “внутренность, внутренняя часть (центр, цитадель) города, обнесенного стеной”; 2) либо слияния рассмотренного корня с наречной формой, известной в древнейших тюркских орхоно-енисейских памятниках — *üzre* “наверху” (см.: 17, с. 21), отмеченной и в иных древних тюркских языках, например, др. -тюрк. *üza* “вверху, сверху” (наречие и послелог) в сочетании с аффиксом направительного падежа того же языка *-ra* (*-rā*) (15, с. 629, 661), а также *üzer* (*-i*, *-e*) — словом с совокуп-

ным значением “поверхность, наверху” — в других древних, средневековых и новых (тюркском, азербайджанском и уйгурском) тюркских языках (14, с. 622-623), т.е. *boliküzere = *boliküzra в значении “верх (верхняя часть) города, обнесенного стеной”, “по направлению к ней”.

В первом случае мотивация структуры рассматриваемой лексемы может быть, в принципе, увязана с однотипными формами, известными в вайнахских и кумыкском языках, ср.: чеч. *Нохчийч* “Чечни внутренность” и *ГалгГайчов* “Ингушетии внутренность”, где *-чов* “внутренность”; кум. *Мычыгъыш* “Чечня”, *Къазаныш*, *Оьтемыш* — названия кумыкских сел, где *-иш* (*-ыш*) от *-ич* “внутренность”, ср. кум. *чойре ян* “внутренняя сторона” (носит достаточно древний характер, если иметь в виду чувашскую (булгарскую) форму этого слова — *аи* с редуцированным *й* (14, с. 389). Во втором — традицию деления горных населенных пунктов на верхнюю и нижнюю части.

В тексте обеих песен рассмотренная форма представляет собой, таким образом, явный анахронизм. Представляется возможным отождествить ее с названием средневекового города-крепости Балх(и), который, по данным известной летописи “Дербент-наме”, упоминается не позднее, чем с сер. VI в. н. э. и обычно идентифицируется с нынешним кумыкским с. Эндирей Хасавюртовского района Республики Дагестан, находившимся в прошлом на 15-25 верст южнее нынешнего своего расположения (18, с. 208, 209, 210), то есть в районе аккинских сел Акташ-Аух (Ленин-аул) и Юрт-Аух (Калинин-аул). Эти населенные пункты являют собой крайние восточные пределы нынешней вайнахской (чеченской) этнической территории в Терско-Сулакском междуречье. По отношению к первичному *balyq* “стена, город” рассматриваемое название обнаруживает близость к его восточно-тюркскому варианту *balyh* “город, окруженный стеной” (8, с. 59), ауслаузный *h*, в котором отражает, по всей видимости, стадию исчезновения конечного *-q*, характерную для чувашского языка (10, с. 193), что считается исследователями специфической особенностью древнего болгарского языка, известной на Северном Кавказе (11, с. 13).

Вместе с тем обращает на себя внимание и близость звучания рассмотренного топонима к упоминаемому в одном из арабоязычных источников XII в. “Балх’у Лакза, находящемся в чаще лесов” и толкуемому обычно как свидетельство существования другого южнодагестанского Балха в кон. XI-нач. XII в. Однако нельзя не согласиться и с тем, что речь в данном источнике могла идти о Балхе, расположенном в северной части Дагестана, точнее в Кумыкии, т.е. о древнем

Эндирее, который был некогда “промеж гор и лесов лежащею деревнею” (18, с. 208). Поэтому вполне вероятно, что этимон рассмотренного слова, выявленный в предшествующем изложении, то есть *Boliközrū // *Boliküzrū // *Boliküzrā // *Boliküzer был интерпретирован автором этого источника ввиду фонетической близости как “Балх Лакза”, так как ему было хорошо известно, что отмечается Г. М. -Р. Оразаевым (18, с. 208), политико-административное устройство Южного Дагестана.

Оправданным представляется и мнение вышеупомянутого автора о том, что “относительно большой по территории и влиятельной на всю северо-восточную округу Кавказа населенный пункт Эндирей мог быть назван ранними торко-язычными племенами нарицательным именем *балх*, то есть “город”, для особого выделения среди мелких окружающих его населенных пунктов” (18, с. 209). Свидетельством этому является ингушская топонимическая традиция, в которой названия отдельных территориальных общностей, подразделений данного народа, расположенных в первичном ареале его проживания в горах, но не относящиеся к собственно ингушскому самообозначению соответствующей местности Кхаькхаьла (ср. кум. *кьакь-алы* “ущельный”), оформляются посредством праиндизма *шахьар* “город”: ЖIарах шахьар, МсIхал шахьар и ЦьIорой шахьар (3, с. 2, 10, 41, 67, 81). Не исключено, что под термином Балх, ввиду его передачи средствами арабской графики как *б. л. х.*, понимается и вся Булгария (см.: 19, с. 141), первичный *q* в этимоне которой — *булга(p)* (8, с. 255) — мог перейти в *х* в языках болгарского и кавказского круга — азербайджанском, половецком, караимском (10, с. 191).

Как отмечают исследователи, с XVIII-XIX вв. у чеченцев и ингушей стали забываться нартовские сказания, и в этот период у них развился жанр героико-эпических сказаний “*илли*”, в которых очень много фантастического элемента. Наиболее старые из этих сказаний датируются при этом втор. пол. XVII — нач. XVIII в. (20, с. 22, 26).

Вместе с тем, в *илли* “отражены некоторые конкретные исторические события из прошлого, что обычно присуще историческим песням” (1, с. 8), а “большое место, уделяемое в песнях холодному и кремневому вооружению, довольно частое упоминание стрел и кольчуг позволяет возводить историю расцвета жанра на период смены (и взаимного существования) холодного и огнестрельного оружия” (1, с. 11). Следует иметь в виду, что в действительности на Северном Кавказе процесс активного вытеснения луков и стрел огнестрельным

оружием относится к XVII в., однако и в XVIII в., когда большинство мужчин в регионе “уже имели ружья, а то и пистолеты, ... луки также находились в употреблении” (21, с. 471). Данный факт позволяет датировать соответствующие явления XVII-XVIII вв., за исключением илли, посвященных конкретным историческим лицам и событиям XIX в. (“Илли о Чеге Бесстрашное Сердце и Бибулате, сыне Таймы”, “Илли о Бибулате, сыне Таймы”, “Илли о разрушении Дадлы-Юрта” (1, 31; 2, 389, 403) и др.), началом массового переселения вайнахов — будущих чеченцев и ингушей — на плоскость, прежде всего, в предгорную зону.

Это движение было вызвано постепенным отливом нахского этноса из Закавказья к северу. Последняя миграционная волна, детерминированная усилением давления со стороны Грузинского феодального царства, имела место в конце раннего-начале позднего средневековья, когда вайнахоязычное население, занимавшее к этому времени крайний юго-западный район нынешней Западной Нагорной Чечни (общества Маьлхиста и МIайста, расположенные в верхнем течении р. Чанты-Аргун, пограничном с Грузией), передвинулось на север в современную Центральную Нагорную Чечню — район озера Галанчѣж. Здесь в XVI-XVII вв., как считают исследователи, в обществах Напшаха и Галай произошел своеобразный демографический взрыв, вызвавший движение уже в широтном направлении: к востоку (будущие чеченцы) и западу (будущие ингуши) (22, с. 183-184).

Сюда же следует присовокупить и то, что окончательно выделение двух близкородственных народов — чеченцев и ингушей — относится историками лишь к середине XVIII в. (23), а оформление их языков — к концу XVII-нач. XVIII в. (24, с. 46). Таким образом, все вышеуказанные факты имеют взаимосвязанный характер и обусловлены в конечном счете процессом переселения будущих чеченцев и ингушей на нынешние равнинные и предгорные территории их расселения, начало которого относится к XVII-XVIII вв.

Именно в этом контексте становится понятным сообщение дагестанского исторического источника, датированного XIV-XV вв., о том, что Чечня, в кумыкской передаче ее названия — “Мичихич целиком... является владением [мулк] шамхала — верховного владетеля Дагестана (18, с. 94-96, 103), а, по данным А. -К. Бакиханова, “Мичихичь (Чечня)... был собственным уделом шамхала”, платившим ему “по одному барану с семейства” (25, с. 52-53). Не случайно, по всей видимости, и в русских документах последующего времени (XVI-

XVIII вв.) население нынешней Чечни в целом продолжает именоваться вышеупомянутым кумыкским этнонимом *мичкиз* (*минкиз*), первичным ареалом распространения которого ученые считают нынешнюю Восточную Чечню, в частности одну из предгорных ее частей — Ичкерия, располагавшуюся между верховьями рек Аксай и Хулхулау (26, с. 144, 165). Название Ичкерия также носит тюркский (см. ниже) характер, но является более поздним по времени и до сих пор неизвестно носителям чеченского языка, именуящим этот регион термином *Нохчи-мохк* (“земля, страна *нохчи-ев*”), неизвестным русским источникам рассматриваемого времени, где *нохчи* — самоназвание чеченцев. Происхождение этнонима *чеченцы*, ставшего основным лишь в XVIII-XIX вв. (в то время, как население нынешней Западной Чечни еще в русских документах 1737-1757 гг. именовалось другим кумыкским словом *тавлинцы* “горцы”), связывается, в отличие от *мичкизов*, с переселением его носителей на плоскость и с образованием там сел. Чечен. Впервые термин *чеченцы* употребляется в этнонимическом значении в 1719 г. (26, с. 144-145, 150, 165).

Таким образом, этноязыковая принадлежность так называемого мичкизского населения рассматриваемого региона, по крайней мере, в XVI-XVII вв., когда (см. выше) начинается движение собственно чеченоязычного населения из района озера Галанчѣж на восток (о причинах которого будет сказано в последующем изложении), остается, в сущности, практически не установленной. И в этом смысле не может не обратить на себя внимание тот факт, что в караногайском диалекте ногайского языка, территориально смежном с кумыкским, а в настоящее время и чеченским языками, известно название рода кумыков Мыщыгыз (27, с. 256). Характерно и то, что именно в последующий период — в XVIII в. — как в с. Костек, так и в чрезвычайно отдаленном от нынешней Чечни кумыкском селении Карабудахкент образуются кварталы под названием Мычпгыш-авал, основанные, как явствует из их названия, выходцами из Мычпгышга (4, с. 181; 18, с. 211), что указывает на еще один путь вероятной миграции кумыкскоязычного населения из Чечни. Об этом свидетельствует также и то, что в речи жителей этого самого крупного квартала данного селения обнаруживаются общекумыкские черты, не свойственные тому (подгорному) диалекту, в окружении носителей которого они проживают, при полном отсутствии каких-либо субстратных кавказских (чеченских) признаков (28, с. 53).

Этноним *мичкиз*, традиционно объясняемый на основе кум. *мы-*

чыгъыш (-лы) может быть возведен к первичной форме *мычыкь-ыш с топоформантом -*ыш*, обнаруживаемом в названии одного из древнейших предгорных кумыкских селений *Къазан-ыш* “Казанищи”. Это позволяет возвести анализируемый элемент к общетюркскому *ич* “внутренняя часть”, отразившемуся также в тюрк. *ичкери* (ср. Ичкерия) “вовнутрь” (14, с. 388-390), если иметь ввиду переход *ч*→*ш*, проявляющийся в наибольшей степени в кыпчакских языках (10, с. 249). Однако, данное преобразование, отразившееся, за исключением восточно-кыпчакских языков, лишь в чуваш. *аш* “нутро” (14, с. 389) в качестве исключения (9, с. 170), может быть интерпретировано в кумыкском языке как следствие булгаро-хазарского влияния, факты которого уже известны (28, с. 15) и не могли не отразиться в топонимике, что позволяет установить промежуточное значение слова *мычыкь-ыш “Мычыкь-а внутренность, внутренняя часть, нутро”.

При этом, под аналогичным названием известны: 1) в нынешней Восточной Чечне правый приток р. Гумс, впадающей в Сунжу, — Мичик, который течет “по весьма глубокому ложу с обрывистыми берегами” и “сначала в узкой и глубокой долине” (29, с. 18); 2) урочище Мичик-Кале, откуда при слиянии двух ручьев, зарождающихся соответственно в горах Ханакой-тау и Анчи-Мезр, вытекает с хребта Салатау р. Акташ, “которая течет сначала в крутых и большей частью скалистых берегах” (29, с. 20); 3) упоминание Г. -Ю. Клапротом, путешествовавшим по Северному Кавказу в 1807-08 гг. левого притока р. Черек в Бизингиевской Балкарии — Мишджик // Мишджик (30, с. 257, 430). Последнее из них может быть мотивировано корневой частью каб. -балк. *мыч-хы* “пила” — общепатюрк. *бич* (*мч*) “резать, кроить”, известной также кумыкскому, карачаево-балкарскому и диалектам чувашского языка (8, с. 158; 9, с. 195), но не базовому диалекту последнего (см.: 31, с. 151), что позволяет предполагать аналогичное первичное значение достаточное древнего характера для первых двух языков. Сама же лексема *Мыч-ыкь* содержит суффикс субстантивного имени действия -*ыкь* (16, с. 159, 164-165, 172-173), указывающий на ее исходное значение “разрезанный” (→ “расщелина”).

Именно по р. Мичик до сих пор пролегает единственный путь, позволяющий проникнуть с крайней западной части Кумыкской равнины, исторически именуемой Качкальком (кум. *Къачкъалькь* “область бежавших и оставшихся”), и входящей ныне в Гудермесский район Чечни, через пространство между Терским и Гудермесским (Кач-

кальковским) хребтами в Восточно-предгорную Чечню, или Ичкерипо, то есть “во внутренность Мичика” — Мичикич, точнее *Мычкычыч (ср. выше значение термина Ичкерия, имеющий практически тот же смысл и связанный с понятием нахождения внутри). При этом, как отмечали еще источники эпохи Кавказской войны, при общей сильно пересеченной территории Чечни, “перерезанной множеством рек, текущих почти параллельно и вытекающих, за исключением Аргуна, из гор второстепенных”, подобный характер местности в наибольшей степени проявляется в Аухе и соседней с ним Ичкерии, “где сообщение производится по долинам рек, преимущественно же по Бассу, Хулхулау, Гудермессу, Аксаю, Ямансу и Акташу. Поперечных сообщений здесь почти не существует...” (29, с. 9, 11).

Учитывая же то, что отмеченный характер носят верховья всех вышеупомянутых рек, протекающих в низкогорной, сильно расчлененной местности, из рассматриваемой области следует исключить также с исторической точки зрения р. Акташ, так как подобный характер ландшафта в течении последней (см. выше) находится вне пределов Ичкерии и Ауха — границе Салатавии и Гумбета. В указанном свете становится понятным, кроме того, ногайское название кумыков *таалы* “горный”, фиксируемое Н. Г. Волковой (26, с. 181), основное, по всей видимости, на характере восприятия рельефа преимущественной области проживания кумыков в сравнительно давние времена исключительно равнинными жителями, каковыми являются ногайцы, с одной стороны, и их (кумыков) аварское наименование *льарагI*, имеющее первичное значение “равнина”, которое, однако, может быть мотивировано другим аварским словом *льар* “речка, ручей”. В этом случае, на взгляд жителей высокогорья — аварцев, кумыки это не просто обитатели равнины, но и низкогорья, где в долинах протекают речки и ручьи. Аналогичное значение в конечном счете имеет и термин *мыч-ыкь-ыш (*лы*) “внутри расщелины (где протекают реки и ручьи) живущие”, т.е. обитатели низкогорья, речных долин (ср. авар. *rimIaral* “ровные, равнинные”).

В свете вышесказанного представляется возможным предполагать, что не случайно в ходе начавшегося в середине XVI в. дробления шамхальства, от которого в конце XVI в. отделяется Казикумухское ханство (будущая Лакия) во главе с другими представителями шамхальского дома (32, с. 87), известный родоначальник заслукских кумыкских эндириевских князей Султан-Мут получил в свой удел “все земли, лежащие между Сулаком и Тереком, с нижней частью

Мичикича и Салатавского округа до горы Керхи, что на границе Гумбета” (25, с. 90). На выделение Султан-Муту “окрайны Чеченского магала” указывает и Гасан Алкадари (33, с. 41). На самом деле, упомянутый князь получил во владение земли, имеющие к этому времени, по крайней мере, в пределах Чечни тюркоязычное (кумыкское) население.

О том, что послужило непосредственной причиной переселения будущих чеченцев из района озера Галанчѣж на восток (см. выше), свидетельствуют факты, сообщаемые А. -К. Бакихановым. Согласно сведениям этого выдающегося историка, “эмиры Эндреевой (деревни) убили двух родственников Гумбетского и Аргунайского эмира, считавшего себя отраслью хана Аварского. Из этого произошла долговременная вражда, которая кончилась тем, что нижняя часть Мичикича, как-то: Чечен-Тала, Герменчук-Шали, Атака и проч. отошли во владение Терлав, родственника убитых” (25, с. 90).

Действительно, образование владения Турловых по нижнему течению р. Аргун в пределах селений Атаги, Герменчук, Чечен-Тала относится к первой половине XVII в. При этом в 1659 г. потомки Турловых — Алихан, Алибек, Хочбар — упоминаются как владельцы “земли Чачана”. Иногда данное образование именуют “Уварским меньшим владением”, что объясняется историками не тем, что Турловы были одной из ветвей Аварского владельческого дома, а очень тесными связями, которые последние поддерживали с ханами Аварскими (21, с. 295).

Характерно при этом, что как анахронизм имя одного из вышеупомянутых князей — Алихана Турлова в связи с Чечен-аулом упоминается в “Илли о Жаммирзе сыне Мали из Чечен-Аула”, одним из героев которого является другое реальное историческое лицо перв. четв. XIX в. Бибулат Таймиев, а также в “Илли о старце Даде”, посещающем, однако, город Кизляр, основанный, как известно, гораздо позже — в 1735 г.

Факты, приведенные выше А. -К. Бакихановым, имеют чрезвычайно важное значение в связи с тем, что свидетельствуют о более широких западных пределах удела Султан-Мута, точнее, границах Мичикича, который включал в себя, таким образом, не только Ичкерипо, но и населенные пункты, располагавшиеся в нижнем (низкогорном и равнинном) течении рек Аргун (Чечен-аул, Атаги) и Бас (Шали, Герменчук). О времени же появления здесь собственно чеченского (вайнахского) населения говорится в продолжении сообщения А. -К.

Бакиханова: “Терлав населил эти места жителями Нашшага (верхняя часть Чечни), и вся эта земля от имени реки Мичик получила название Мичикичь (внутренность Мичика), она разделяется ныне на три части: Тау-Мичик-Ичь (горную), Агач-Мичик-Ичь (лесную) и Тюз-Мичик-Ичь (ровную); жители двух последних частей до последнего времени платили подать своим владельцам, потомкам Терлав, которые в Гумбете и Аргуне владели горами и одной деревней Чагах (невольники); деревни же Авук и Баян, где находится нефтяной колодец, и Салатавский магад, состоящий из 12 деревень, имеющих около 2000 семейств (вариант — 10000 жителей), платили подать и повинности Андреевским эмирам” (25, с. 90).

Удел Султан-Мута, владения его наследников Эндиреевских князей включали в себя, таким образом, в вышеупомянутый период все пространство земель между Тереком и Сулаком, которое продолжало оставаться в то же время частью шамхальства. Причем, на его престол был даже избран в 1635 г. в Казикумухе сын Султан-Мута Айдемир, погибший в 1641 г. в неудачном походе на Кабарду. После недолговременного правления Сурхая III, в том же 1641 г., столица шамхальства переносится в Тарки, и за владением, начиная с 1640 г. утверждается название Тарковского (34, с. 213-214), что приблизительно совпадает с началом переселения в предгорья и на равнину будущих чеченцев (см. выше).

Об этом свидетельствует информация Н. Витзена, амстердамского бургомистра, побывавшего в 1664 г. в Москве и Терках — русской крепости, находившейся в дельте р. Терек. Этот путешественник в своем труде указывает, что в ленной зависимости от тарковского шамхала и кумыкского князя из Эндери находились целый ряд дагестанских и чеченских владений. К числу последних исследователи относят Мичкис, Акотзин (Аух), Шубат (Шатой), Себетлу (Чебердой) и Гуна, отождествляемое с названием ичкеринской тайпы Гуной (26, с. 146-149), т.е. практически всю территорию нынешней Восточной (с учетом вышеизложенного) Чечни — междуречье (Шаро-) Аргуна, включая Шатой, располагающийся несколько выше слияния Чангы- и Шаро-Аргуна, и р. Акташ.

Еще в первой половине XIX в. термином *мычкиз* иногда именовались все нынешние вайнахские (чеченцы, ингуши, аккипы и карабулаки) народы, поселения которых на востоке к этому времени уже “простираются до верхнего течения Аксая (Яхсая) и на 15 верст на запад от крепости Внезапная” (6, с. 203), располагавшейся у сел.

Эндери. При этом, в некоторых русских источниках втор. пол. XIX в., в том числе называющих чеченцами все вышеупомянутые современные вайнахские народы, фактически в качестве части ичкеринцев, которые “обитают между верхними частями рек Аксай и Хулхулау и Андийским хребтом”, упоминаются “ауховцы, населяющие верховья рек Ярык-су, Яман-су и Акташа” (29). Симптоматично, что, согласно одному из них, “большое ответвление Кавказских гор, носящее название Гумик-Лама (в переводе с чеч. — “Кумыкская гора”), простирается вдоль южной части чеченской территории” и отделяет чеченцев от “нескольких племен лезгинских и андийских”; именно отсюда с хребта Гумик-Лама, берет начало “речушка Ярык-су, на которой живут ауховцы” (6, с. 224, 227).

Таким образом, героико-эпические песни — *илли*, зарождение жанра которых происходит в XVII-XVIII вв., относятся к начальному периоду заселения будущими ингушами (среди которых *илли* распространены в гораздо меньшей степени) и чеченцами предгорных и равнинных областей нынешнего своего распространения, когда в перв. пол. XVII в. оформляется конфедерация кумыкских княжеств под суверенитетом шамхалов Тарковских. Подданные последних и стали именоваться, по всей видимости, с этого времени тарковцами. О характере же отношений, сложившихся у поселенцев с владельцами соответствующих земель свидетельствует, помимо прочего, предание XIX в., в котором рассказывается о том, что легендарный предок чеченцев Тинавинь-Вис, сын Молкха, платил дань князю Султан-Муту (см. выше).

В связи с вышеизложенным становится понятным, почему среди героев *илли* — представителей соседних народов — называются не просто кумыки, а “тарковские юные молодцы” (*таркхойн жима клант*), что отразилось в их названиях: “Илли о тарковском молодце, (казаке), сыне вдовы Актоле, сыне Джумы”, “Илли о тарковском молодце и сыне вдовы” и “Илли о кабардинце Солсе, вдовьем сыне и тарковском молодце”. Этноним *гумкхи(й)* “кумык, кумычка” используется лишь во второй из упомянутых песен в связи с “кумыкскими женщинами” (*гумкхийн зударш*), которыми сшита одежда героя (2, с. 331-332). Именно к нему — сыну вдовы — в западночеченское селение Гехи (впервые упоминаемое в 1745 г., как находящееся под управлением кумыкских аксаевских князей: 4, с. 169) приезжает “тарковский добрый молодец”. В “Илли об Уме, сыне Тевты”, записанном в западночеченском нагорном селе Итум-Кале и создание кото-

рого относится комментаторами ко времени не позже XVII в., главный герой, что знаменательно, выбирает себе жену кумычку, победив на состязании у главы аварских князей Юсупа (2, с. 101, 106, 236).

Как свидетельствуют этнографические и ландшафтные данные (см.: 3, с. 3, 169, 188; 26, с. 2, 223, 246, 247, 264, 267), представители кумыкского по происхождению тайпа (рода) Таркхой до сих пор проживают в Восточной Чечне: 1) в городе Шали, через который пролегает путь в крайнюю западную часть Ичкерии со стороны Чеченской равнины; 2) в сел. Майртуп Шалинского района, где представлен характерный топоним *Мичиган Чов* “внутренность Мичига” (калька, на наш взгляд, с кумыкского *Мычыгыши* — см. выше) и через которое пролегает уже упоминавшаяся единственная дорога в собственную (Центральную) Ичкерию не только со стороны Кумыкской, но и Чеченской равнины; 3) в расположенных в верхнем течении р. Гумс ичкеринских селениях Верхний, Средний и Нижний Курчалой Веденского района, замыкающих собой долину указанной реки, а также сел. Энакхаьлла Ножайюртовского района, находящемся в средней части той же речной долины между Майртупом и Курчалоем; 4) в Шовхал-Берд (досл. “Шамхала обрыв”) и Булансу Ножайюртовского района, расположенных соответственно в долинах остальных ичкеринских рек Аксай и Ямансу, по которым пролегает через г. Хасавюрт в горной путь в Мичкич (Ичкерию) со стороны Кумыкской равнины; 5) в находящемся в нижнем течении р. Гумс, на границе исторических областей Борагъан и Качкальк, г. Гудермесе (ср.: кумыкско-брагунское ет о наименовании *Гюнттиймес* “солнце не коснется” при близком по значению названии р. Гумс — *Гюнсуй* “солнечная река”). В последнем населенном пункте кумыки-тарковцы могли появиться вместе с представителями собственно чеченских тайпов не ранее 1841 г., когда около русского укрепления Умахан-юрт возникли аулы из местного населения (29, с. 62). Представители тайпа Таркхой известны и в принадлежавших кумыкским аксаевским князьям и впервые упоминаемых в числе прочих качкальковских селений в 1732 г. аулах Хошкельды и в 1826 г. — Герзель, в которых (в сел. Герзель, располагавшемся еще в 1826 г. напротив кумыкского села Старый Аксай) тарковцы называются также другим термином — Гезлой (4, с. 179, 206, 187), отвечающим чеч. *Гезало* “татарин, татарка”, но соответствующим русскому диалектному нижнетерскому *казанцы* “кумыки, татары”.

О былом пребывании таркинцев практически на всей территории

Ичкерии свидетельствует также и вторая часть названия села Байтарки (32, с. 267), именуемого в русских источниках XIX в. явно кумыкским Байтерек (29, с. 30) и замыкающего долину реки Ярлыксу, протекающую между Ичкерией и Аухом. Тот же факт, что в вышеупомянутой части чеченского названия исходный комплекс согласных *-ркх-*, невозможный, в принципе, в чеченского языка (35, с. 53-54, табл. III), передается через *-рк-*, свидетельствует как о достаточной древности заимствования и функционирования данного топонима в языке переселенцев, так и о сохранении в нем неозвонченной (Таргъу→*Таркью) первичной, не противоречащей закону сингармонизма формы указанного термина — *Таркьы, которая была передана в силу отсутствия в чеченском языке звука (*ы*) как Тарки. Все это еще раз подтверждает не только правомочность интерпретации этнонима *мичкич//мычыгыши*→ **мычыгышиц//мичкиз*, но тюркскую (кумыкскую) этноязыковую принадлежность (о которой будет сказано и в последующем изложении) его носителей, ассимилированных впоследствии собственно чеченскими поселенцами достаточно позднего времени, если иметь в виду, что первые редкие упоминания, например, ичкеринских селений Зандак и Цонгарой отмечаются в русских источниках, начиная лишь с 1750-х гг. (4, с. 178).

Не случайно, видимо, поэтому именно в течение 1750-х-1780-х гг. в результате восстаний чеченцев 1747-1783 гг. против кабардинских и кумыкских владетелей селений так называемой Большой (Восточной) Чечни (36, с. 21-24) последние выводят из этих населенных пунктов часть их жителей, среди которых, как будет показано ниже, были и кумыки, и основывают по правобережью Терека “в противоположности гребенских и моздокских станиц” (4, с. 184) так называемые надтеречные селения, в которых в настоящее время кроме сел. Баммат-юрт (Виноградное), абсолютное большинство населения является носителями чеченского языка. Однако, в целом ряде из них до сих пор представлен тайп Таркхой.

Так, подобная ситуация наблюдается в сел. Старый (Толстой-) Юрт (чеч. Девлетгир-эвла), основанном не позднее 1750-х гг. князем Девлет-Гиреем Черкасским за счет выходцев из принадлежавших ему до этого аулов Герменчук и Шали (4, с. 208, 183, 184). В последнем из них до сих пор известны не только тайп Таркхой, но и Гумкхи (3, с. 163). При этом не может не обратить на себя внимания тот факт, что в Старом Юрте, основателями которого, согласно преданию, считаются представители тайпа Акки (известного также и в Шали: 23, с. 3,

169), переселившиеся сюда четыре поколения назад вместе с кумыкским князем Девлет-Гиреем, еще в 1826 г. проживали мирные чеченцы и кумыки (4, с. 183, 187).

Тайп Таркхой известен также в настоящее время и в таких надтеречных чеченских селениях, как Братское (чеч. Ногламирзан-Юрт), Нижний Наур (чеч. Лаха Невре), Мекен-юрт (чеч. Макани), Минеральный (чеч. Зебир-юрт) (3, с. 4, 67-68, 77-78, 85, 87). Одно из этих селений, например, Нижний Наур было основано в указанное выше время выходцами из аула Топли (4, с. 184), располагавшегося ранее на левом берегу р. Аргун в районе селений Большой Чечен и Старые Атаги (29, с. 25), что указывает на наличие в этой зоне, переданной в свое время эндириевскими князьями Турловым, кумыкского (таркины) населения.

Последнее прибывало в данных регион и в начале XIX в. из внутренней части Чечни, если иметь ввиду наличие тайпа Таркхой и отождествляемого с ним нечеченского по происхождению рода Органой, представители которого проживают в настоящее время в Малой (Западной) Чечне — селах Гехи (принадлежавшем еще в 1779 г. аксаевским князьям) и Алханкале, а также Пседах нынешней Ингушетии, основанном после 1822 г. князьями Бековичами-Черкасскими на исторических землях Малой Кабарды, в составе населения еще одного надтеречного селения Чьулиг-юрт (Знаменское), основанного поручиком Чуликовым в 1809 г. (4, с. 184, 208, 205-206, 225). Вместе с тем, что касается тайпа Органой // Органой ичкеринского селения Дарго (в котором, помимо основного рода Белгадой, проживают и представители тайпа Ишинчалой, считающегося переселенцами из аварской общины Мелардой в Гумбете), то его представители считаются аварцами-сули. То же самое можно сказать и об ичкеринском селении Белгадой, где представлен одноименный тайп Белгадой (4, с. 204-206). Однако, окончательное решение вопроса об исходной этнической принадлежности тайпов Органой и Ишинчалой требует дополнительного изучения, что не входит в цели настоящей работы.

Кроме того, обращает на себя внимание наличие тайпа Пумкхи не только в городе Шали, но и в равнинном восточночеченском селении Истису (чеч. Мелчу хигла) Гудермесского района (3, с. 3, 199) в исторических пределах Качкалька (см. выше), которое еще в нач. XIX в. принадлежало аксаевским кумыкским князьям (4, с. 179-180) и откуда, возможно, представители этого рода, как и тайпа Таркхой

в Надтеречье, переселились в сел. Гвардейское (чеч. Елин-юрт) Надтеречного района, где они известны и в настоящее время (3, с. 4, 70).

Это отнюдь не препятствует правомочности ранее высказанного в рамках данной работы предположения о первичной тюркоязычности представителей тайпа Таркхой вместе с носителями этнонима *мичкиз*, отмеченных в XVI-XVIII вв. в нынешней Чечне, преимущественно в восточной ее части. В этом смысле обращает на себя внимание сообщение немецкого путешественника конца XVIII в. Якоба Рейнегса, побывавшего в 1779-1783 гг. на Кавказе, о селениях (“поколениях”) “Чеви, Гачиаул, Шалли и Сагунти”, которые “произошли от татарского рода, ибо они чеченского языка разуместь не могут. 450 родов из оных живут в соседстве с деревней Гребенских казаков, состоящей из 150 дворов на берегу реки Терека” (37, с. 27). Заметим также, что в 1781 г. жители одного из этих селений — (X)Аджи-Аула — подписали вместе с представителями другого крупнейшего соседнего плоскостного селения Чечен-Аула (которые присутствовавший при этом акад. Гильденштедт называет самыми многочисленными и большими) акт вхождения в подданство России, составленный на “татарском диалекте”, то есть кумыкском языке (38, с. 68, 63).

Характерно, что и Гильденштедт замечает по поводу “округа Чечен”: он “нарочито обширен и под названием его обитателей чеченцев часто разумеют весь народ”, а “чеченский язык обыкновенно так называется по одному из главнейших округов” (39, с. 79, 85-86), то есть Чечен-Аула, в котором и говорили на чеченском языке в современном его понимании. Что касается Сагунти, где, как и в других выше упомянутых селах, включая Шали и (X)Аджи-Аул, “чеченского языка разуместь не могут” в силу своего “татарского”, по всей видимости, кумыкского (см. выше) “рода”, происхождения, то речь, вероятно, идет об ичкеринском селении Соганти, входящего в обществу Иалларой (Аллерой) и находящегося в настоящее время в пределах Ножай-Юртовского района Чеченской Республики по соседству с селениями Бетти-Мохк и Мескеты.

Нельзя не обратить внимание и на другое сообщение Я. Рейнегса (40, с. 250) о том, что “оксунгуры” (жители качкальковского селения Ойсунгур), поля которых “до самого левого берега реки Якся к востоку простираются”, говорят “кумык-татарским языком”, как, впрочем, и обитатели соседнего качкальковского селения (“страны”) Истису (см. выше), имеющих “свое происхождение от кумук-татаров” и платящих подать старшинам Якся.

Таковы некоторые аспекты этнической истории Терско-Сулакского междуречья по данным языка и фольклора населяющих его народов.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Илли. Героико-эпические песни чеченцев и ингушей. Грозный. 1979.
2. Нохчийн фольклор. Грозный, 1990.
3. Сулейманов А. С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. I-IV. Грозный, 1976-1985.
4. Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII-начале XX века. М., 1974.
5. Красавица из сундука. Чеченские сказки. Нижний Новгород. 1992.
6. Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992.
7. Имнайивили Д. С. Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. Тбилиси. 1977.
8. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1978.
9. Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
10. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984.
11. Джидалаев Н. С. Тюркизмы в дагестанских языках. М., 1990.
12. Ольмесов Н. Х. Сравнительно-историческое исследование диалектной системы кумыкского языка. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Казань. 1996.
13. Гаджиева Н. З. Тюркоязычные ареалы Кавказа. М., 1979.
14. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.
15. Древнетюркский словарь Л., 1969.
16. Щербак А. М. Очерки сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л., 1977.
17. Левицкая Л. С. Историческая морфология чувашского языка. М., 1976.
18. Шихсаидов А. Р., Айтберов Т. М., Оразаев Г. М. -Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993.
19. Гадло А. В. Страна Балх в дагестанской хронике "Дербенд-наме" // Историческая этнография. СПб., 1993.
20. Мальсагов Д. Д., Ошаев Х. Д. Устное поэтическое творчество чечено-ингушского народа // Очерк истории чечено-ингушской литературы. Грозный, 1963.
21. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1988.
22. Кобычев В. П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников их материальной культуры // Этническая история и фольклор. М., 1977.
23. Ахмадов Я., Хожжаев Д. Территория и расселение вайнахов с XVI века и до наших дней // Голос Чечено-Ингушетии, 14 января 1992 г.
24. Гусейнов Г. -Р. А. -К., Мугумова А. Л. К статистическому и историко-хронологическому анализу лексических сходжений и расхождений в отраслевом словарном составе нахских и вайнахских языков и диалектов // Вопросы отраслевой лексики. Грозный, 1983.
25. Бакиханов А. -К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926.
26. Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.
27. Баскаков Н. А. Ногайский язык и его диалекты. М. -Л., 1940.
28. Хангишиев Ж. М. Къумукъ диалектологиясы. Махачкала. 1989.
29. Берже А. П. Чечня и чеченцы. Грозный. 1991. (переиздание работы 1859 г.).
30. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик, 1974.
31. Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
32. Шихалиев Д. -М. Рассказ кумыка о кумыках. (комментарий С. Ш. Гаджиевой). Махачкала. 1993.
33. Алкадари Гасан-Эфенди. Асари Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала, 1929.
34. Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. 1. М., 1966.
35. Дешериева Т. И. Сравнительно-типологическая фонетика чеченского и русского литературных языков. Грозный, 1965.
36. Айдамиров А. Хронология истории Чечено-Ингушетии. Грозный. 1991.
37. Гаджиев В. Г. Якоб Рейнегтс о Чечено-Ингушетии // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII-начало XX века). Грозный. 1986.
38. Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Навекы вместе (о добровольном вхождении Чечено-Ингушетии в состав России). Грозный. 1980.
39. Гильденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809.
40. Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII-XVIII вв. Махачкала, 1992.

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В КУМЬКСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

За исключением отдельных наблюдений в общих работах и популярных статьях, вопросы древнетюркских истоков в кумыкском фольклоре не были объектом исследования. Вместе с тем, эта проблема имеет большое научное значение, ибо, в частности, показывает, что богатая духовная культура, скажем, хазар не исчезла бесследно, как об этом писали многие исследователи, а рудиментарно сохранилась у кумыков — народа, являющегося одним из наследников хазарской культуры и с древних времен проживающего на землях, ставших колыбелью Хазарии.

Необходимо подчеркнуть, что правомерность самой постановки проблемы “Древнетюркские истоки в кумыкском фольклоре” основана на достаточно прочной исторической и языковедческой базе (работы историков М. И. Артамонова, Л. Н. Гумилева, М. Г. Магомедова и др., языковедов Н. А. Баскакова, К. С. Кадыраджиева, Н. С. Джидалаева, Дж. М. Хангишиева и др.). Важно отметить и следующее: хотя архаичные памятники кумыкского фольклора трансформированы, а многие из них, очевидно, и вовсе утрачены, мы располагаем материалом, позволяющим говорить о рудиментах тотемизма, матри, матриархальных отношений, этиологических мотивов, о языческих персонажах, таких, как Тенгири, Суванасы, Албасы, Темиртеш, Авав, Авамчы и мн. др. Кумыки располагают и архаичными памятниками героического эпоса, обрядовой поэзии и т. д. Большинство из этих архаичных элементов можно трактовать как древнетюркские.

К остаткам гуннов, вошедшим позднее в кумыкский этнос, возводят “Гуенскую песню” (1), а также сравнительно позднее предание о гуенах и тюменах (2). По-видимому, с этнонимом “гунн” связана и первая часть имени героя нартской сказки “Гум-Батрав”. В фольклоре кумыков, ногайцев, казахов и др. встречается образ “аголу”. Слово созвучно с именем гуннского царя Аттилы. Хотя власть этого царя распространялась и до Кавказа, вряд ли в фольклоре указанных народов сохранилось воспоминание об историческом Аттиле. Мы полагаем, что слово “аголу”, означающее “известный”, “благородный”, “мужественный” и ставшее обобщенным песенным образом, бытова-

ло еще в гуннский период, и известнейший из гуннских царей был или наречен этим именем или оно закрепилось за ним как прозвище, титул.

Древнетюркских, в частности, хазарских элементов, особенно много сохранилось у южных кумыков, что обусловлено не только характерной вообще для этого микрорегиона консервацией фольклорно-этнографической архаики, но, по-видимому, и более значительной ролью древних тюркских племен в этногенетической истории южных кумыков. Так, в плаче героини из предания “Окаменевшая Аймеседу” упоминается Цемендер, где покупали парчу, — это, несомненно, Семендер, столица Хазарии, располагавшаяся в районе нынешней Махачкалы, и которая, кстати, была известна, в частности, как центр производства различных изысканных тканей, торговли ими (И. А. Халипаева). Отметим и то, что возле аула Каякент находится священное дерево, именуемое местными жителями Тенгриханом (З, с. 15-16) — как известно из сведений средневековых авторов, поклонение подобным деревьям особенно характерно было древним тюркам, в том числе дагестанским гуннам.

В древней песне о Минкюллию встречается бытующее и в современном кумыкском языке слово *къазархы* — “лук, праща”, которое мы этимологизируем так: *къазар* — “хазар (казар)”, *-хы (ухы)* — “их (его) лук, праща” (в совр. кумыкском языке *огьу*, в чувашском — *ухы*).

Бытуют также поговорки, где встречаются “хазарская казна” (“*хазар хазнам бармы?*” — “что у меня хазарская казна есть что ли?”) и “копейка нохрат” (в Волжской Булгарии был город Нохрат и “нохратами” назывались арабские, болгарские или русские мелкие монеты); сохранилась и аналогичная по содержанию строка кумыкской песни: “*Хазар гетди — хазна гетди Къумукъдан*” — “Ушли хазары (потерпели поражение) — ушла (иссякла) казна Кумыкии”; отметим также, что в Дагестане сохранились хазарские топонимы (Хазаркала, Хазарюрт, Хазармайдан, гора Семендер и др.); хазары довольно часто упоминаются и в средневековых дагестанских хрониках, источниках, в художественных произведениях и т. д.

К болгаро-хазарскому периоду можно отнести некоторые архаичные элементы и детского фольклора кумыков. Так, в одной считалке встречаются отсутствующие в современном кумыкском языке словоформы “бирем”, “экем” и т. д. Они, очевидно, являются порядковыми числительными, образованными с помощью аффикса *-ам (-ем)*:

бир+ем — “первый”, *эк(и)+ем* — “второй” и т. д. На основе анализа чувашского, дунайско-болгарского и волжско-болгарского языков Т. М. Матвеев пришел к выводу, что аффикс *-ам (-ем)* — болгаризм (4, с. 11-14). В другой детской игровой песенке “Гав, гав” тоже встречается нехарактерная для современного кумыкского языка форма слова *мишик* “кошка” — *мишики*, где конечное *-и*, по-видимому, тоже является болгаризмом. По предположению лингвиста Дж. М. Хангишиева (устное сообщение), “тарабарский язык” некоторых кумыкских считалок может восходить к хазарскому языку, что, на наш взгляд, находит подтверждение и в их содержании и поэтике.

Большая часть кумыкской обрядовой поэзии в своих истоках восходит к домусульманскому периоду в истории народа, т. е., скорее всего, к хазарской эпохе, т. к. распространение ислама в Дагестане началось именно в это время. Действительно, термины, обозначающие обряд вызывания дождя “Земире”, осенний обряд “Гюдорбай”, обычай коллективной трудовой взаимопомощи “Булкья”, знахарские камлания “Халмач” являются болгаризмами (5, с. 77); на наш взгляд, и в особенностях отправления обрядов, в их рефренах (“Гялилей”, “массай”, “ананай” и др.) тоже содержатся отголоски древнетюркского язычества, христианства и, возможно, иудаизма.

Еще у гуннов были жрецы с особыми функциями вызывания дождя, с их деятельностью связывалось изобилие и вообще благополучие в стране. Об особом внимании древних кавказских тюрков к дождю свидетельствует и известное письмо хазарского царя Иосифа, где, говоря о важных особенностях края, он отмечал: “Страна наша не получает много дождей” (6, с. 103). В средневековых источниках сообщается, что жители Хазарии испрашивают дождь при помощи останков предводителя арабских войск. В дагестанском фольклоре есть тексты, где говорится о вызывании дождя останками великана.

Выяснению истоков обрядовой поэзии помогает сравнительный анализ кумыкского материала с поэзией других народов.

Обряд Земире в Дагестане наряду с кумыками бытовал также у татов, ираноязычного народа, в основном исповедовавшего иудаизм. Известное противостояние ислама и иудейства, очевидно, исключает заимствование этих обрядов кумыками и татами друг у друга в период утверждения в Дагестане отмеченных монотеистических религий. На наш взгляд, из этого можно сделать вывод о том, что кумыкско-татская общность в ритуалах может восходить к периоду Хазарского каганата, где в качестве официальной религии испове-

довался иудаизм, хотя получили распространение также христианство и ислам, где долго сохранялось и язычество. (Причем средневековые авторы отмечают известную веротерпимость в Хазарии).

Слово “земер” встречается и у другого тюркского народа — караимов, имеющих непосредственные генетические связи с хазарами, которое переводится как “религиозное песнопение, стих из псалмов” (7, с. 188, 191). При этом надо иметь в виду, что, как отмечал Н. А. Баскаков, в старых караимских переводах Библии обнаруживаются древнеболгарские формы слов и что в караимском фольклоре сохранились прямые отголоски хазарского периода в их истории (8, с. 3-12).

Хазарские истоки этого обряда находят подтверждение при обращении к фольклорно-этнографическому материалу другого народа, который тоже, по-видимому, имеет генетические связи с хазарами — к чувашскому. У чувашей обряд называется “Самар”, он сходен с аналогичными обрядами отмеченных выше народов не только названием, но и особенностями его проведения.

В “Сказаниях о битве при Анжи” повествуется о событиях периода арабо-хазарских войн. Сюжет сказания вкратце таков: у предводителя Анжи (город-крепость, располагавшийся в черте нынешней Махачкалы) было два сына — Темиш и Айбек; они любили одну девушку — Айкыз; получив отказ от девушки, Темиш переходит на сторону арабов, показывает им, где проложены водопроводы Анжи, в результате чего врагам удается завладеть крепостью; Айкыз тайными тропами выводит стариков, детей и женщин в Игран и Балх; затем она вместе с Темишем поднимается на вершину крепости и бросается вниз, увлекая за собой и предателя. Сказание представляет собой своеобразное переплетение исторически реальных событий с мифологическими представлениями (рукописная книга о защите Анжи написана в 1780 г. жителем нынешнего пос. Кяхулай Абукадирмирзой; подробнее см.: 9, с. 22-30; 10, с. 74-80).

Известны сходные сюжеты, связанные с другими пунктами. Топонимические предания об основании Семендера и Эндирея дают народную этимологию названий этих пунктов и основываются на типичной фольклорной традиции, по которой аулу, городу давалось имя определенного лица — их основателя или владельца. Сюжет предания о Семендере: один кровник, боясь мести, бежал из Аравии, добрался до района нынешних Тарков и жил в укрытии; преследователи нашли его, но простили, нарекли его Семендером — именем убитого

им человека; Семендер больше не вернулся к себе, и за аулом, образовавшимся на месте, где обосновался Семендер, якобы закрепилось его имя. Во втором предании говорится о спасении Эндиреем, предводителем одного из хазарских отрядов, аула Балькь-батагъа, использовавшим для этого военную хитрость. Согласно предварительному уговору этому аулу потом, мол, было дано название Эндирей.

Отдельные архаичные казачьи песни кумыков, на наш взгляд, тоже могут восходить к древнетюркскому, в частности, к хазарскому периоду, о чем свидетельствуют: а) черты архаики (в частности, домусульманские), характерные некоторым казак-йырам (казачьим песням); б) необычайно сильный пафос казак-йыров, отражение в них перипетий, которые в той или иной мере могут быть увязаны и с историческими событиями периода расцвета крупных тюркоязычных государств и объединений на Северном Кавказе; в) общетюркские черты, сохранившиеся в них; г) мы полагаем, что сами слова “хазар” (*казар*) и “казак” (*хазак*) — однокоренные слова.

Интересно, что в кумыкских песнях о Карткожаке и Джаватбие прослеживаются черты общности с византийскими памятниками. Эта общность тоже могла возникнуть скорее всего в хазарский период истории кумыков.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. 17. Разд. 3.
2. Терский сборник за 1891 г. Вып. 1.
3. *Халипаева И. А.* Мифологическая проза кумыков. Исследование и тексты. Махачкала, 1994.
4. *Матвеев Т. М.* Некоторые особенности чувашских числительных. // Вопросы чувашского языка, литературы и искусства. Чебоксары, 1960.
5. *Кадыраджиев К. С.* Язык и история. // Советский Дагестан. 1974. №4.
6. *Коковцев П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. М., 1932.
7. Караимско-русско-польский словарь. М., 1974.
8. *Прик О. Я.* Очерк грамматики караимского языка (крымский диалект). Махачкала, 1976.
9. *Алиев С. М. -С., Акаев М. -Г. Д.* Дореволюционная кумыкская литература. Хрестоматия. Махачкала, 1980. (На кум. яз.).
10. *Аджиев А. М.* Дальние дороги песни. Махачкала, 1977.

К ЭТНОГЕНЕЗУ КУМЫКОВ

С конца IV века н. э. в Приморский Дагестан проникают гунны-савиры (см., напр.: 1-5). Однако с проникновением тюрко-язычных племен материальная культура этого региона продолжала развиваться, в основном, автохтонно, подчиняясь преемственным связям с предыдущими эпохами, что наглядно видно, в частности, в таком массовом археологическом материале, как керамика. Например, в нижних слоях городищ и поселений Генторун, Урцеки, Какамахи, Уллу-Яр, Гелли, Сотай-Кутан и др. найдена однотипная керамика, характеризующая бытовые памятники с албано-сарматского времени до средневековья. Обилие памятников, связанных не только хронологически, но и особенностями материальной культуры, свидетельствует о том, что в Северо-Восточном Дагестане до вторжения пришлых племен сосредотачивалась хозяйственная жизнь коренного земледельческого населения, генетически связанного с автохтонным населением предыдущих эпох (6, с. 66).

Встречаемые в материальной культуре Северо-Восточного Дагестана некоторые элементы культуры пришлых племен, начиная с эпохи бронзы до позднего средневековья, носят второстепенный характер и не нарушают нити культурно-исторической и этнической преемственности на протяжении многих веков. Это является ярким свидетельством и доказательством автохтонности процесса этногенеза в условиях определенного этнического и культурного взаимодействия и взаимовлияния коренного, аборигенного населения с пришлыми элементами. Языковеды еще не в состоянии точно определить время, когда именно предки дагестанских народов (аварцев, даргинцев, лезгин, лакцев и др.) начали говорить на своих современных языках, но на основании данных глоттохронологии установлено относительное время существования общедагестанского языкового (и этнического) единства и распада этого единства, приведшего в итоге к состоянию полиэтничности и многоязычия современного Дагестана.

Ясно, что первобытные люди, которые обитали на территории Дагестана, общались, разговаривали и имели свой язык. Для нас важно то, что предки дагестанцев имели между собой близкородственные связи не только по языку, но и по материальной и духовной куль-

туре. И те, кто пытается возвести кумыкский народ к пришлым гуннам, хазарам, особенно кыпчакам, глубоко заблуждаются. Этногенез кумыкского народа тесно связан с этногенезом остальных народов Дагестана, проходил в его русле и предки кумыков обитали на той же территории, где они проживают и ныне с глубокой древности.

Говорили ли предки кумыков с той древности (в досредневековую эпоху) на диалектах тюркского языка (хотя некоторые исследователи допускают такую возможность исконной поркоязычности кумыков и других тюркоязычных народов Кавказа), мы не знаем. Пока мы достоверно знаем другое: с конца II в. н. э. и особенно с середины I тыс. н. э. в степные районы Северо-Восточного Дагестана начали проникать тюркоязычные племена, сменяя друг друга в течение целого тысячелетия. Можно предположить, что предки кумыков действительно восприняли тюркский язык от этих пришлых кочевых тюркских племен, сами будучи автохтонами Дагестана. Если бы кумыки были ассимилированы пришлыми тюркоязычными кочевниками или же остатками этих, осевших в Прикаспийском Дагестане, племен, то у них обязательно изменился бы и местный антропологический тип на пришлый, кардинально изменились бы материальная и духовная культура. При значительном этническом взаимодействии с пришлыми тюркоязычными племенами обязательно произошли бы определенные изменения в антропологическом облике предков кумыков. Однако, мы этого не наблюдаем: данные исследований свидетельствуют об антропологическом сходстве кумыков с другими аборигенными народами Дагестана и относятся в своей абсолютной массе к каспийскому антропологическому типу, присущему этому региону с глубокой древности. Исключение составляют единичные случаи проявления монголоидности, которые встречаются у северных кумыков, проживающих в Хасавюртовском и Бабаюртовском районах и имевших значительно более тесные этнокультурные связи со средневековым тюркоязычным населением Предкавказья и Северного Прикаспия. На территории этих районов в XIV-XVI вв. вели кочевой образ жизни ногайцы, перешедшие позднее к оседлости. Естественно, между обоими соседними этносами — ногайцами и кумыками, говорившими на близкородственных языках, относящихся к одной, кыпчакской (северо-западной) группе тюркских языков — поддерживались не только тесные культурные, экономические, но и этнические (брачные) связи. В этих условиях обязательным следствием было появление потомства с монголоидными чертами лица (эпикантусами), которые передава-

лись (не исчезая) из поколения в поколение (6, с. 137-138). Это явление носит всеобщий характер: брачные (этнические) контакты с монголоидным этносом обязательно проявляют в следующих поколениях монголоидные черты. Следует заметить и то, очень многие ногайцы, не будучи кумыками, называют себя кумыками. Отмеченные единичные, частные случаи монголоидности и послужили одной из причин неверного толкования этногенеза кумыков.

По всем этнокультурным показателям (материальная и духовная культура, антропология) предки современных кумыков относились к автохтонному населению Северо-Восточного Дагестана. Наличие тюркского языка, а также единичные случаи монголоидной примеси не могут служить основанием к утверждению, что кумыки потомки пришлых тюркоязычных племен — гуннов, хазар, кыпчаков.

Как установлено лингвистами, современный кумыкский язык относится к кыпчакской группе тюркских языков. Вместе с тем, исторически зафиксировано (и этот факт является аксиомой), что кыпчаки появились в Дагестане в кон. XI-нач. XII в. (3, с. 187; 7). Однако, на основе этого нельзя утверждать, что кумыкский язык начал складываться в Дагестане только с появлением кыпчаков. Тюркский язык звучал здесь, на территории "царства гуннов", а затем раннефеодального государства Джидан, по крайней мере за 500-600 лет до того, как появились в приморском Дагестане кыпчаки, не говоря о том, что тюркский язык мог быть воспринят какими-то группами местного дагестано-нахского населения еще ранее.

О том, что тюркский язык (пракумыкский язык) звучал на территории Северо-Восточного Дагестана Джидана задолго до появления половцев-кыпчаков, свидетельствуют многие исторические факты, этнонимические и топонимические данные, сведения "Анджи-намэ" (8).

Наряду с этим, исторические материалы дают основание считать, что кумыкский народ сформировался со своей единой территорией, культурой, языком с XV в., хотя еще в раннем средневековье в Северо-Восточном Дагестане — на территории исторического (исконного) проживания кумыков, сформировалось раннегосударственное образование Джидан. Возможно, с XV в. появляется этноним "кумык" по отношению к населению бывших Буйнакского, Башлыкентского, Карабудахкентского, Геллинского, Какашуринского, Тарковского, Кумторкалинского, Эрпелинского, Эндереевского и других феодальных владений. В это время население этих и других небольших фео-

дальних образований, в пределах которых проживали предки современных кумыков, в русле процесса государственно-политического объединения консолидировались в единый кумыкский народ, правители которых получили высший титул в Дагестане *шамхал*. С XV в. шамхалы Тарковские берут на себя миссию объединителей всех разрозненных кумыкских феодальных владений и с конца XV в. становятся крупнейшими владетелями Дагестана, положив начало существованию единого феодального образования с единым языком, единой территорией и единой материальной культурой. В значительной мере процесс государственно-политической централизации был обеспечен существовавшей в названных феодальных владениях этноязыковой и культурно-хозяйственной общностью.

Образование единого шамхальства, в составе которого вошли ранее разрозненные кумыкские феодальные владения (Буйнакское, Карабудахкентское, Гелгинское, Баматулинское, Тарковское, Эрпелинское, Эндереевское и др.) совпало по времени с избранием казикамухами (лакцами) своего правителя *халклавчи*. После этого события знать Кази-Кумуха во главе с халклавчи приняла решение более “не пускать” в Кумух “чужих” правителей, каковыми были шамхалы кумыкские из Тарков и Бойнака и которые, по историческому преданию, имели летнюю резиденцию в Кази-Кумухе. Эта правдоподобная история получила у некоторых исследователей неверное толкование, суть которого в том, что инициаторами создания кумыкского шамхальства с центром в Тарки выступили выходцы из Кази-Кумуха — представители шамхальского, этнически лакского, дома (9). В действительности же “изгнанные” из Кази-Кумуха шамхалы происходили из Буйнака и Тарки, и они же явились объединителями кумыкских владений в единое государство — Тарковское шамхальство. В противном случае возникает вопрос — могли ли лакцы-шамхалы создать крупное Тарковское шамхальство, на месте которого существовали кумыкские государственно-политические образования с общим для них этническим, языковым, культурным единством? Могли ли местное население, местные владетели и знать допустить представителей “чужого” народа при существовавших условиях встать во главе себя и выступить объединителями кумыкских земель?

Создателями шамхальства Тарковского были кумыки, предки которых жили на территории Северо-Восточного Дагестана с древнейших времен, и из их числа вышли первые “шевкалы”, которым платили дань (*ясак*) почти все местные феодальные правители, как на это

указывает Муххамед Рафи (10). Если бы создателями Тарковского шамхальства были выходцы из Кази-Кумуха, то обязательно сохранились бы в материальной культуре кумыков какие-нибудь элементы, специфически характерные для материальной культуры лакцев.

Касаясь вопроса о происхождении этнонима *кумык* (*къумукъ*), несмотря на предположенные исследователями версии, представляется более реальным поиск его в самом Дагестане. Существует множество этнонимов и этнотопонимов с корнем *кум*, встречающихся еще во II тыс. до н. э. на территории Двуречья и Ирана. Эти этнонимы сохранились в клинописных текстах, повествующих о борьбе Ассирии с Урарту. Например, неоднократно упоминаются *страна Кумух*, *город Кумен* (11, с. 7, 34, 46, 78, 80, 83, 228), созвучные известным средневековым этнонимам.

Однако эти топонимы не имеют никакого отношения к кумыкам, равно как и к казикамухцам. Также и *ками*, *камаки*, которые фигурируют у Клавдия Птолемея (II в. н. э.), не связаны с этнонимом *кумык* и кумыкским этносом. Анализ археологических, антропологических, этнографических, исторических, лингвистических и иных данных позволяет сделать однозначный вывод об автохтонности кумыков, о том, что в этногенезе кумыков основополагающую, главенствующую роль сыграло древнее местное население — представители дагестано-нахского этнического массива, занимавшие предгорные и равнинные районы Дагестана с древнейших времен.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Гаджиев С. Ш. Кумыки М., 1961.
2. Артамонов М. И. История Хазар. Л., 1962.
3. Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978.
4. Гмыря Л. Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала, 1993.
5. Федоров Г. С. История происхождения кумыков. Махачкала, 1996.
6. Федоров Г. С. История происхождения кумыков. Махачкала, 1996.
7. Федоров Г. С. К вопросу о пребывании кыпчаков в Дагестане. Проблемы археологии и этнографии. Л., 1977. Вып. 1.
8. Алиев С. М. Дорога в современность. Махачкала, 1977.
9. Бутаев Б., Маршаев Р. История лакцев. Махачкала, 1991.
10. Шихсаидов А. Р., Айтберов Т. М., Оразаев Г. М. -Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993.
11. Пиотровский Б. Б. Ванское Царство. М., 1959.

БУЛГАРСКАЯ И ГУННСКАЯ ТОПОНИМИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ДАГЕСТАНА

Топонимы — уникальные памятники истории этноязыкового развития народов, дифференциации географических ландшафтов той или иной территории. Их возникновение тесно связано с бывшим расселением и миграцией этносов и сложными процессами, происходящими в экологической сфере географической оболочки. Как пишет Е. М. Поспелов (15, с. 4), топонимические данные с успехом могут применяться для определения территории расселения какого-либо народа, для определения этнической принадлежности народов, населяющих ту или иную территорию. Вполне можно согласиться с А. В. Суперанской (17, с. 8), что передвигаясь с одной территории на другую народы несли с собой и имена.

В изучении указанных вопросов определенный интерес представляет болгарская и гуннская топонимия юго-восточной части Дагестана.

Были ли болгары в Дагестане?

Такой вопрос задает Н. С. Джидалаев и отвечает, что “если судить по имеющимся на сегодня данным, выходит, что собственно болгар, которые говорили на болгарском языке, в Дагестане не было. Но вполне допустимо, что в отдельных средневековых источниках, которыми мы оперируем, они были известны под другим этническим именем, в составе более крупного или более известного современникам государственного или племенного объединения, хотя бы тех же гуннов, хазар, савир” (10, с. 31). Он же в той же работе далее пишет: “Языковые данные убедительно свидетельствуют о том, что болгары были размещены на значительной территории современного Дагестана. Наличие в кумыкском языке болгарских слов, а также отдельных топонимических названий, которые этимологизируются на болгарской почве, подтверждает, что до прихода огузов и кипчаков (язык которых впоследствии послужил основой современного кумыкского языка), на равнинных и современных частях Дагестана жило болгарское население. Наличие же болгаризмов в лакском, даргинском и других горских дагестанских языках указывает на то, что болгары жили и в горах” (10, с. 56).

В. Л. Гукасян же, со ссылкой на сирийского автора VI в. — Захарию Ритора, отмечает, что в VI-VII вв. в районе Дербента (“за Каспийскими воротами, в пределах гуннов”), в соседстве с древней Албанией обитали 13 тюркских племен, среди которых находились и бургары/булгары (9, с. 24).

Изучением болгарского ономастикона занимался К. С. Кадыраджиев (12; 13); проблему болгарского языкового наследия рассматривает Н. С. Джидалаев и в другой своей крупной работе (11). В частности, по его мнению, лак. *аьря*, дарг. *гьяри* — болгарского происхождения (11, с. 29). Первоначально *аьря* имело значение “граница, пограничная межа, межа”, *гьяри* — “межа, ограда”, что убедительно, на большом материале обосновано Н. С. Джидалаевым. Примерами топонимов этих болгарских лексем могут служить названия местностей у селений Бурши и Куркли Лакского района *Ариялу* (“местность под равниной”) и название местности вблизи сел. Хосрех Кулинского района *Аралиялу* (значение то же, что и Ариялу), название реки у сел. Хурик Табасаранского района *Гьяриккнир* (“пограничная река”), название родника в сел. Арак того же района *Гьяриккбулаг* (“пограничный источник”), квартала сел. Маджалис Кайтагского района *Гьяритуп* (“пограничная вершина”).

По мнению К. С. Кадыраджиева (13, с. 102, 103), оним *жандар* → *чандар* есть стяженная форма более полного варианта, сохранившегося в составе огузского *чавулдур*, имеющего параллели *джаулдур*, *джувалдур*, *чувалдар*. Фонетическое развитие кум. *жандар* и азерб. *чандар* могло идти по схеме *чавундур* → *чавандар* → *чандар*. В последнем варианте эта лексема нашла отражение в названии сел. *Чантаркент* Сулейман-Стальского района. Переход *д* → *т* в топониме Чантаркент является закономерным в тюркской топонимии. Отсюда, Чантаркент означает “село чандаров”. По данным Г. А. Гейбуллаева (7, с. 67), этноним *чандар* (*джандар*) широко встречается в топонимии Азербайджана, Туркмении, Узбекистана, Турции, Грузии.

Древнеболгарским субстратом является термин чум “кизил” (12, с. 37-47). Наш полевой материал показывает, что топонимы с этим термином широко распространены в топонимии южных кумыков, кайтагских даргинцев, лезгин — в Каякентском, Сулейман-Стальском, Магарамкентском районах.

Булгарскими можно считать и топонимы с лексемами *акай* (имя личное мужское), *эшек* “осел”, *кёрню* “мост”, *кеске* “короткий”, *гегем* “терн”, *тилек* “горный хребет” (букв. “поясница”), *палчик* “грязь,

земля”, суган “лук”, терен//дерин “глубокий”, тут “тут, тутовник”, терек “дерево”, хир “чалгичное поле”, встречаемые в районах расселения азербайджанцев, южных кумыков, лезгин, табасаранцев, рутульцев — в Дербентском, Каякентском, Сулейман-Стальском, Магарамкентском, Хивском, Ахтынском, Рутульском районах.

О расселении болгар в юго-восточной части Дагестана свидетельствуют также этнотопонимы *Башлыкент* (село Каякентского района), *Куллар* (село Дербентского района), *Балхар* (село Акушинского района), *Барсалияр* (гора в Акушинском районе), *Эбдалая* (село Левашинского района). Связь этнотопонима Балхар в болгарам отмечена и Б. А. Гардановым (5, с. 69). С. Д. Алиев (1, с. 20) название сел. Балхар связывает с арабским словом *фалхар*, что означает “гончарные изделия, гончары” и приводит легенду о том, что, некогда произошла стычка акушинцев с балхарцами, во время которой первые закричали “бахар”, что означает “много” и с этого времени село называется Балхаром. Такой анализ этого ойконима С. Д. Алиевым, без привлечения этногенетического материала — лишь показатель занятий и взаимопомощи балхарцев в трудную минуту, что привело к неправильному его объяснению.

Барсалияр означает “барсилинцы”, *Башлыкент* — “село барсидов”. Остановимся на последнем этнотопониме. С. Ш. Гаджиева пишет: “Имеются все основания видеть наглядные связи этнонима “барсиды” и названия царства Барсилия, или Ал-Баршалля, с наименованием южного кумыкского сел. Башли, которое соседи-даргинцы до сих пор называют Баршли, или точнее Варшли. В памяти башлинцев сохранились глухие сведения относительно переселения их предков в одно общее селение (названное потом Башли) из трех других селений, расположенных несколько выше. Это еще более усиливает наше предположение относительно того, что термин “Варшли” происходит от названия страны “Барсилия” и народа “барсиды” (4, с. 37). По мнению М. А. Сейидова (16, с. 172), слово *басил*, от которого образован этноним *барсил* состоит из двух частей: “бас” и “ил”. Первая в тюркских языках, в том числе и в азербайджанском, является словом многозначным. Одно из его значений — “побеждать, покорять”. В ряде тюркских языков существует фонетический вариант “бас” — “баш”. В таком случае, *баш эль* означает “глава племени”, “старшее племя”. Булгары, а позднее и хазары, на Кавказе поддерживали с албанцами этого региона самые разнообразные и тесные связи. Во второй пол. XIX в. село Башлыкент называлось Александркентом (по имени

русского царя Александра II). После Октябрьской революции до 1937 г. оно носило название Джелалкент (в честь видного советского государственного деятеля Д. Коркмасова), а затем и по настоящее время — опять Башлыкент (3, с. 37).

Булгарским является также топоним *Куллар* от одноименного этнонима. Племя *кул* жило среди печенегов и кипчаков южнорусских степей. Он отмечается в Азербайджане, Турции (6, с. 35).

Эбдалая — тюркско-даргинское гибридное название в значении “отселок абдальцев” — от тюркского этнонима *абдал* (*эбдал*) и даргинской лексемы *ая* (*гляя*) “отселок”. М. Османов (14, с. 292) неточно считает ойконом *Эбдалая* полностью даргинским в значениях “пустырь вокруг дома”, “загон”, “выгон”. Этноним *абдал* отмечается и в сирийских источниках как болгарский (2, с. 33). Племя *абдал* было одно из сильных общественно-политических групп Турции в средние века (6, с. 86). Оно отмечается в топонимии азербайджанцев, башкир, каракалпаков, туркмен, хорезмских узбеков, в Иране (7, с. 59).

След в топонимии Юго-Восточного Дагестана оставили и гунны. Древнейшее упоминание об этом племени в Прикаспии относится ко II в. н. э. и кочевали они, по-видимому, в степных районах Западного Прикаспия вплоть до Дербентского прохода (8, с. 9, 47). Еще П. К. Услар (18, с. 45), а затем А. Н. Генко (19, с. 105) в Табасаранском и Хивском районах зафиксировали названия местностей, которые предположительно связали с этнонимом *гунн* и, вместе с тем, отметили возможную связь табасаранского этнонимического названия *гуннар* с гуннами. Это такие топонимы, как *Гуннарин-хутил* “пашня гуннов” (пашни вблизи сел. Уртиль Хивского и сел. Ханаг Табасаранского районов), *Гуннарин-йагъаг* “впадина гуннов”, букв. “котел гуннов” (впадина у сел. Ляхла Хивского района), *Гуннарин-рагъвар* “мельница гуннов” (местность недалеко от сел. Хилипенджик Табасаранского района). Эти наименования могут свидетельствовать о том, что гунны заселяли не только низменную часть Дагестана, но и горную.

На основе представленного материала можем сказать, что древние булгары и гунны оставили след о своем расселении на территории Дагестана. Они, из-за своей малочисленности, естественно были ассимилированы местным населением — лакцами, лезгинами, даргинцами, рутульцами, табасаранцами, приняв язык, традиции и обычаи последних, а также сыграли определенную роль в этногенезе кумыков и азербайджанцев.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Алиев С. Д. В помощь краеведу Дагестана. Махачкала, 1964.
2. Баскаков Н. А. Тюркская лексика в "Слове о полку Игореве". М., 1985.
3. Гаджиева С. Ш. Материальная культура кумыков в XIX-нач. XX в. Махачкала, 1960.
4. Гаджиева С. Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961.
5. Гарданов Б. А. Исторический очерк // Народы Кавказа. Т. I. М., 1960.
6. Гейбуллаев Г. А. О некоторых этнопонимах Азербайджана // СЭ. 1985. №3.
7. Гейбуллаев Г. А. Топонимия Азербайджана. Баку, 1986.
8. Гмыря Л. Б. Страна гуннов у Каспийских ворот: Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала, 1995.
9. Гукасян В. Л. Историко-культурные контакты народностей Кавказской Албании и Хазарского каганата в VI-VII вв. // Историко-культурные контакты алтайской языковой общности. Ташкент, 1986.
10. Джиодалаев Н. С. Далекое-близкое. Махачкала, 1989.
11. Джиодалаев Н. С. Тюркизмы в дагестанских языках. Опыт историко-этимологического анализа. М., 1990.
12. Кадыраджиев К. С. О происхождении некоторых фитонимов в дагестанских языках // Тюркско-дагестанские языковые контакты. Махачкала, 1982.
13. Кадыраджиев К. С. Бул арских ономастикон Дагестана // Тюркско-дагестанские языковые взаимоотношения. Махачкала, 1985.
14. Османов М. Некоторые вопросы даргинской топонимии (материалы по названиям селений) // Уч. зап. Даг. ФАН СССР. Т. XIV Махачкала, 1965.
15. Поспелов Е. М. Топонимия и историческая география. М., 1976.
16. Сейидов М. А. Заметки о гуннской мифологии // Сов. тюркология. 1970. №2.
17. Суперанская А. В. Что такое топонимика? М., 1985.
18. Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. Табасаранский язык. Тбилиси, 1979.
19. Генко А. Н. Арабский язык и кавказоведение // Тр. ИВАН. Т. XXXVI. М. -Л., 1941.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ПРИКАСПИЙСКОГО ДАГЕСТАНА В ПОСТАРАБСКИЙ ПЕРИОД (IX-X ВВ.)

В 1995 г. вышла в свет моя книга "Страна гуннов у Каспийских ворот". Ее вторая глава "Каспийская страна", посвященная вопросам исторической географии Прикаспийского Дагестана, как предполагалось первоначально, должна была включать события II-XII вв. Однако ограничение объема издания привело к необходимости завершить ее хронологию VIII в. (I, с. 46-89). Настоящая статья является воспроизведением заключительного раздела второй главы книги, освещающим развитие этнополитических процессов в Прикаспии в период после окончания арабо-хазарского противостояния на Кавказе¹.

Содержание предыдущих разделов сводилось к положениям о том, что известное по письменным источникам политическое образование "страна гуннов", первые сведения о котором принадлежат армянскому историку V в. Египте Вардапету (I, с. 54), складывалось исторически. Если для II-IV вв. владения гуннов в Прикаспии еще четко не фиксировались древними авторами сопредельных территорий, то в V-VII вв. с гуннами прочно связываются Дербентский проход, являвшийся южным рубежом их владений в Прикаспии, а также приморская полоса, ограниченная с запада передовыми отрогами Кавказа. В первой половине VIII в., вероятно, вследствие разгрома, учиненного арабами в Прикаспийском Дагестане, "страна гуннов" расчленяется на несколько обособленных владений. Это — собственно сама "страна гуннов" с новой столицей в г. Семендере; ее владения простирались в этот период от Дербента до современной Махачкалы. В северо-западных районах "Гуннии" выделились "страна Баланджар" и "территория Вабандар", расположенные в предгорьях. К западу от "страны гуннов", также в предгорьях, находилась "земля Хайдак". Степи Западного Прикаспия контролировались Хазарией с центром в Итиле (I, с. 66-89).

Целью данной статьи является желание проследить вместе с читателем перипетии исторической судьбы "Страны гуннов" в постарабский период, вычленив в материалах хронологически два периода: IX и X вв.

IX век. Политическая карта Прикаспийского Дагестана несколько изменилась в сравнении с предыдущим столетием. Источники надежно локализируют в регионе в этот период следующие политические центры: “владение Семендер”, “царство Сувар”, “территория Шандан” и “Страна хазар”. Существование Баланджара в IX в. подвергается сомнению. О Хайдаке в IX в. сведений в источниках нет.

“Владение Семендер”. Сведений о Семендере IX в. не так уж много. О нем писал во второй половине IX в. арабский географ Ибн Хордадбех. Данные его дают возможность предположить, что Семендер не был хазарским городом, каким его считает большинство современных исследователей. Три обстоятельства свидетельствуют об этом. Первое — автор выделяет только три известных в его время хазарских города: Хамлидж, Баланджар и ал-Бейда, Семендер среди них не назван (3, с. 109). Второе — Семендер упоминается Ибн Хордадбехом трижды. Первый раз — вместе с Беленджером, как города, основание которых приписано персидскому шаху (3, с. 109). Во второй раз — после перечисления 13 известных проходов в Кавказских горах, указывая на местоположение Семендера севернее Дербента и на южных оконечностях земель хазар. “Город Самандар лежит за Бабом, и вся страна за ним во власти хазар”, — писал Ибн Хордадбех (3, с. 109). Как нам представляется, территории, находящиеся между Дербентом и Семендером в IX в., не входили в состав Хазарского каганата. Семендер у Ибн Хордадбега выступает как владелец обособленных от хазар территорий, что согласуется с данными более поздних арабских географов. Город Самандар упомянут автором в перечне политических центров, расположенных севернее Дербента: “За пределами ал-Баба [идут земли] владык сувар, лакзов, аланов, Филана, ал-Маската, Сахиба ас-Сарир и город Самандар” (3, с. 109).

О Семендере, как крупном центре на Северном Кавказе, возможно, упоминает ранний арабский географ ал-Хваризми, писавший в 836-847 гг. На Северном Кавказе им отмечены три больших города, названия двух из них автором приводятся — ал-Баб-ва-л-Аббаб (Дербент) и Баб ал-Лан. Третий обозначен словосочетанием — “город у гор между двух ал-Баб (ов)” (4, с. 40, 42). Учитывая, что автором поименно названы два кавказских прохода — Каспийские ворота (ал-Баб-ва-л-Аббаб) и Дарьяльский проход, (Баб ал-Лан), третий город мог также находиться в стратегически важном месте, у прохода. Таковым являлся Семендер, хорошо известный арабским писателям.

Очень лаконичные сведения о Семендере сообщает хазарский царь Иосиф в письме, написанном испанскому политическому деятелю Хасдаи Ибн Шафруту где-то вскоре после 960 г. Им обрисованы границы “страны хазар”, но не современной Иосифу, а времени ее расцвета — VIII-IX вв. (5, с. 100). Южная граница, по данным источника, проходила по предгорьям Северо-Восточного Кавказа до Баб-ал-Аббаба (Дербента) (6, с. 82; 7, с. 100). Интересно отметить, что родовое владение царя Иосифа — представителя того, по его определению, “малочисленного” племени хазар, положившего основу правящей династии “хазарского царства”, простиралось на юг на 20 фарсахов пути, в то же время расстояние до южных границ Хазарии составляло 30 фарсахов. Видимо, территории Прикаспийского Дагестана не входили в число родовых владений хазарских царей, передававшихся по наследству, т.е. являвшихся, по выражению царя Иосифа, “... владениями от своих предков...” (6, с. 85; 7, с. 102).

В прикаспийских районах царь Иосиф называет в качестве географического ориентира южной границы Хазарии С-м-н-д-р (Семендер), который находился “в конце (страны) Т-д-лу, пока (граница) не поворачивает к “воротам”, т.е. Баб-ал-Аббабу, а он расположен на берегу моря” (7, с. 100). Из этого лаконичного отрывка письма царя Иосифа можно заключить, что Семендер находился в северном конце “страны Т-д-лу”, территория которой простиралась до Дербента. Название страны, переданной в источнике как Т-д-лу, не идентифицируется с политическими образованиями Прикаспия, известными из других сочинений древних авторов. Возможно, что царь Иосиф передает неизвестное название “страны Семендер”, упоминаемой в арабских источниках X в.

Анонимный персидский автор географического трактата “Пределы мира”, составленного в 982-983 гг., также сообщает некоторые сведения о Семендере. Его данные, взятые у арабского автора ал-Джайхани, датируются временем до 90-х гг. IX в. (5, с. 111). В Северо-Восточном Кавказе он знает две “населенные области” — “область аланов” и “области Сериров”, характеризуя их как горно-степные (8, с. 31). Правда, аноним упоминает в своем трактате “турок”, которые живут по соседству с областью хазар” (8, с. 30). Сведения о турках не носят прямой характер. Персидский аноним сравнивает их нравы с нравами болгар, находя их похожими. Обращает на себя внимание тот факт, что среди схожих болгарам по нравам народов названы не хазары, а именно “турки”. Учитывая, что “турки” названы

ближайшими соседями “области хазар”, возможно, что речь идет о населении Прикаспийских областей, т.н. “области Семендер”.

О Семендере в источнике мало данных. Информация о нем очень лаконична: “Семендер — город на берегу моря, богатый, есть базары и купцы” (8, с. 32). Характеристика Семендера помещена в разделе, озаглавленном — “об области хазар”, и сразу после описания Итиля. Следом автор приводит перечень еще восьми городов Хазарии. Семендер как бы прямо не причислен к городам Хазарии и сведения о нем особо выделены автором. Понять, почему именно так разместил автор свой материал очень трудно. Но, возможно, у Семендера был особый статус взаимоотношений со “страной хазар” и это попытка подчеркнуть автор.

Беленджер. О Беленджере IX в. как особом владении или стране данных в источниках нет. Беленджер, как крупный город, упоминает во второй половине IX в. арабский географ Ибн Хордадбех. Среди трех важных городов Хазарии, в число которых входила поздняя столица Хазарии г. Хамлидж, автором назван и Баланджар (3, с. 109). Ибн Хордадбех приводит также сведения исторического характера, свидетельствующие о том, что Баланджар и Семендер были построены в VI в. Автором цитируется еще арабский поэт ал-Бухтури, упоминающий о Баланджаре: “Уважение в ал-Ираке возросло к тому, кто заключил договор в Хамлидже или в Баланджаре” (3, с. 109).

Никаких сведений о местонахождении Беленжера, как видим, арабский географ не приводит, хотя о другом городе — Семендере эти данные у него имеются. Вообще, если сравнивать информацию Ибн Хордадбеха о Семендере и о Беленджере, то создается впечатление, что сведения о Беленджере носят книжный характер. Арабский географ, видимо, не располагал реальными данными об этом городе. Не зря он обращается даже к литературному источнику. Возможно, что Беленджер к началу IX в. утратил свое бывшее значение. Но вполне вероятно, что он уже не существовал во времена Ибн Хордадбеха. По крайней мере Беленджер не упоминается даже хазарским царем Иосифом, сведения которого по исторической географии датируются концом IX — началом X в.

Персидским Анонимом Баланджар назван в перечне восьми городов Хазарии, причем сразу после столичного Хамлиджа (8, с. 32), но других данных о нем нет (сведения Анонима, как известно могут быть отнесены ко времени до 90-х гг. IX в.). Так что персидский автор,

начавший составление географического трактата в 982-983 г., уже сам ничего не знал о Беленджере и мало что мог найти о нем у автора IX в. ал-Джайхани, чье сочинение послужило для него одним из главных источников.

“Территория Шандан”. Первые сведения о Шандане, как о политическом центре, помещены в дагестанской хронике “История Ширвана и ал-Баба”, написанной по-арабски в Дербенте неизвестным автором в 1106 г., хотя Шандан мельком упомянут еще у ал-Куфи среди покоренных стран Дагестана во время походов Мервана в 739 г. (9, с. 56).

Наряду с описанием событий политической жизни Ширвана и Дербента в период с 851 г. по 1075 г., автором хроники затрагивается история политических образований Дагестана, активно участвовавших в этих событиях. Среди них названы Маскат, Лакз, Табасаран, Хайдак, Карах, Гумик, Сарир и Шандан.

Шандан упоминается в хронике шесть раз. Впервые под 886 г. В этом году, сообщает автор, эмир Дербента напал на “территорию Шандан” и покорил два принадлежащих ему населенных пункта (10, с. 65). Следующее упоминание Шандана относится уже к 912 г.

Судя по косвенным данным источника, можно заключить, что “территория Шандана” является ближайшим северным соседом Дербента, как и Хайдак (10, с. 72). Сарир, к примеру, назван автором хроники, как “отдаленная область” от Дербента (10, с. 51). Исследователями предложены различные версии локализации Шандана на территории среднего Дагестана (см.: 11, с. 246-247, там же библиография и краткий обзор мнений).

“Страна Хазар”. В IX в., судя по данным Ибн Хордадбеха, земли хазар простирались к северу от владений Семендера. Автор отмечает: “Все, что за этим [городом], в руках хазар” (3, с. 109). Ибн Хордадбех приводит перечень семи ближайших к Дербенту политических центров, но среди них владения хазар не называет (3, с. 109). Царь Иосиф же, как отмечалось, весь Прикаспийский Дагестан этого времени вплоть до Дербента включал в состав Хазарии (6, с. 82; 7, с. 100), но также, как и Ибн Хордадбех, он знает в Западном Прикаспии в середине X в. только два крупных города — Баб-ал-Абваб (Дербент) и С-м-н-д-р (Семендер). Царь Иосиф мог приводить гипертрофированные сведения о количестве включенных в состав Хазарии стран и народов, тем самым возвышая могущество Хазарии, что, впрочем, и понятно, ведь письмо Иосифа носит характер дипломатической пе-

реписки, а у нее свои специфические законы. Истина, видимо, принадлежит Ибн Хордадбеку, занимавшему в 40-е гг. IX в. должность начальника почтового ведомства, в обязанность которого входило составление официальной “Записки” с дорожными сведениями для халифа (3, с. 11), и который в силу занимаемой должности располагал реальными географическими сведениями, полученными им от начальников почт.

Персидский Аноним, чьи сведения относятся ко времени до 90-х гг. IX в., достаточно много места в своем географическом трактате отводит характеристике “области хазар” или “стране хазар” (8, с. 31-32). Среди городов в “стране хазар” названы: “Хамлидж, Баланджар, Байда, Савгар, Хтл, Лкн, Сур, Масмада” (8, с. 32). Семендер, как отмечалось, выделен автором особо.

Владения хазар на юге, включавших в свой состав и бывшее “владение Баланджар”, возможно, и простирались до передовых отрогов Кавказских гор, но политические центры, расположенные на территории приморской полосы от Дербента до Семендера, являлись, видимо, самостоятельными, т.к. во главе их стоял свой “владыка”, как свидетельствует Ибн Хордадбек. Косвенные данные хазарского царя Иосифа и персидского Анонима могут быть интерпретированы также.

“Царство Сувар” (“земля владыки Сувар”), расположенное севернее Дербента, упоминается в IX в. только Ибн Хордадбеком. Оно названо в перечне семи политических образований, находящихся “за пределами ал-Баба” (3, с. 109). Арабский автор Ибн ал-Факих, составивший около 903 г. компиляцию из сочинений предшественников, повторяет сведения Ибн Хордадбека о политических центрах, расположенных вблизи Дербента, но “владение Сувар” Ибн Хордадбека обозначено им как “царство Сура”: “За городом Баб царства Сура и Лакз, царство Аллан, царство Филан, царство Маскат, Сахиб-ас-Серир и город Семендер” (12, с. 41).

Что это за “царство Сувар (Сура)”, где конкретно оно находилось, источники не дают ответа. Возможно, что оно непосредственно примыкало к владениям Дербента на юге и владениям Семендера на севере.

М.И. Артамонов “страну Хамзин”, образовавшуюся в приморской полосе Дагестана после распада “Страны гуннов”, отождествлял со страной Сувар, названной так по имени гуннов-савир (13, с. 222). “Страна Сувар”, помещаемая Я.А. Федоровым в Северо-Вос-

точном Дагестане, являлась, как полагал автор, иным названием “царства гуннов” (14, с. 18-19, 35). Под именем “Сувар” арабского географа Ибн-Хордадбека по предположению А.В. Гадло могло скрываться одно из ранних наименований страны хазар (15, с. 151).

В IX в. на политической карте Западного Прикаспия древние авторы помещают четыре политических образования. Из существовавших в VIII сохранились лишь два — “владение Семендер” и “страна Хазар”. Однако границы их владений изменились. “Страна Хазар” продвинулась к югу, поглотив, видимо, известные в VIII в. “страну Баланджар” и “территорию Вабандар”, сведений о которых в IX в. нет. “Владение Семендер”, видимо, уменьшилось в это время, на южных его оконечностях, к северу от Дербента образовалось “царство Сувар”, впрочем, в X в. о нем уже нет сведений. Нет сведений в источниках о Хайдаке IX в., но он продолжал существовать, т.к. в X в. — это одно из сильных государств Западного Прикаспия. Еще в 40-е гг. VII в. выделилось политическое образование “территория Шандан”, но наибольшая политическая активность его начинается в IX в. Его местоположение источником точно не определяется — где-то вблизи Дербента и Хайдака.

Х век. Политическая карта Прикаспийского Дагестана существенно изменяется. В Прикаспии источники фиксируют в это время лишь три политических образования: “царство Хайдак”, “территория Шандан” и “страна Хазар”.

“Царство Хайдак”. Наиболее ранние сведения о Хайдаке X в. относятся к 983 г. В дагестанской хронике “История Ширвана и ал-Баба” под этим годом упоминается совместный поход конных отрядов хайдакцев и дербентцев на владения Шандана (10, с. 66). Хайдак не причислен автором хроники к “странам неверных”, как например, Шандан, Серир, он почти всегда выступает союзником Дербента.

Пятью годами позже авторитетнейший арабский ученый ал-Мас’уди в своем знаменитом сочинении “Россыпи золота”, точно датированным 943 г., отмечает “царство Джидан” среди княжеств, соседствовавших с Дербентом, причем как самое могущественное в регионе (16, с. 191, 202-203). Название “Джидан” признано исследователями как неправильное написание точного названия этого политического образования, а именно — “Хайдак” (17, с. 127, прим. 55). В отличие от дербентской хроники, ал-Мас’уди отмечает, что “Народ ал-Баба терпит много ущерба от царства Хайдак (Джидан)” (16, с. 191) и что

“княжество Хайдак (Джидан)” является, по выражению автора, “вреднейшим” из соседствующих с Дербентом (16, с. 202). Вот как об этом рассказывает сам ал-Мас’уди: “Жители Баб-валь-Абваба терпят неприятности от соседнего царства, называемого Джидан, подвластного хазарам, столицей которого служит город по имени Семендер, лежащий на расстоянии восьми дней пути от Баба. Теперь он еще населен хазарским племенем, однако с той поры, как он был завоеван в первые времена ислама Сулейман-ибн-Рабия аль Багалийцем, престол царства был перенесен в Итиль на семь дней пути далее. В Итиле живут в настоящее время цари хазарские” (18, с. 43). В литературе утвердилось представление о том, что ал-Мас’уди говорит в этой части своего сочинения о Семендере, как о столичном городе Хайдака (Джидана), являвшимся таковым во времена ал-Мас’уди и о Семендере, как бывшей столице “страны хазар”, перенесенной в Итиль. Однако, на наш взгляд, возможно и иное понимание содержания рассказа ал-Мас’уди о Хайдаке (Джидане) и его столице. Ал-Мас’уди указывает, что Семендер в бытность автора (943 г.) — это столица Хайдака (Джидана), а Итиль — главный город “страны хазар”. В прежние времена, а именно в период разгрома Семендера арабами, столица хазар была перенесена на Волгу, в Итиль. Где находилась столица хазар прежде и как она называлась автор в этом сочинении не говорит. В другой своей книге, написанной в год смерти — “Книга предупреждения и пересмотра” ал-Мас’уди указывает четко, что первой столицей хазарского царства был г. Беленджер. Он пишет: “Река хазар, проходящая через город Итиль, нынешнюю столицу хазарского царства. До этого времени был столицей их город Беленджер” (19, с. 33).

На наш взгляд, автор в первой своей книге, цитируемой выше, упомянул Семендер, рассказывая об Итиле и далее о стране хазар по двум причинам. Во-первых, ал-Мас’уди необходимо было указать точную дату перенесения престола хазарских царей, связанную с таким известным событием, как разгром Семендера². Во-вторых, ал-Мас’уди необходимо было указать на точное расстояние между новой столицей хазар и хорошо известным во времена ал-Мас’уди г. Семендером. Беленджер, откуда, по-видимому, вели свою родословную хазарские цари, уже не существовал в X в. и нужно было связать сообщение о нем с известным в Прикаспии городом, в частности, Семендером, который подвергнется разгрому лишь в 969 г.

В издании 1963 г. книги Мас’уди “Россыпи золота” (перевод В.Ф.

Минорского) рассказ о Хайдаке (Джидане) и его столице имеет несколько иное содержание. Приведем отрывок полностью. “Народ ал-Баба терпит много ущерба от царства Хайдак (Джидан), народ которого входит в состав земель хазарских царей. Столицей [последних] был Самандар, город лежащий на расстоянии восьми дней пути от ал-Баба. Он и сейчас населен народом из хазар; но так как в ранние дни ислама он был завоеван Сулейманом б. Раби’а ал-Бахили, то управление было перенесено оттуда в город Атил на расстояние семи дней от [Самандара]” (16, с. 192). В.Ф. Минорский, как видим, устранил противоречия второй части цитаты введя в текст слово “последних”, поясняющего, что Семендер был прежде столицей хазарских царей. Однако при этом не устраняется еще одно противоречие, имеющееся у ал-Мас’уди. Получается, то ал-Мас’уди в первой своей книге называет ранней столицей хазарских царей Семендер, а в книге, написанной через 13 лет — Беленджер.

Ал-Мас’уди приводит сведения о Семендере и княжестве Хайдак (Джидан) в главе 17, где дается описание Дербента и “соседних с этими местами царей и племен”. Рассказав о Кавказе, царстве Табасаран и, едва начав повествование о Хайдаке (Джидане), прерывает его пространством отступлением, насыщенный сведениями о современной столице хазар Итиле и Хазарском государстве (16, с. 192-201; 18, с. 43-46). Закончив повествование о современных хазарах, ал-Мас’уди продолжил описание земель, находящихся вблизи Дербента, фразой: “Возвратимся теперь к описанию Баб-уль-Абваба, племен, живущих по соседству со стеной, и к описанию Кабха” [Кавказа] (16, с. 202; 18, с. 51). И далее следуют новые сведения о Хайдаке (Джидане) и его ближайших соседях (16, с. 202-205; 18, с. 51-52). Как нам представляется, конец цитаты, содержащей сведения об Итиле, был отступлением от принятого плана изложения и к Семендере прямого отношения не имел. Если исключить из текста ал-Мас’уди отрывок об Итиле и стране хазар, то его сообщение о “царстве Хайдак (Джидан) будет выглядеть так: “Жители Баб-валь-Абваба терпят неприятности от соседнего царства, называемого Джидан, подвластного хазарам, столицей которого служит город по имени Семендер, лежащий на расстоянии восьми дней пути от Баба ... Царь этой страны мусульманин и считает себя принадлежащим к арабскому семейству Хахтан. Зовут его Салифан и живет он в настоящее время, именно в 332 г.”

А.В. Гадлю в своей книге неоднократно подчеркивает, и мы с ним солидарны, что Семендер никогда не был хазарским городом, а тем

более его столицей. Это был один из крупных городов “страны гуннов”, а после разгрома ее столицы Варацана, стал главным городом “страны гуннов”. Хазарами Семендер использовался во время военных кампаний арабо-хазарских войн как база для организации походов против арабов (15, с. 152 и др.).

Дополняют сведения о столице Хайдака данные дербентской хроники “История Ширвана и ал-Баба”. Как отмечалось впервые о хайдаках в хронике говорится под 938 г., но, в источнике имеются и более ранние сведения, о относящиеся к 916 г.

Автор хроники сообщает, что в этом году, 2 марта эмир Дербента Абд ал-Малик был свергнут с престола своим племянником, сыном брата. Помог эмиру восстановить свою власть в Дербенте какой-то “Салифан с хазарским войском” (10, с. 66). Они пленили племянника эмира и его сторонников и “ввели Абд ал-Малика в город (ал-Баб). Автор дербентской хроники не дает пояснения о личности Салифана, кстати, это его единственное упоминание о нем.

Некоторые важные данные о Салифане — царе Хайдака (Джидана) приводит Мас’уди. Он пишет следующее: “Мы сказали, что вреднейшим из таких соседних народов является княжество Хайдак (Джидан). Его царь — мусульманин, который заявляет, будто он араб из [племени] Кахтан. В настоящее время, а именно в 332 / 943 году он известен как Салифан, и в его государстве нет других мусульман, кроме него, его сына и семьи. Я думаю, что этим прозвищем зовутся все цари этой страны” (16, с. 202).

Сопоставление данных двух источников привело В.Ф. Минорского к заключению что в дербентской хронике в связи с событиями 916 г. речь идет о главе кайтаков, носившем титул “салифан” (17, с. 128). На наш взгляд, Салифан дербентской хроники и Салифан ал-Мас’уди, вероятно, одна и та же личность. Информация о салифане в двух источниках разделена всего 27 годами, причем, более ранними являются сведения автора дербентской хроники. Ал-Мас’уди указывает также, что в 943 г. царство Хайдак (Джидан) было подвластно хазарам (16, с. 191; 18, с. 43). Становится понятным почему в дербентской хронике сообщалось, что в 916 г. Салифан осаждал Дербент вместе с хазарским войском, именно хазары были союзниками царства Хайдак (Джидан).

В дербентской хронике имеется еще одна информация и Салифане и его царстве. Под 1064 г. автор хроники сообщает, что “остатки хазар численностью 3 тыс. семей прибыли в г. Кахтан хазарской стра-

ны (или: в Кахтан на (прежней) хазарской территории). Они отстроили его и поселились в нем” (10, с. 75). Возможно, что здесь Кахтаном назван столичный город страны Салифана, который вел свое происхождение от арабского рода Кахтан. Если это так, то речь здесь может идти о столице Хайдака г. Семендере, разрушенном по сведениям ибн-Хаукаля в 969 г., т.е. через 25 лет после сообщения о нем ал-Мас’уди. Через 95 лет остатки хазар (имеются в виду, на наш взгляд, жители Семендера, оставшиеся в живых после разгрома русами города) возвратились в Семендер, отстроив его заново. Возможно, что у автора дербентской хроники под 1064 г. помещена последняя в письменных источниках информация о городе Семендере — поздней столицы “страны гуннов” и одном из важнейших городов в подвластных хазарам землях.

Сведения о г. Кахтане получили в литературе и несколько иную интерпретацию. В.Ф. Минорский полагал, что хазары возвратились в Баршалию (Бацлы), отождествляемую им с ранней столицей “страны гуннов” г. Варачаном (17, с. 128-129). А.П. Новосельцев считает, что идентифицировать г. Кахтан с известными городами не представляется возможным (5, с. 231).

Местоположение Хайдака (Джидана) указано у ал-Мас’уди достаточно четко. В непосредственной близости от Дербента, на расстоянии одного фарсаха, а дневной переход составлял 7-10 фарсахов (3, с. 7) находилась страна арабов-переселенцев. Населенные пункты этой страны, как указывает ал-Мас’уди, располагались в лесах, зарослях, долинах, вдоль больших рек. Как видим, в топонимической характеристике местности горный рельеф не назван, видимо, страна арабов-переселенцев занимала равнинные территории. Как указывает автор, территория, заселенная арабами- находилась между Дербентом и Хайдаком (Джиданом). Значит, земли Хайдака (Джидана) непосредственно не граничили с Дербентом в середине X в., а соприкасались на юге с землями арабов-переселенцев. На западе, как образно выражается ал-Мас’уди, — “со стороны Кабха и Сарира” Хайдак граничил с “землей царя Марзубана”, на северо-западе его земли непосредственно примыкали к “владению царя Сарира”, расположенному в горах, на “одном из отрогов Кабха”. Видимо, к северным границам “царства Хайдак (Джидан) непосредственно примыкали основные владения хазарского царя. Столица Хайдака (Джидана) находилась на значительном удалении от Дербента — в 8-ми днях пути и где-то на полпути к Итилю (18, с. 43). Представить размеры

самого княжества помогают данные двух других арабских географов — ал-Истархи и Ибн Хаукаля.

Оба они на первый взгляд противоречат более ранним сведениям ал-Мас'уди о местоположении Семендера. Если ал-Мас'уди говорит о 8 днях пути из Дербента в Семендер, то упомянутые выше авторы указывают на 4 дня. Это кажущееся противоречие породило предположение о двух Серирах, существовавших в разное время и в разных местах (22, с. 58-60). Но обратимся к источникам.

Ал-Истархи, писавший в конце жизни ал-Мас'уди (950 г.), приводит такую информацию о пути из Дербента в Итиль: "... когда пройдешь Мукак, то до Баб-албАбваба два дня пути по стране Шарваншаха; далее пройдешь эту страну до Семендера в 4 дня, а от Семендера до Итиля семидневный путь по пустыне" (23, с. 39). Из текста ал-Истархи не совсем понятно, что за страна находилась между Дербентом и Семендером.

Ибн Хаукаль, взявший, как считается, сведения о Семендере у ал-Истархи, изъясняется более определенно. Вот как передаются им эти данные: "... когда пройдешь Мукал до пределов Баб-уль-Абваба в два дня пути от земель Шарваншаха и его области, то будешь идти до области Семендера 4 дня, а это также населенная местность, а от Семендера до Итиля 7 дней по степи" (24, с. 107).

У Ибн Хаукаля и ал-Истархи речь идет об "области Семендера", а не о городе Семендере, как у ал-Мас'уди. И четыре дня пути от Дербента, о которых они говорят, приходятся до южных границ "области Семендер", а сам г. Семендер находился, видимо, в глубине этой области.

У обоих авторов остается неясным какова протяженность владений Семендера и где находился сам город. Исходя из данных ал-Мас'уди о 8 днях пути до города Семендера и данных Ибн Хаукаля и ал-Истархи о 4 днях до "области Семендера" можно заключить, что сам город находился в 4-х днях пути от южных границ своих владений. Так противоречие между сведениями ал-Мас'уди и двумя другими арабскими авторами снимается. Общее расстояние от Дербента до Итиля остается одинаковым у всех троих — 15 дней пути.

О существовании обособленной страны между Дербентом и хазарскими владениями имеется еще одно свидетельство Ибн Хаукаля. Между Дербентом и землями хазаров им выделяется "небольшое пространство", которое отличалось от других горных "смежных населенных местностей" тем, что на пути к хазарским владениям других

"смежных с ним образований не было (24, с. 107). Речь идет все о той же "Области Семендер", которую он называет также "страной" (24, с. 114). Протяженность этой страны, как отмечалось, составляла с юга на север 4 дня дневного перехода, а с востока на запад — 2 фарсаха (» 14-16 км), таким было расстояние до границ Серира (23, с. 47). С юга "область Семендер" граничила с владениями арабов-поселенцев, с запада с владениями ал-Кердж и Сарира (16, с. 203; 18, с. 52). С севера владения Семендера, как показано, примыкали к землям хазар.

Необъяснимым остается один вопрос. Ал-Истархи и Ибн Хаукаль, писавшие после ал-Мас'уди, ничего не сообщают о "княжестве Хайдак", в Западном Прикаспии они знают лишь "область" или "страну" Семендер. Возможно, что это название политического образования не было известно ал-Истархи, который полностью поместил в своем сочинении сведения о Семендере более раннего арабского географа ал-Балхи, составившего свой труд примерно в 921-922 гг. (25, с. 62). Ал-Истархи дополнил сведения своего предшественника лишь цифровыми данными, содержащими информацию о протяженности пути к Семендере от Дербента и Итиля (23, с. 39).

Более просвещенный Ибн Хаукаль, взявший сведения о Семендере у ал-Истархи, уже определеннее говорит об "области Семендер", характеризуя ее как "небольшое пространство" между Дербентом и землями хазар. Однако название "Хайдак" ему также незнакомо. Ибн Хаукаль писал через 27 лет после ал-Истархи и через 34 года после ал-Мас'уди. За это время в Прикаспии произошли важные события. Об этом повествует сам Ибн Хаукаль. Повторив почти полностью рассказ о Семендере ал-Истархи, вплоть до фразы: "Я не знаю в области Хазар на обного густонаселенного пункта, кроме Семендера" (23, с. 49) — сравни у Ибн Хаукаля: "Я не знаю, чтобы было в области хазар другое сборное место кроме Семендера" (24, с. 115). Однако эта фраза была лишь данью традиции арабских писателей, помещавших сведения о знаменитом Семендере. Ибн Хаукаль уже ничего нового о Семендере сообщить не мог. Когда писалась книга Ибн Хаукаля (ок. 977 г.) Семендер уже 8 лет лежал в развалинах после разгрома, учиненного русами в 969 г. Вот как об этом трагическом событии повествует сам автор: "У хазар есть также город по имени Семендер, находится он между хазарами и Баб-уль-Абвабом. В нем много садов, и говорят, что они содержат около 40000 лоз. Все это погибло вместе со страной, а она весьма изобиловала лозами и

виноградом. Ее населяли мусульмане и другие, и в городе у них были мечети, у христиан храмы, а у иудеев синагоги. Затем пришли русы, разрушили все это и разгромили все, что принадлежало людям хазарским, болгарским и буртаским на реке Итиль” (24, с. 114). Сообщение о стране Семендер Ибн Хаукаля является последним в источниках, датируемое X в. Более об этом политическом образовании никаких новых сведений в источниках нет. Как, впрочем, и о Хайдаке.

Если в “Истории Ширвана и ал-Баба” проанализировать хронологию событий, связанных с Хайдаком, то основные вехи событий X в. приходятся на 916 и 938 гг., как, впрочем, и Шандана (912, 916, 938). Далее, вплоть до 1040 г., источник молчит о Хайдаке (о Шандане новая информация появляется под 1037 г.). Добавим к хронологии Хайдака 943 г., о котором имеются свидетельства у ал-Мас’уди. Получается, что ни о Хайдаке, ни о Семендере сведений в источниках до XI в. нет. Сообщение о Хайдаке XI в. в дербентской хронике начинается с 1040 г., когда хайдакцы напали на Дербент, захватив эмира Абу Мансура и его жену Шамкуйе (10, с. 72). С этого времени Хайдак — непременный участник всех важнейших событий, происходящих в регионе. Наибольшая его активность падает по данным дербентской хроники на 1064, 1066, 1068, 1075 гг. В это же время — в 1064 г. возродился из развалин г. Кахтан. Если наше предположение об идентичности Кахтана и Семендера справедливо, то вместе с возвращением населения на прежние “хазарские” территории, как отмечает дербентская хроника, восстановлением их, вероятно, столичного города Кахтана (Семендера) кайтагцы или иначе жители “страны Семендер” вновь заявляют о себе на арене политических событий. Хайдак в X в., возможно расширил свои владения, поглотив “владение Семендер”. Другого более могущественного образования к северу от Дербента источники в это время не знают. Семендер на какое-то время стал резиденцией царя Хайдака, и в начале XI в. он еще известен как г. Кахтан, видимо, получив такое название где-то в середине X в.

Мы полагаем, что у ал-Мас’уди, ал-Истархи, Ибн Хаукаля и автора дербентской хроники речь идет об одном и том же политическом образовании в Прикаспии, известном в X в. под названием “Хайдак” или “страна Семендер”.

Исследователи локализуют Хайдак (Джидан) X в. по-разному. Н.А. Караулов полагал, что Джидан ал-Мас’уди простирался на побережье Каспия от р. Терек до Дербента (26, с. 70). В.В. Бартольд

считал Кайтак X в. ближайшей к Дербенту областью (27, с. 676). А.В. Гадло Хайдак называет прямым полигическим и этническим наследником “царства гуннов”. В состав этого царства по его мнению входила “вся территория Приморской низменности и предгорья Дагестана, включая ее северную часть, где находится г. Семендер” (15, с. 152).

“Территория Шандан”. Шандан в X в. достаточно хорошо охарактеризован в дербентской хронике. Впервые о нем упоминалось под 886 г., но в течение следующих 26 лет сведений о Шандане в хронике нет. Только под 912 г. автор упоминает его вновь, сообщая, что ширванцами и дербентцами был организован совместный поход на Шандан. Сражение у “ворот Шандана” окончилось разгромом нападавших (10, с. 48, 65). Оба эмира (Дербента и Ширвана) вместе с 10 тыс. войск были взяты в плен, но вскоре были освобождены. Часть пленников была отпущена без выкупа, остальные проданы. По всей видимости, союзниками шанданцев в этом событии выступали сарирцы и хазары, т.к. автор отмечает, что пленных поделили между ними и шанданцами. После описания битвы и последовавших после нее событий, автор хроники характеризует Шандан как наиболее опасного врага Дербента — “Среди племен неверных в пограничной области ал-Баба злейшим /врагом/ мусульман был народ Шандана” (10, с. 48). Но уже через четыре года шандан выступает, как союзник Дербента, именно в Шандане находит убежище эмир Дербента, свергнутый с престола своим племянником в 916 г. (10, с. 66). Но союз этот, видимо, продлился недолго, т.к. в 938 г. Дербент вновь воюет с Шанданом. Союзниками Дербента в акции 938 г. против Шандана были хайдакцы. Нападение было совершено внезапно, ночью, при этом было убито “...много знатных лиц Шандана...” (10, с. 66). Шандан, вероятно, долго не мог оправиться от разгрома, почти 100 лет после этого он не являлся участником политических событий Дербента и пограничных с ним областей. Автор упоминает в хронике о Шандане еще дважды. Он сообщает о неудачном походе шанданцев на Дербент в 1037 г. и об ответном походе дербентцев против Шандана в 1040 г. (10, с. 72). Судя по косвенным данным источника, можно заключить, что “территория Шандан” располагалась к северу от Дербентских владений, т.е. “пограничной области Дербента” (10, с. 72), и она являлась одним из ближайших к Дербенту политическим образованиям. Граничила ли его “территория” с владениями Дербента, сказать наверняка нельзя, т.к. прямых указаний источника на это

пег. Соседними княжествами Шандана были Хайдак, который выступает то союзником, то противником Шандана, и Серир, охарактеризованный автором лишь как союзник Шандана.

“Страна хазар”. О хазарах X в. в Прикаспийском Дагестане реальные сведения сохранились только в дагестанской хронике “История Ширвана и ал-Баба”. Хазары упоминаются в хронике четырежды, три события приходятся на первое десятилетие X в. В 901 г., как сообщает автор, “хазары со своим царем К.са б. Блджан ал-Хазари напали на Баб ал-абваб...” (10, с. 65). Дербентцы отразили нападение хазар и нанесли им поражение. Это единственное упоминание в хронике о хазарском царе и самостоятельной военной акции хазар в Прикаспийском Дагестане.

Во всех остальных событиях, среди участников которых упоминаются хазары, речь, видимо, идет о наемных войсках хазар. В 912 г. хазары вместе с сарирцами, видимо, помогали Шандану отразить совместное нападение Ширвана и Дербента. Об участии хазар прямо в хронике не говорится, но они вместе с сарирцами названы автором среди тех, кому достались пленные дербентцы и ширванцы после нанесенного им поражения (10, с. 48, 65).

В 916 г. хазарское войско вместе с Салифаном, как показано выше, правителем Хайдака, помогли эмиру Дербента Абд ал-Малику б. Хашими б. Сурака в его борьбе за восстановление престола (10, с. 66). Их помощь сыграла решающую роль. Хазары участвовали в разгроме противников эмира Дербента, видимо, как наемные войска. Но учитывая, что их участие в событиях 916 г. зафиксировано вместе с правителем Хайдака Салифаном, состоявшим в союзнических отношениях с Хазарским каганатом, то хазары помогали Абд ал-Малику, видимо, по просьбе Салифана. Судя по данным дербентской хроники, хазары традиционно выступали против Дербента (901 и 912 гг.). Других сведений о хазарах в X в. в источнике нет. Последнее их упоминание в “Истории Ширвана и ал-Баба” проходит под 1064 г. Оно гласит: “В том же году остатки хазар численностью в 3 тыс. семей прибыли в г. Кахтан хазарской страны (или: в Кахтан на [прежней] хазарской территории). Они отстроили его и поселились в нем” (10, с. 78). Наши суждения о том, что Кахтан — это, возможно, иначе переданное автором хронике название г. Семендера, столицы “владений Семендера”, были высказаны выше. Местоположение и принадлежность Кахтана определяется автором как территория, как-то связанная с хазарами — Кахтан хазарской страны” или возможен

другой вариант перевода как “Кахтан на (прежней) хазарской территории” (10, с. 75). Точнее на наш взгляд второй вариант, т.к. “владение Семендер” находилось в зависимости от Хазарского каганата, но имело самостоятельное управление, значит не являлось номинально частью “хазарской страны”. Видимо, после разгрома Семендера русами в 969 г. город, как и его владения, до 1064 г. находились в запустении и возвращение в Кахтан-Семендер 3 тыс. семей его жителей стало заметным событием, стоящим быть отмеченным в хронике среди самых важных событий истории Ширвана и Дербента. Остается неясным одно обстоятельство — откуда прибыли “остатки хазар”, где они жили до 1064 г. Возможно, они пережидали походы русов где-то в горных районах — в Серире, например, чьим союзником они часто выступали в первые десятилетия X в.

А.П. Новосельцев предложил иной перевод отрывка дербентской хроники, содержащего данные о хазарах 1064 г.: “В том году и остатки хазар численностью в 3000 семей (домов) прибыли в город Кахтан из страны хазар, отстроили его и поселились в нем” (5, с. 231). По мнению автора, его перевод является более точным, чем перевод В.Ф. Минорского, хотя грамматически он выполнен Минорским правильно (5, прим. 68). Основываясь на допущении, что переписчик “Истории Ширвана и ал-Баба” турецкий автор Мюнаджим-баши мог сделать перестановку фразы оригинала, А.П. Новосельцев предлагает свое понимание содержания фразы. По А.П. Новосельцеву получается, что в 1064 г. хазары прибыли в г. Кахтан из хазарской страны, многие области которой были захвачены аланами (5, с. 193-194, 231). Нам представляется, что источник не дает возможности таким образом интерпретировать его содержание.

В целом сведения о хазарах автора дербентской хроники как бы приглушенные. В них нет намека на то, как называлось их страна, где она находилась, о каких хазарах, упоминаемых в хронике, идет речь под 1064 г. Видимо, автор, составлявший хронику в начале XII в. уже мало что знал о хазарах и только передал в ней сведения, встреченные им в ранних источниках.

Политический деятель Испании Хасдаи Ибн Шафрут, написавший примерно в 960 г. письмо к хазарскому царю Иосифу, демонстрирует последнему свои знания о Хазарии. Он сообщает, ставшие ко времени составления письма уже легендарными, сведения о вынужденном переселении хазарских царей с Кавказа на Волгу. Об этом Хасдаи Ибн Шафруту, по его словам, рассказали “странцы”. Пре-

жнес место обитания хазар на Кавказе называется Хасдан Ибн Шафругом как "гора Сеир" (28, с. 105). Это еще одно свидетельство того, что кавказская провинция хазар находилась в предгорьях.

В сочинении Иосиппона, писавшего в IX в. или X в., называется десять родственных хазарам племен, обитавших в одноименных с их этнонимами странах. Им названы: Козар, Пацинак, Аликанус, Булгар, Рагбина, Турки, Буз, Забук, Унгари, Тилмац (29, с. 39). Три страны (Унгар, Булгар и Пацинак) локализованы автором на Дунае, остальные — на Итиле (29, с. 39). Население прикаспийских областей никак не связывается Иосиппоном родственным происхождением с хазарами.

Как видим, политическая карта Западного Прикаспия X в. изменилась, причем, существенным образом. Из существовавших в IX в. сохранились только три политических образования — Хайдак, Шандан и Хазария. Владения двух последних в Западном Прикаспии оставались, по-видимому, неизменны в своих границах. Хайдак же, обозначенный в источниках в VIII в. как "земля Хайдак", к X в. становится уже "царством Хайдак", поглотив равнинные территории Прикаспия, ранее составлявшие "владение Семендер". Хайдак вплоть до разгромов русов в X в. старые предгорные районы и новые равнинные вплоть до южных границ Хазарии. Между Хайдаком и Дербентом появилась буферная "страна" переселенцев-арабов; царство Сувар перестало существовать. Во второй половине X в. Хайдак потерял равнинные территории, которые начали возрождаться лишь в сер. XI в. В XII в. в Прикаспийском Дагестане устанавливается господство кыпчаков, известных из русских летописей под именем половцев.

¹ По теме статьи автором сделан доклад на XIX "Крупновских чтениях" по археологии Северного Кавказа, проходивших в апреле 1996 г. в Москве (см.: 2, с. 60-61).

² Б.Н. Заходер полагал, что перенос столицы хазар на Волгу был осуществлен после 722 / 723 гг. (20, с. 177). В.Ф. Минорский также определял эту дату как 723 г. (17, с. 143). Л.Н. Гумилев называл 721 г. (21, с. 60). Сам ал-Мас'уди называл разные сроки: в одной из книг он писал, что это случилось при арабском халифе Османе (644-656), в другой — в 735 г. (17, с. 143, прим. 95). А.В. Гадло солидарен с первой датой ал-Мас'уди (15, с. 152).

ЛИТЕРАТУРА.

1. Гмыря Л.Б. Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала, 1995.
2. Гмыря Л.Б. Хазария и политические образования прикаспийского Дагестана в VII-XII вв. // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX "Крупновские чтения". Тез. докл. М., 1996.
3. Ибн Хордадбеж. Книга путей и стран / Пер., комментарии, исследование, указатели и карты Н. Велихановой. Баку, 1986.
4. ал-Хваризми. Книга картины Земли / Пер. Т.М. Калининой // Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского Халифата. М., 1988.
5. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
6. Иосиф. Ответное письмо хазарского царя Иосифа (краткая редакция) / Пер. П.К. Коковцева // Коковцев П.К. Европейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.
7. Иосиф. Ответное письмо хазарского царя Иосифа (пространная редакция) / Пер. П.К. Коковцева // Коковцев П.К. Европейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.
8. Худуд ал Алем. Рукопись Туманского в ведении и указателем В. Бартольда. Л., 1930.
9. ал-Куфи. Книга завоеваний (Известия по истории Азербайджана VII-IX вв.) / Пер. З.М. Буниятова. Баку, 1981.
10. Тарих ал-Баб. История Ширвана и ал-Баба / Пер. В.Ф. Минорского // Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X-XI веков. М., 1963.
11. Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала, 1996.
12. Ибн ал-Факих. Из "Книги о странах" / Пер. Н.А. Караулова // СМОМПК. Тифлис, 1902. Вып. XXXI.
13. Артамонов М.И. История Хазар. Л., 1962.
14. Федоров Я.А.. Хазария и Дагестан // Краткий этнографический сборник. М., 1972. Вып. 5.
15. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л., 1979.
16. ал-Мас'уди. Мурудж ад-дзахаб (Россыпи золота) (глава XVII) / Пер. В.Ф. Минорского // Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X-XI веков. М., 1963.

17. *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербента X — XI веков. М., 1963.

18. *ал-Мас'уди.* Из книги “Луга золота и рудники драгоценных камней” / Пер. Н.А. Караулова // СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. XXXVIII.

19. *ал-Мас'уди.* Из “Книги сообщений и знаний” / Пер. Н.А. Караулова // СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. XXXVIII.

20. *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX -X вв. М., 1962.

21. *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1992.

22. *Магомедов М. Г.* Образование Хазарского каганата. М., 1983.

23. *ал-Истахри.* Из “Книги путей царств” / Пер. Н.А. Караулова // СМОМПК. Тифлис, 1901. Вып. XXIX.

24. *Ибн Хаукаль.* Из “Книги путей и царств” / Пер. Н.А. Караулова // СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. XXXVIII.

25. *ал-Балхи.* [Абу Зейд эль-Балхи]. / Пер. Д.А. Хвольсона // Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда Бен Омар Ибн -Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X в. СПб., 1869.

26. *Караулов М. А.* Сведения арабских географов IX -X веков о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. XXXVIII.

27. *Бартольд В. В.* Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Соч. М., 1963. Т. II. Ч. I.

28. *Хасдаи Ибн Шафрут.* Письмо Хасдаи Ибн Шафрута к хазарскому царю Иосифу (ок. 960 г. по Р.Х.) / Пер. А.Я. Гаркави // Сказания еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве. СПб., 1874.

29. *Иосиппон.* Из сочинения неизвестного автора, коего псевдоним Иосиф бен Горион или Иосиппон / Пер. А.Я. Гаркави // Сказания еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве. СПб., 1874.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГУ — Азербайджанский государственный университет.
АО — Археологические открытия.
ВДИ — Вестник Древней Истории.
ВОН — Вестник общественных наук.
ВЯ — Вопросы языкознания.
ДГУ — Дагестанский государственный университет.
ИВАН — Институт востоковедения АН СССР.
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН.
ИЯЛИ — Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского НЦ РАН.
ИГЭД — История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы под ред. М. О. Косвена и Х. -М. Хашаева. М., 1958.
ИИЯЛ — Института истории, языка и литературы Дагестанского ФАН СССР.
ИКЯ — Иберийско-кавказское языкознание.
ИРГО — Императорское Русское Географическое общество.
ИЯ — Институт языкознания АН СССР.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР.
КОИРГО — Кавказское отделение Императорского Русского Географического общества.
МОИДР — Московское общество истории и древностей российских.
ПС — Палестинский сборник.
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
СА — Советская археология.
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа.
СОПИ — Северо-Осетинский педагогический институт.
СЭ — Советская этнография.
BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London.
FHG — Fragmenta historicorum graecorum.
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агларов Мамайхан Агларович — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН.

Аджиев Абдулхаким Магомедович — доктор филологических наук, заведующий отдела фольклора Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН.

Алиев Багомед Гадаевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН.

Гаджиев Муртазали Серажутдинович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН.

Гмыря Людмила Борисовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН.

Гасанов Магомед Раджабович — доктор исторических наук, профессор Дагестанского государственного педагогического университета.

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович — кандидат филологических наук, доцент Дагестанского государственного университета.

Давудов Омар Малаевич — доктор исторических наук, заместитель директора Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН.

Джидалаев Нурислам Сиражутинович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела грамматических исследований Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН.

Маммаев Мисрихан Маммаевич — доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник отдела археологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН.

Федоров Гаджи Саидович — доктор исторических наук, профессор Дагестанского государственного университета.

Ханмагомедов Ханмагомед Лязимович — доктор географических наук, Дагестанский государственный педагогический университет.

Эрдели Иштван — профессор Будапештского университета.

Содержание

ОТ РЕДАКТОРА. ТЮРКСКИЙ “ПРЕССИНГ” НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ	
ГАДЖИЕВ М. С. ЛПИНИЯ (ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ, ЛОКАЛИЗАЦИЯ, ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ)	7
GADJIEVM. S. LPINIA	42
МАММАЕВ М. М. К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ “КУБАЧИ” И ЭТИМОЛОГИИ САМОНАЗВАНИЯ КУБАЧИНЦЕВ “УГЪБУГ” (ГУГЪБУГ)	43
МАММАЕВ М. М. ORIGIN OF THE TOPONYM “KUBACHI” AND ETYMOLOGY OF THE KUBACHI INHABITANTS SELF-NAME	63
ГАСАНОВ М. Р. К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТАБАСАРАН	64
АЛИЕВ Б. Г. К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КАЙТАГСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ, ИХ ТИТУЛА И НАЗВАНИЯ ХАЙДАК	83
ЭРДЕЛИ И. АВАРЫ	89
ДЖИДАЛАЕВ Н. С. К ПРОБЛЕМЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ ДАГЕСТАНА	102
ДАВУДОВ О. М. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ПРИКАСПИЙСКОМ ДАГЕСТАНЕ	124
ГУСЕЙНОВ Г.-Р. А.-К.К ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ТЕРСКО-СУЛАКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ ПО ЯЗЫКОВЫМ И ФОЛЬКЛОРНЫМ ДАННЫМ	136
АДЖИЕВ А. М. ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В КУМЫКСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ	154
ФЕДОРОВ Г. С. К ЭТНОГЕНЕЗУ КУМЫКОВ	159
ХАНМАГОМЕДОВ Х. Л. БУЛГАРСКАЯ И ГУНЬСКАЯ ТОПОНИМИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ДАГЕСТАНА	164
ГМЫРЯ Л.Б. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ПРИКАСПИЙСКОГО ДАГЕСТАНА В ПОСТАРАБСКИЙ ПЕРИОД (IX-X ВВ.)	169
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	189
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	190

202